

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 9

Academic Journal

Series
History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies

Moscow
2015

ВЕСТНИК РГГУ
№ 9

Научный журнал

Серия «История. Филология. Культурология.
Востоковедение»

Москва
2015

УДК 94(05)+80(05)+008.001(05)
ББК 63.3я5+80я5+71я5

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.В. Иванов, акад. РАН, д-р филол. н., проф. (РГГУ; Калифорнийский ун-т Лос-Анджелеса, США), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), Е.Е. Кравцова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), М. Крэммер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кельна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»

Редакционная коллегия серии

Е.И. Пивовар, гл. ред., чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.И. Гиндин, зам. гл. ред., канд. филол. н., доц. (РГГУ), Г.И. Зверева, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), И.С. Смирнов, зам. гл. ред., канд. филол. н. (РГГУ), П.П. Шкаренков, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), М.Л. Андреев, д-р филол. н. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Т.Г. Архипова, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Н.И. Басовская, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Г. Васильев, канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.И. Дурновцев, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е.Е. Жигарина, канд. филол. н. (РГГУ), С.В. Карпенко, канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.Ф. Козлов, канд. ист. н., доц. (РГГУ), И.В. Кондаков, д-р филос. н., канд. филол. н., проф. (РГГУ), М.А. Кронгауз, д-р филол. н., проф. (РГГУ; РАНХиГС), Г.Н. Ланской, д-р ист. н. (РГГУ), Д.М. Магомедова, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Ю.В. Манн, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), И.Г. Матиюшина, д-р филол. н. (РГГУ), А.Н. Мещеряков, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.Ю. Неклюдов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Е.В. Пчелов, канд. ист. н., доц. (РГГУ), Н.И. Рейнгольд, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Р.И. Розина, д-р филол. н. (РГГУ; ИРЯ РАН), Н.Р. Сумбатова, д-р филол. н. (РГГУ), Я.Г. Тестелец, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.И. Тюпа, д-р филол. н., проф. (РГГУ), П.Ю. Уваров, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), В.И. Уколова, д-р ист. н., проф. (РГГУ; МГИМО (У) МИД России), А.С. Усачев, д-р ист. н., доц. (РГГУ), И.О. Шайтанов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), А.Л. Юрганов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.А. Яценко, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Ответственный за выпуск: П.Н. Лебедев, канд. ист. н. (РГГУ)

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2015

ISSN 2073-6355

СОДЕРЖАНИЕ

Человек и общество в цивилизациях древности и Средних веков

Е.В. Бульчева

Аренда храмовых земель и финансирование религиозных церемоний
в Аттике в IV в. до н. э. 9

Р.В. Заратин

Египтяне в системе управления государства Птолемеев 17

П.Н. Лебедев

Правление Максимиана Фракийца в освещении греко-римской
историографии III–V вв. 25

И.Е. Ермолова

Варвары во внешней и внутренней политике Рима в IV–V вв. 35

А.И. Черных

Письма Сидония Аполлинария в собрании Музея книги Российской
государственной библиотеки 44

О.В. Ауров

«Стольный город и мать другим городам Андалусии»:
Взятие Кордовы Фернандо III Святым в зеркале
«Истории Испании» Альфонсо X Мудрого 53

Е.С. Марей

Образ Магомета в «Первой всеобщей хронике Испании»:
К вопросу о конструировании религиозной идентичности 64

Личность, общество и власть в XVI–XX веках

Л.А. Жукова

Становление университета Сент-Эндрюса в XV – начале XVI в.
и западноевропейские модели университетской организации 74

<i>Е.В. Балущкина</i>	
Репрезентация категории врага в революционном политическом дискурсе О. Кромвеля и М. Робеспьера	83
<i>Е.К. Чернецкая</i>	
Колониальный вопрос в фокусе консервативной прессы Германской империи (1888–1890 гг.)	94
<i>О.В. Саприкина</i>	
На пути к национальному образованию: культурное движение чехов за создание университета в Брно	103
<i>Е.В. Киктева</i>	
Организованный национализм в Германии в 1888–1918 гг. (по документам российских архивов)	113
<i>Н.В. Ростиславлева</i>	
Концепция «идеальных типов» Макса Вебера как полидисциплинарный проект	122
<i>Е.В. Королева</i>	
Военная элита Германской империи о противнике в Первой мировой войне (на основе мемуарной литературы)	130
<i>Д.А. Бурашников</i>	
Историческая комиссия рейхсфюрера СС	140
Abstracts	148
Сведения об авторах	154

CONTENTS

The person and society in the civilisations of the Antiquity and the Middle Ages

<i>E. Bulycheva</i>	
The renting of temple lands and financing of religious celebrations in the Attica in the IV century B.C.	9
<i>R. Zarapin</i>	
Egyptians in Ptolemaic Egypt administration system	17
<i>P. Lebedev</i>	
The reign of Maximinus Thrax in Greco-Roman historiography of the III–V centuries A.D.	25
<i>I. Ermolova</i>	
The barbarians in the Roman foreign and home politics in the IV–V centuries A.D.	35
<i>A. Chernykh</i>	
The letters of Sidonius Apollinaris in the collection of the Book Museum of the Russian State Library	44
<i>O. Aurov</i>	
“Capital and mother of the other cities of Andalucía”: Capture of Cordoba by Fernando III the Saint in the mirror of Alfonso the Wise’s “Estoria de Espanna”	53
<i>E. Marey</i>	
Image of Muhammad in the “First General Chronicle of Spain”: About the mode of religious identity construction	64

The person, society and power in the XVI–XX centuries

<i>L. Zhukova</i>	
Formation of the University of St. Andrews in the XV – early XVI centuries and West European models of university organization	74

<i>E. Balushkina</i>	
Representation of the “Enemy” category in revolutionary political discourse of Oliver Cromwell and Maximilien Robespierre	83
<i>E. Chernetskaya</i>	
Colonial theme in conservative press of German Empire (1888–1890)	94
<i>O. Saprikina</i>	
On the way to the national education: Czechs in the cultural movement for the creation of the University in Brno	103
<i>E. Kikteva</i>	
Organized nationalism in Germany in 1888–1918 (according to the papers in the Russian archives)	113
<i>N. Rostislavleva</i>	
Concept of “Ideal types” of Max Weber as the multidisciplinary project	122
<i>E. Koroleva</i>	
Military elite of German Empire about the enemy in World War I (based on the memories)	130
<i>D. Burashnikov</i>	
The Historical Commission of the Reichsfuhrer SS	140
Abstracts	148
General data about the authors	156

Человек и общество в цивилизациях древности и Средних веков

Е.В. Булычева

АРЕНДА ХРАМОВЫХ ЗЕМЕЛЬ И ФИНАНСИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ЦЕРЕМОНИЙ В АТТИКЕ В IV в. до н. э.

Цель статьи – представить доходы от аренды храмовых земель в Аттике в IV в. до н. э. как один из источников финансирования религиозных празднеств и церемоний в греческом полисе. В качестве основного источника привлекаются данные эпиграфики (надписи об аренде земли святилищ).

Ключевые слова: аренда, Аттика, священные земли, доход, празднества.

В греческом полисе земля традиционно представляла особую ценность. В связи с определенными особенностями природно-географического характера большая часть земель не отличалась плодородием. Поэтому греки проявляли особую заботу к каждому, даже заброшенному, целинному земельному участку. Земля была в распоряжении разных полисных структур. В древней Аттике земельными участками распоряжались как частные лица, так и территориально-административные подразделения полиса – демы, фратрии и религиозные организации. Определенное количество земли принадлежало святилищам. Такие территории назывались теменосами. Из древней Аттики до нашего времени сохранилось немало надписей, посвященных сдаче в аренду теменосов.

Аренда земельных участков приносит арендодателям постоянный, устойчивый доход, который необходим как целым организациям, так и отдельным гражданам¹. Х. Мичелл пишет, что сельскохозяйственные объединения предпочитали использовать сдачу в аренду собственности (недвижимости) как средство для получения определенной выгоды².

Организации действительно получали от сдачи в аренду определенную прибыль в виде арендной платы, размеры которой различались в зависимости от ряда условий.

Для того чтобы оценить, насколько был велик доход, полученный в виде арендной платы, следует сравнить его со стоимостью земельного участка, т. е. можно попытаться определить, что было более выгодным для организации – продавать имущество или сдавать его в аренду. В некоторых надписях имеется несколько цифр, выражающих соотношение между арендной платой и ценой собственности, которая сдается в аренду (в основном это земля). В арендном постановлении дема диалейцев предусмотрена покупка земельного участка арендатором за 5000 драхм, при арендной плате в 600 драхм ежегодно.

Таким образом, арендная плата составляет 12 % от предполагаемой цены продажи этого участка (IG. II².1241, lines. 25–28). Конечно, типичность этих цифр нередко подвергается сомнению. Цена, за которую арендатору предоставлялось право купить участок, могла быть значительно меньше «рыночной». Кроме того, право покупки для арендатора можно рассматривать как своего рода компенсацию или вознаграждение.

Судя по данным договоров об аренде храмовых земель в Аттике IV в. до н. э., доход от арендной операции представлял собой не только арендную плату. В некоторых случаях это могли быть культуры, выращенные в течение периода аренды. Реализация плодовой продукции также приносила прибыль организации. Возможно предположить, что дальнейшая реализация полученной продукции приводила к некоторому обогащению территориальной организации. В надписях об аренде земель храмов часто указаны полевые угодья, предназначенные для выращивания различных зерновых культур. М. Уолбэнк считает, что доход от продажи зерна в ходе аренды был одной из статей дохода храмовых и других ассоциаций, хотя он мог быть не очень высоким по сравнению, например, с продажей в общегосударственном масштабе³. Арендная операция не была своеобразным источником прибыли для организаций, участвующих в аренде. Доходы от аренды были постоянными и тратились на проведение разных местных мероприятий.

Из сохранившихся до нашего времени различных источников известно, на финансирование каких сторон жизни общества расходовались полученные средства. Х. Мичелл отмечает, что государство и храмы, сдающие в аренду свои земли, использовали доходы от этого прежде всего для организации праздников⁴. По сообщению источников, доходы от аренды земли и помещений в Аттике

начиная с V в. до н. э. использовались для финансирования разных мероприятий. В V в. до н. э. средства, полученные от сдачи в аренду священных земельных участков тратились, как известно, прежде всего на финансирование жертвоприношений. «Ареопагитик» Исократ свидетельствует (29–30), что афиняне разделяли «отеческие жертвоприношения» и «новые жертвоприношения», и те и другие, вероятно, финансировались из ренты священных участков, которые сдавал в аренду архонт-басилей. В. Розивач предлагает интересную гипотезу, согласно которой «отеческие жертвоприношения» финансировались из ренты священных участков, которые сдавал в аренду архонт-басилей, а «новые жертвоприношения» – из других источников (например, с помощью продажи и дарений храмам)⁵. Судя по данным надписей об аренде храмовых земель, практика передачи средств от аренды на финансирование мероприятий храма начинается в V в. до н. э. Так, в договоре дема плотейцев (IG. II². 1172, lines. 5–10), который датируется серединой V в. до н. э., сказано, что из доходов от сдачи в аренду земли плотейцам следует передавать средства на финансирование религиозных церемоний. В частности, выдавать 7000 драхм святилищу Геракла, 1200 драхм жертвовать на празднества в честь Афродиты, а на Анакии (особый вид религиозного праздника) следует потратить 5000 драхм. Кроме того, в договоре предписано выдавать лучшее вино от имени общины на общественные священнодействия (IG. II². 1172, lines. 35–36). В IV в. до н. э. не только продолжается, но становится весьма распространенной практика финансирования различных религиозных церемоний за счет средств, полученных от аренды теменосов.

До нашего времени хорошо сохранился документ, датированный 363/2 г. до н. э., в котором содержится подробная информация о распоряжении храмовыми землями культовой организацией Саламиниев. В частности сказано, что Саламинии выделяли большое количество средств на проведение различных религиозных мероприятий. В декрете рода говорится об организации жертвоприношений в честь разных богов (Афины, Посейдона, Афродиты и героя Тесея), дается описание обязанностей членов рода – финансирование праздника Великих Панафиней, Оскофорий (Greek historical inscriptions. 37). Демосфен также сообщает, что с членов этой организации собирались средства на проведение Панафиней (XLIV. 37). Как известно, проведение Панафиней и Оскофорий требовало немалых средств. Панафиней были одним из самых значительных праздников в честь Афины. В ходе проведения Панафиней деньги тратились на проведение жертвоприношений, состязаний, а также

на оплату наград победителям. Перечисление одних только наград за победу в панафинейских состязаниях занимает поверхность огромной каменной стелы (IG. II². 2311). Первая премия состояла из золотого венка стоимостью в 1500 драхм, вторая была в 1200 драхм, третья – 600. Другой религиозный праздник, на который выделяли средства Саламинии – Оскофории, который проводился в честь победы Тесея над Минотавром. В ходе его проведения устраивались спортивные соревнования среди юношей. Победители награждались специальным призом, представлявшим собой напиток, изготовленный на основе оливкового масла, вина, меда, сыра и муки. Средства на это приготовление также выдавали Саламинии (lines. 47–50). В связи с этим становится понятно, почему полис возлагает ответственность за финансирование на известные объединения граждан – демы, культовые организации. Среди них оказываются Саламинии. В надписи также указано на то, что род участвовал в организации жертвоприношений 7 или 8 раз в течение месяца (Greek historical inscriptions. 37, lines. 58–60). Им также предписано выделять на жертвоприношения мясо и шкуры животных (lines. 60–62).

До нашего времени также сохранилась надпись, в которой речь идет о том, что Саламинии должны постоянно предоставлять средства на проведение жертвоприношений (Hesperia. 1938. 7, lines. 80–85). В частности говорится, что «архонт Аристарх записал все жертвоприношения и дары жрецам на стеле, где... перечислено, какую сумму денег должны платить (Саламинии) за все жертвоприношения из доходов земли при Гераклеоне» (lines. 80–85). Из декрета мы узнаем, что земельный участок Геракла сдавался в аренду, и из арендной платы выделялись средства, которые должны были использоваться специальными уполномоченными на организацию жертвоприношений (Greek historical inscriptions. 37, сткк. 81–84). В конце декрета содержится предписание о том, что общая сумма затрат на жертвоприношения должна составить 530 драхм, 3 обола, а распорядители обязуются вложить часть средств, которые получены от сдачи в аренду земельного участка Геракла в Сунии (lines. 93–95). Кроме того, им предписывается передавать жрецам Афины и Геракла хлеб, который также используется в таинствах жертвоприношений (lines. 27–30). В договоре о сдаче в аренду земельного участка оргеонов Эгрета для арендатора также предусматривается обязанность организовать жертвоприношение. При этом, по видимому, предписано использовать инвентарь, который был в числе сданного в аренду имущества. В частности, сказано: «Всякий раз, как оргеоны совершают жертвоприношения в месяце боэдромеон, Диогнет должен предоставить здание, где есть по-

мещение для жертвоприношений, открытое и покрытое крышей вместе с печью и скамьями, и столами, столовая мебель, которой должны заполнить две столовые» (lines. 25–30)⁶.

На организацию жертвоприношений также поступала продукция, полученная в ходе аренды теменосов. Так, в договоре о сдаче в аренду сада Аполлона Ликея предписано управляющему арендой приносить в жертву двух быков из приплода каждого года (IG. II². 2501, lines.20–23). Из других источников известно, что именно на праздники в честь Аполлона Ликея требовались жертвоприношения в виде большого количества быков. Так, в Борисфене в честь этого бога справляли большое празднество, на которое общины жертвовали по 70 быков, а само мероприятие завершалось огромным пиром⁷.

Элевсинские декреты V–IV вв. до н. э. также сообщают о том, что финансирование элевсинских мистерий было связано с доходами от аренды. В частности, речь идет о том, что ежегодные поступления от аренды священных участков тратились на проведение жертвоприношений во время мистерий (IG. II.²44, lines. 6, 27–30, 46–47). Подготовка церемонии священного праздника также проводилась с использованием средств от аренды. Эпимелеты мистерий (попечители церемонии) совместно с базилеем должны были следить за сбором денег в элевсинскую казну (в частности, и за поступлением доходов от аренды), а затем вкладывать их в проведение мистерий и жертвоприношений, связанных с ними (SEG. 1980. XXX. 61. сткк. 29–31). Надписи из Элевсина свидетельствуют о том, как использовались доходы, полученные от аренды. В элевсинском декрете 352/1 г. до н. э. обсуждается вопрос – сдавать ли в аренду священный участок Элевсина. Для фиксации границ священного участка назначается комиссия, в которую входили архонт-басилей, иерофант, дадух и любой афинянин, кто пожелает (IG. II.²204, lines. 13–14). Затем секретари Совета пишут на двух табличках вопросы. Их содержание таково: «Будет ли выгоднее и предпочтительнее для афинского народа, чтобы басилей сдал в аренду ныне обрабатываемые земли священного участка, с тем, чтобы потом использовать прибыль для постройки портика и ремонта храма богинь?» (lines. 24–27). И другой вопрос: «Будет ли выгоднее и предпочтительнее для афинского народа, чтобы ныне обрабатываемый участок остался свободным в честь богинь?» (lines. 28–30). Такие таблички опускались в специальные сосуды, и затем в Дельфы отправлялись экспедиции с целью спросить Аполлона (lines. 35–49). В случае положительного ответа доход от этой операции мог использоваться для постройки и ремонта различных храмовых помещений. В элев-

синской надписи 329/8 г. до н. э. перечисляются жертвы, которые принесли некие Эвтикрат, Калликрат и Эсхил из части дохода от земли, сданной им в аренду басилеем и его помощниками. При этом сказано, что эти граждане были эпимелетами мистерий, которые финансировали проведение элевсинских мистерий, то есть перечисляли денежные средства в храмовую казну (SIG. II. 587. 243).

Практика финансирования религиозных мероприятий из доходов, полученных от сдачи в аренду теменосов, судя по данным эпиграфики, была характерна не только для Аттики, но и других областей греческого мира. До нашего времени сохранились документы, сообщающие о подобных явлениях на Делосе и в Феспиях.

В надписи об аренде земельных участков в храме Муз в Феспиях говорится о том, что денежные средства, полученные от сдачи в аренду священных земель храма использовались для финансирования жертвоприношений и проведения так называемых Мусических игр, что было распространено в Аттике и Элевсине⁸. При этом, как демонстрируют данные из Феспий, доход мог быть не только в денежной форме. В честь Мусических игр арендаторы предоставляли определенное количество зерна и различные виды скота (например, в надписях перечисляется, сколько быков поступало в фонд храма с земель, сданных в аренду). Как и в Аттике, по сведениям из Феспий, доходы от аренды тратились на ремонт хозяйственных помещений⁹.

На Делосе храмовые организации и администрация острова получали немалые доходы от сдачи в аренду священной земли. Р. Осборн отмечает, что 10 % ежегодного дохода, который поступал в казну на о. Делос, представляли собой средства от арендной операции храмовых организаций. При этом отдельные организации, как и в Аттике, не получали большой прибыли от подобных сделок¹⁰, поскольку основную часть полученной продукции жертвовали на нужды храма. В надписи о сдаче в аренду земельных участков Аполлона на Делосе содержатся предписания в отношении арендаторов, напоминающие те, что сохранились в аттическом тексте договора, посвященного аренде теменоса Аполлона Ликея. В частности говорится, что арендаторы обязаны забрать ягнят и телят, а также быков для храмовых нужд (скорее всего жертвоприношений) (ID. 366, line. 99–102). Кроме того, есть интересное свидетельство о том, что власти храма покупали у арендаторов теменосов свиней для ежемесячного культового очищения храма Аполлона (IG. XI. 203, line. 52–53). Интересно заметить, что как в Аттике, так и на Делосе арендаторам предписывалось приносить в жертву Аполлону

быков, что, по-видимому, было связано с особенностью культовых жертвоприношений в честь этого божества.

Судя по текстам надписей, финансирование религиозных церемоний не обходилось без проблем. В ряде случаев происходили злоупотребления в отношении храмовой собственности. Один из самых громких скандалов относится к концу V в. до н. э. В это время стали известны случаи экономических преступлений на территории святилища Деметры и Коры в Элевсине. Подробности этого события не известны, но до нашего времени сохранился документ, постановление народного собрания Афин, в котором говорится о необходимости создать специальную комиссию из должностных лиц, в обязанности которых будет входить устранение финансовых злоупотреблений при организации религиозных церемоний (SEG. X. 24, line. 35–40). В частности в этом постановлении сказано, что должностным лицам «надлежит заботиться о ежегодных приношениях, которые принимаются (как храмовая подать) Двум Богиням и, если они обнаружат недостачу, то им следует возместить ее» (SEG. X. 24, line. 37–40). В начале IV в. до н. э. случаи злоупотребления финансовыми средствами, выделенными на организацию жертвоприношений в храмах, были замечены на территории теменосов Зевса Олимпийского в Афинах и Фалероне (SEG. X. 24). О том, что злоупотребления в отношении святилищ часто встречались, по-видимому, свидетельствует тот факт, что архонт-басилевс в Афинах неоднократно рассматривал жалобы о нарушении правил в отношении финансирования религиозных мероприятий из средств, полученных от работ на теменосах (IG. I². 94). В договорах о сдаче в аренду теменосов организаторам сделки предписывается тщательно следить за тем, чтобы арендаторы своевременно и тщательно обеспечивали поставку средств от аренды (денег, продукции) для организации храмовых церемоний (жертвоприношений, праздников), а в случае невыполнения этих условий на арендатора налагаются определенные санкции. Так, в договоре оргеонов Эгрета сказано, что, если арендатор не выполнит возложенные на него обязательства по обеспечению жертвоприношений, аренда будет считаться недействительной, а оргеоны (арендодатели) имеют право передать теменос в новую аренду другому гражданину (IG. II². 2499, lines. 30–35). Арендаторам теменоса Гермеса предписано ничего не уносить со священного участка, пока не будут принесены все храмовые жертвы (IG. II². 1297, lines. 10–12).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что участники арендной операции проявляли финансовую активность в жизни гражданского коллектива. Доходы от аренды (чаще всего неболь-

шие) оказывались в распоряжении афинских граждан и выполняли двоякую функцию: с одной стороны, они создавали финансовую базу ассоциациям афинских граждан и служили цели поддержания сплоченности многочисленных коллективов; с другой – они являлись своего рода резервным фондом, используемым в интересах тех же граждан, прежде всего на проведение каких-либо мероприятий, чаще всего религиозного характера. Выше уже было сказано о том, что земельные владения демов располагались, как правило, на их собственной территории, следовательно, доходы, поступающие от аренды, оказывались в общественной казне оргеонов.

Принятые сокращения:

IG. Inscriptiones Graecae. Consilio et auctoritate academiae litterarum Borussiae. Vol. I–III. Berlin, 1924.

SEG. Supplementum epigraphicum Graecum.

Примечания

- ¹ См.: *Davies J.K.* Wealth and the power of wealth in classical Athens. N.Y., 1981. P. 97.
- ² См.: *Michell H.* The economics of ancient Greece. Cambridge, 1943. P. 44.
- ³ См.: *Walbank M.* Leases of sacred properties in Attica // *Hesperia*. 1983. Vol. 19. P. 251.
- ⁴ См.: *Michell H.* Op. cit. P. 44.
- ⁵ См.: *Rosivach V.J.* The system of public sacrifice in fourth-century Athens. Atlanta, 1994. P. 54–55.
- ⁶ *Булычева Е.В.* Экономическая деятельность оргеонов Аттики в IV в. до н. э. // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. 2014. № 3. С. 25–26.
- ⁷ См.: *Русяева А.С.* Милет-Дидимы-Борисфен-Ольвия: Проблемы колонизации // Вестник древней истории. 1986. № 2. С. 26.
- ⁸ См.: *Feyel M.* Études d'épigraphie Beotienne. P., 1987. P. 407–409.
- ⁹ См.: *Osborne R.* Social and economic implications of the land and property in classical and hellenistic Greece // *Chiron*. 1988. Vol. 18. P. 294.
- ¹⁰ *Ibid.* P. 299.

ЕГИПТЯНЕ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВА ПТОЛЕМЕЕВ

Статья посвящена вопросам этнической политики эллинистического Египта. Автор доказывает, что административная реформа, проведенная в начале II в. до н. э., привела к включению коренных египтян в систему государственного управления Птолемеевского Египта.

Ключевые слова: эллинизм, государство Птолемеев, Древний Египет, национальная политика, административная реформа.

Походы Александра Македонского привели к образованию на востоке огромной империи, впрочем, ненадолго пережившей своего создателя. Уже в 321 г. до н. э. в Трипарадисе был заключен договор между политическими наследниками Александра – диадохами, согласно которому территория единого государства делилась на несколько политических образований. В 306 г. до н. э. диадохи приняли царские титулы, тем самым закрепив независимость созданных ими государств.

Большинство образовавшихся эллинистических царств носило полиэтнический характер. В наибольшей степени это было свойственно государству Селевкидов и государству Птолемеев, где проживали представители многих народов. В Египте, кроме титульного этноса, македонцев и греков (как навкратисских, так и прибывших после завоевания Египта Александром Македонским), это были евреи, ливийцы, нубийцы, создававшие собственные общины¹. Однако степень включенности этих народов в систему государственного управления была разной. Если Селевкиды с самого начала активно использовали опыт представителей прежних элит, то в Египте до рубежа III–II вв. до н. э. ситуация была обратной.

До реформы почетной титулатуры, прошедшей в государстве Птолемеев в начале II в. до н. э., основу управления страны составляли «друзья царя» и «телохранители» (функции которых были гораздо шире, чем круг полномочий обычной гвардии)². Эти титулы в раннеэллинистическом Египте присваивались исключительно грекам и македонцам. Л. Мурен приводит сведения о двадцати трех «друзьях царя», живших в конце IV – начале II в. до н. э.³, и все они носили греческие имена. Сам Птолемей обзавелся «друзьями» еще в период борьбы за власть в Египте после первого раздела сатрапий между диадохами (Diod., XVIII, 14, 2; 28, 6; 33, 4–5). Словный состав его «друзей» традиционен для эпохи эллинизма – это изгнанники, артисты, философы, доктора, ученые, принимающие активное участие в политической жизни страны⁴. Отношения между Птолемеем и его «друзьями», как и во всех эллинистических монархиях, основывались на взаимном доверии (Diod., XXI, 12), что было затруднительно в случае с местными элитами. Никакого специального механизма назначения на высшие государственные посты не существовало, выбор «друзей» осуществлялся исключительно царем – как в случае Птолемеев (Plut. De exilio, 601), так и у Селевкидов (I Macch., 10, 65). Нередко царь «получал в наследство» «друзей» своего отца; наиболее характерный пример в истории эллинистического Египта – Афенион, служивший Птолемею III, Птолемею IV и Птолемею V (Jos. Ant. Jud., XII, 171).

Таким образом, в раннеэллинистическом Египте сложилась жестко централизованная система управления, единственным главным элементом которой был царь. Если Селевкиды до реформ Антиоха III сохраняли разделение военной и гражданской власти (врученной соответственно стратегам и сатрапам), да и пергамские Атталиды придерживались подобной политики, то в Египте всё подчинялось царю, только стратег Фиваиды был неким птолемеевским аналогом стратега нескольких сатрапий⁵. В центральном же аппарате египтянами поначалу места не было.

Аналогичная ситуация складывалась и в армии птолемеевского Египта. Если основой войска Селевкидов были местные контингенты, и вербовка солдат проводилась во всех районах страны (Diod., XVIII, 30, 45; XIX, 20, 29; Just., XIV, 4, 18; Plut. Evm., 4), а цари даже иногда поручали местной знати собрать армию и командовать ею (Diod., XIX, 12, 14, 20, 29, 40; Plut. Evm., 13, 4; Diod., XVIII, 7, 3–5), то армия Птолемеев полностью состояла из наемников-клерухов, на оплату которых тратились огромные средства. Клерухи-солдаты на действительной службе не были действующей армией, которая требовала бы постоянной службы в лагерях или гарнизонах,

а также постоянных упражнений. Только мобилизация клерухов приводила эту армию в состояние боевой готовности⁶. Впрочем, несмотря на существование военного набора, македонская армия времен Антигона и Деметрия также более чем наполовину состояла из наемников, которые вербовались в Спарте, Беотии, Писидии, Ликий, Киликий, Келесирии, Финикии и городах Кипра (*Diod.*, XVIII, 58, 1; 61, 4–5; XIX, 57, 5; 77, 4).

Египтяне появляются в составе армии Лагидов только при Птолемее IV, возможно, по личной инициативе его «друга» Сосибия⁷; до того они использовались лишь как стражники⁸. Двадцатитысячное войско, сформированное в виде македонской фаланги, было вооружено и обучено также по македонскому образцу (*Polyb.*, V, 65, 9–10). Этот шаг, вне всякого сомнения, был продиктован не только форс-мажорными обстоятельствами, сопровождавшими ожесточенную войну с Селевкидами; в конце III в. до н. э. приток наемников в птолемеевскую армию значительно сокращается⁹. Во II в. до н. э. Птолемеи замыкаются на внутренних проблемах государства, вступившего в полосу длительного социально-экономического и политического кризиса¹⁰, и военные и дипломатические контакты египетских правителей с отдаленными областями эллинистического мира окончательно прекращаются¹¹. Соответственно, и армии приходится в первую очередь ориентироваться на местные источники пополнения своих рядов.

Таким образом, формирование государственного аппарата Птолемеевского Египта в III в. до н. э. приводит к временному поражению местной элиты в правах. Начиная с эпохи Птолемея I египтяне отстранялись от участия в государственном управлении¹². Власть в Египте получили греки – жрецы, клерухи, землевладельцы, «друзья царя» и др.: местные жрецы утратили влияние, подчинились властям и в III в. до н. э. стали получать только необходимое¹³. Имущественное положение стало напрямую связываться с этнической принадлежностью; так, анализируя социальный состав Фаюма, А. Свидерек некогда пришла к выводу, что в III в. до н. э. не существовало бедных греков и богатых египтян¹⁴. Источники сообщают о многочисленных нарушениях прав египтян по сравнению с греками (P. Col. Zen., 66; P. Yale, 46). Подчиненное положение египтян, впрочем, облегчалось тем, что рабство в Египте традиционно не было широко распространено, а рабство античного типа здесь укорениться не смогло; рабы были лишь в Александрии, в рудниках и, возможно, в Мемфисе, в ткацкой мастерской Аполлония, диоикета Птолемея II (PCZ, 59142). Борьба против греков принимала в основном пассивные формы, такие, например, как групповое

бегство – анахоресис. Именно в это время этническое обозначение «эллин» приобретает социальный смысл, став обозначением представителя господствующего класса, владеющего греческим языком и посещающего гимнасий, вне зависимости от его этнического происхождения¹⁵.

В конце III в. модель межнациональных отношений в Египте меняется: влияние египтян значительно растет (см., напр.: *Polyb.*, V, 107, 1–3). Причина этого носила военный характер: финансовые затруднения заставляли вести сбор средств на оборону среди египетских жрецов (которые в связи с этим восстанавливают свое влияние), а сокращение притока наемников из Греции – прибегать к помощи местных отрядов. Именно тогда Птолемей III и IV начинают гораздо бережнее относиться к попыткам провозглашения себя фараонами. Во всяком случае, полная титулатура царя как фараона приводится и в Питомской стеле (217 г.), и на Розеттском камне (OGIS, 90), описывающем коронацию Птолемея V осенью 197 г. Этот процесс совпал с продолжительной (207–186 гг. до н. э.) гражданской войной, в ходе которой Верхний Египет отпал и 20 лет управлялся независимыми нубийскими фараонами, и ростом бандитизма в Нижнем Египте и Дельте. Эта война представляла собой вызванное ослаблением государства социальное недовольство, принявшее националистическую форму.

С ростом влияния египтян реальное значение греков и македонцев падает¹⁶, хотя понятие об их власти сохраняется (*Liv.*, XXXVIII, 17, 11). Македонцы остаются правящим сословием, однако их процент в армии сокращается, а многие из них забывают и родной язык (*Plut. Ant.*, 27, 5). После восстания Дионисия Петосарписа начинаются, напротив, гонения на греков (*UPZ*, 7, 8, 15)¹⁷. Постепенно египтяне вытесняют греков и занимают важное место в административном аппарате страны¹⁸; несколько сложнее этот процесс идет в Александрии, где македонцы сохраняют преобладающее положение несколько дольше. Данные ономастики начиная со II в. становятся недостоверными из-за появления двойных и грецизированных имен египтян и иудеев, а также распространения практики смены имени, получившей наиболее полное развитие уже в римскую эпоху.

Здесь-то и примиряются две противоположные модели взаимоотношений между греками и македонцами, с одной стороны, и туземным населением, с другой. Для II и I вв. до н. э., безусловно, прав В. Эренберг, который полагал, что связь между греками и негреками с течением времени только упрочивалась¹⁹. В то же время распространенное мнение о сохранении ведущего греческого эт-

нического элемента в процессе межэтнического взаимодействия²⁰, по крайней мере для II–I вв. до н. э. представляется неверным, поскольку действенным методом размывания этнических границ становятся смешанные браки, запрещенные в полисах (BGU, 1210), но ставшие в хоре обычным явлением²¹. Египтяне превосходили греков и македонцев по численности, что и предопределило ход и результаты процесса ассимиляции. Филарх, во всяком случае, говорит об александрийцах как о египтянах (*Phylarch*, FGrH, 81, F, 27).

Вторым способом размывания этнических границ стала усиленная колонизация Египта, приводившая к тому, что в стране формируется слой негородского греческого населения. К районам такой колонизации в первую очередь следует отнести Фаюм. Колонизация приводит и к постепенному проникновению культурного влияния Греции вглубь территории страны – вплоть до Верхнего Египта, где туземная знать, пусть медленнее, но все же эллинизируется²².

Третий способ – создание единой египетской армии. Он налицо и в полиэтничных войсках Александра Македонского. Соединение в каждой, даже небольшой войсковой единице людей различных национальностей влекло за собой резкое недовольство македонских ветеранов и, как следствие, новые военные реформы. Македонская фаланга была значительно разбавлена восточными контингентами (по подсчетам П. Гуковского, в фаланге на четыре македонянина приходилось 12 персов²³). В состав армии Александра в конце его правления, в сущности, входило всего около 8 тысяч македонских пехотинцев; их и получил Антигон при своем назначении стратегом царского войска (*Diod.*, XIX, 29, 3; *Arr.*, *Succ. Alex.*, 43). Следует отметить, что картина идеального взаимопонимания между Александром и армией, нарисованная П. Брианом, не совсем соответствует действительности. Некоторые эпизоды восточного похода показывают нам серьезные разногласия между ними (*Arr.*, *Anab.*, VII, 6,2; *Curt.* X, 3,1–5). Курций Руф ясно показывает политическую и социальную аморфность солдатской массы, которая шла на поводу противников круга «друзей» Александра, против чего выступает П. Бриан. П. Гуковский видит в событиях 323 г. борьбу между сторонниками двух государственных моделей – традиционного македонского двурча и авторитарной монархии²⁴, причем первые использовали неорганизованную солдатскую массу, а вторые опирались на царскую гвардию и кавалерийские части.

Размывание правящего класса усугубляется в начале II в. до н. э., когда расходятся интересы придворной аристократии и торгово-ремесленной знати Александрии. В III в. до н. э. представители обоих

групп объединялись в стремлении получения возможно больших доходов и проведения активной внешней политики, то к началу II в. интересы придворной аристократии стали совпадать с интересами номовой знати, которая стремилась увеличить свои доходы путем сокращения расходов на внешнеполитические предприятия, содержание флота и большого контингента наемных войск. Проявлением столкновения интересов двух группировок стала их борьба за опеку над Птолемеем V (*Polyb.*, X, 25–33; XVI, 21; 22). В этой обстановке возрастает значение наемных войск и их командиров – например Тлеполема (*Polyb.*, XV, 25–27). Борьба в придворных кругах продолжалась в течение всего II в. до н. э. и привела к появлению неуправляемой администрации на местах.

Подобная ассимиляционная политика характерна вовсе не для всех эллинистических государств. В государстве Селевкидов мужские потомки всех эмигрантов из Македонии считались македонцами до тех пор, пока не получали право гражданства в другом городе²⁵. Это объясняет тот факт, что македонцы долго упоминаются в источниках по истории Передней Азии (*Athen.*, 289f, 438c). Такое же значение имела практика, в соответствии с которой военные поселения Селевкидов комплектовались исключительно македонцами, в то время как обычные трудовые поселения заселялись местными жителями²⁶. Тот факт, что в течение первых двух поколений после завоевания в списках центральной администрации не было ни сирийцев, ни евреев, ни персов, да и потом их число не превышало 2,5 %²⁷ (единственное исключение – изгнанный лидер карфагенцев Ганнибал, который был военным советником Антиоха III во время его войны с Римом), объясняется не только мощным потоком греков-переселенцев, обрушившимся на Переднюю Азию, но и принципиально другой моделью взаимодействия пришлого и местного населения. Если право Селевкидов имеет в основном греческие основы, то в государстве Птолемея причудливая картина взаимодействия и переплетения греческих и египетских традиций и порядков в управлении страной приводит к тому, что там не создается единого греко-египетского права; в стране сохраняются две основные культуры, две системы права, и на этой основе формируются правовой дуализм, или даже плюрализм²⁸.

Таким образом, под влиянием военных и внутривосточных факторов Птолемеи вынуждены изменить принципы своей этнической политики. Вместо жестко централизованной системы управления, ориентированной исключительно на царя и допускающей в высшие эшелоны власти исключительно представителей

греко-македонской элиты, создается более гибкий и многофункциональный аппарат, активно рекрутирующий членов из числа египтян. Следствием этого стали повышение роли египтян в системе государственного управления и быстрая эллинизация местного населения.

Примечания

- ¹ Подробнее об этнической ситуации в Птолемеевском Египте см.: *Fraser P.M.* Ptolemaic Alexandria. Vol. 1–3. Oxford, 1972.
- ² Об этом политическом институте и его функциях см.: *Зарапин P.B.* «Друзья царя» в эллинистической монархии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2009. № 3. С. 6–25.
- ³ См.: *Mooren L.* The Aulic Titulature in Ptolemaic Egypt: Introduction and Prosopography. Brussel, 1975.
- ⁴ См.: *Walbank F.W.* The Hellenistic World. L., 1981. P. 76; *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985. С. 39.
- ⁵ См.: *Bagnall R.* The Administration of Ptolemaic Possessions Outside Egypt. Leiden, 1976. P. 249–251.
- ⁶ См.: *Зельин К.К.* Земли клерухов в Керкеосирисе по данным тебтюнских папирусов // Вестник древней истории. 1948. № 3. С. 37.
- ⁷ См.: *Пикус Н.Н.* Переломный момент в истории эллинистического Египта // Там же. 1951. № 1. С. 58.
- ⁸ См.: *Пикус Н.Н.* Царские земледельцы (непосредственные производители) и ремесленники в Египте III в. до н. э. (исследования социально-экономических отношений). М., 1972. С. 82.
- ⁹ См.: *Griffith G.T.* The Mercenaries of the Hellenistic World. Cambridge, 1935. P. 244–245, 254, 321–322; *Launey M.* Recherches sur les armées hellénistiques. Vol. 1. P., 1949. P. 103; Vol. 2. P., 1950. P. 1088–1089.
- ¹⁰ См.: *Зельин К.К.* Исследования по истории земельных отношений в Египте II–I вв. до н. э. М., 1960. С. 348–483.
- ¹¹ См.: *Литвиненко Ю.Н.* Птолемеевский Египет и Северное Причерноморье в III в. до н. э. (К вопросу о контактах) // Вестник древней истории. 1991. № 1. С. 26.
- ¹² См.: *Фихман И.Ф.* Введение в документальную папирологию. М., 1987. С. 158.
- ¹³ См.: *Walbank F.W.* Op. cit. P. 115.
- ¹⁴ См.: *Swiderek A.* W «panstwie» Apolloniosa: Spoleczenstwo wczesnotoplemeiskie w swietle Archiwum Zenona. Warszawa, 1959. P. 88–183.
- ¹⁵ Точно так же «персы» в Египте были в первую очередь социальной, а не этнической категорией. См.: *Ранович А.Б.* Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950. С. 214; *Зельин К.К.* Исследования по истории земельных отношений...

- С. 357, 363; Павловская А.И. Эволюция социально-политических основ власти Птолемеев в III–I вв. до н. э. // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 68; Пукис Н.Н. Царские земледельцы... С. 82.
- ¹⁶ См.: *Ehrenberg V.* The Greek State. L., 1969. P. 149–151.
- ¹⁷ Сообщения 163, 161 и 158 гг. до н. э.
- ¹⁸ См.: *Lewis N.* Greeks in Ptolemaic Egypt. Oxford, 1986. P. 88–152; *Вогман А.К.* Egypt after the pharaohs, 332 B.C. – A.D. 642. L., 1996.
- ¹⁹ См.: *Ehrenberg V.* Op. cit. P. 153.
- ²⁰ См., например: *Шургая И.Г.* Керамическое производство Александрии Египетской эпохи эллинизма (конец IV–I вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1966. С. 18–19.
- ²¹ См.: *Зельин К.К.* Исследования по истории земельных отношений... С. 364.
- ²² См.: Павловская А.И. Указ. соч. С. 68–69.
- ²³ *Goukowsky P.* Antigone, Alexandre et l'assemblée macedonienne // *Revue de philologie.* XLXX. 1975. 2. P. 266–269.
- ²⁴ *Ibid.* P. 272.
- ²⁵ См.: *Бикерман Э.* Указ. соч. С. 72.
- ²⁶ Там же. С. 74–82.
- ²⁷ См.: *Habicht Ch.* Die herrschende Gesellschaft in den Hellenistischen Monarchien // *Vierteljahrschrift für Soziologie und Wirtschaftsgeschichte.* 1958. Bd. 45. S. 1–16.
- ²⁸ См.: *Wolff H.-J.* Plurality of Laws in Ptolemaic Egypt // *Revue internationale des droits de l'Antiquité.* 1960. Vol. 3. P. 191–233; *Idem.* The Political Background of the Plurality of Laws in Ptolemaic Egypt // *Proceedings of the 16th International Congress of Papyrology.* Chicago, 1981 (ASP, 23). P. 313–318.

ПРАВЛЕНИЕ МАКСИМИНА ФРАКИЙЦА
В ОСВЕЩЕНИИ ГРЕКО-РИМСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ III–V вв.

В статье изучается вопрос о том, как в греко-римской историографии III–V вв. воспринималось и оценивалось правление императора Максимиана Фракийца (235–238). В изученных источниках правление Максимиана не рассматривается как поворотный момент римской истории. У авторов, описывающих правление Максимиана в негативном свете, значительно более резкие оценки получают ряд других императоров I–III вв. Таким образом, более обоснованной представляется позиция тех исследователей, кто подвергает сомнению сложившуюся в историографии концепцию начавшегося в 235 г. кризиса III в.

Ключевые слова: Римская империя, Максимиан Фракиец, греко-римская историография, кризис III в.

В 235 г. в результате мятежа римских войск в Паннонии был убит император Александр Север, последний представитель династии Северов, и новым императором был провозглашен выходец из солдатских рядов Максимиан (Фракиец¹). Значительная часть историков античности считает возможным рассматривать приход к власти Максимиана как начало кризиса в Римской империи, когда влияние армии на общественно-политическую жизнь римского государства вышло на новый уровень и началась эпоха «солдатских императоров», или даже «военной анархии»². Вместе с тем в исследованиях, посвященных римской истории конца II–III вв., начиная с 1970-х гг. всё заметнее становится новая тенденция к более осторожному использованию термина «эпоха солдатских

императоров» и активно дискутируется вопрос о применимости понятия «кризис» для характеристики какого-либо значительного периода римской истории конца II–III вв. н. э.³ В специальных исследованиях Х. Бёрма и К. Хэгеманс был поставлен вопрос об обоснованности трактовки правления Максимиана как начала кризиса Римской империи в III в. Оба указанных автора на основе анализа внутренней политики в 235–238 гг. приходят к выводу, что в данный период не произошло радикальных перемен и разрыва с наследием императоров предшествующей династии Северов, а военные, экономические и административные проблемы Римской империи еще не достигли критической точки⁴.

В настоящей статье предлагается рассмотреть, как воспринимались приход Максимиана к власти и его правление в греко-римской историографии III–V вв. н. э. Для достижения данной цели обратимся к анализу нарративных исторических источников, позволяющих рассмотреть историю правления Максимиана в контексте деятельности предшествующих и последующих императоров.

Основным источником по реконструкции событий 235–238 гг. является подробное сочинение их современника Геродиана, описывающего события от смерти Марка Аврелия в 180 г. до гибели Максимиана Фракийца и провозглашения императором Гордиана III в 238 г. В VI и VII книгах принадлежащего ему сочинения «История императорской власти после Марка» подчеркивается тиранический характер правления Максимиана, подробно описывается варварский характер и низкое происхождение императора⁵.

В роли императора Максимиан активно занимается военными делами и «производит большие перемены», превращая «мягкое и очень спокойное царствование (*πραεῖας καὶ πάνυ ἡμέρα βασιλεία*)» в «грубую тиранию» (*ἐς τυραννίδος ὁμότητα*; *Herod.* VII.1.1)⁶. Его правление получает у Геродиана в значительной степени негативные оценки и характеризуется в итоге как «дурное правление» (*πονηρὰ ἀρχή*; *Herod.* VIII.5.9)⁷. Эти характеристики резко контрастируют с положительным образом правления Александра Севера: «не знавшее кровопролитий царствование» (*Herod.* VI.9.8), «безупречное» управление государством и отношение к подданным (*Herod.* VI.2.1, 9.8) и т. д.

Далее следует поставить вопрос, насколько выделяется в изображении Геродиана «дурное» правление Максимиана в общем контексте событий 180–238 гг. «История императорской власти после Марка» начинается с замечания об исключительном для римской истории сочетании в наступившей после Марка Аврелия эпохе прерывности войн, быстрых и частых перемен правителей на троне,

природных катаклизмов и т. д. (*Herod.* I.1.4–6). Первые книги труда Геродиана содержат резко негативные оценки порочности и злодеяний императора Коммода (I.14.7, 15.7, 16.1, 17.12), безжалостности и готовности к массовым убийствам Каракаллы (IV.6.1–3, 9.1–7), распущенности и религиозных безумств Гелиогабала (V.6.1–2, 7.1, 8.1). Примечательно, что в общем числе 30 случаев употребления в труде Геродиана слов «тиран» (τύραννος), «тирания» (τυραννίς), «тиранический» (τυραννικός) и «править как тиран» (τυραννεύω) к описанию правления Максимиана относятся 9, Коммода – 10, Гелиогабала – 1⁸. В оставшихся 10 контекстах или упоминаются тираны давних времен (например, Дионисий Сицилийский), или приводятся абстрактные рассуждения о характере власти. Соответственно, правление Максимиана в этом аспекте вполне сопоставимо с описанием деятельности других «плохих» императоров 180–238 гг.

Истоком проблем со своенравным поведением римских войск в «Истории императорской власти после Марка» называется 193 г., когда после убийства правившего всего три месяца Пертинакса преторианцы фактически устроили аукцион по продаже власти. Геродиан пишет, что «тогда впервые (πρῶτον) начали портиться нравы воинов», возросли «корыстолюбие» и «презрение к правителям», и всё это стало «начальным толчком (ἀρχηγός) и причиной их непристойного и непокорного настроения и на будущее время» (*Herod.* II.6.14). В этом контексте приход к власти Максимиана является вполне закономерным продолжением истории падения дисциплины и растущих амбиций римской армии. Чем-то особенным для Геродиана предстает только то обстоятельство, что будучи рядовым воином и к тому же варваром, Максимин «первым был столь высоко взнесен судьбой, происходя из самых низов» (*Herod.* VII.1.1).

В сочинении «О Цезарях» римского историка второй половины IV в. Секста Аврелия Виктора рассказ о приходе к власти императора Максимиана также сопровождается особым указанием на его солдатское происхождение. Данный автор сообщает, что Максимин «первым из солдат, практически необразованный, получил власть по выбору легионов» (*Aur. Vict. De Caes.* XXV.1)⁹. В предшествующем разделе, посвященном правлению Александра Севера, ход римской истории описывается следующим образом: государство «всё время возвышалось от Ромула до Септимия Севера», остановилось в развитии при Каракалле и было спасено от немедленного падения Александром Севером (*Aur. Vict. De Caes.* XXIV.8–9). После смерти последнего начинается торжество пагубных пороков, общее замешательство, нарушение высшего порядка и падение

римских устоев. После такого введения можно было бы ожидать развернутого описания ужасов правления Максимиана и примеров реализации армией своей возросшей роли в государстве, но всего этого в очень кратком жизнеописании у Аврелия Виктора нет.

Важно заметить, что не только приход к власти Максимиана, но и события гражданской войны 193–197 гг. не вызывают каких-либо особых комментариев в биографиях Пертинакса, Дидия Юлиана и Септимия Севера. Гораздо более ярко и с большим количеством метафор изображается в сочинении «О Цезарях» картина бедственного положения государства при императоре Галлиене (253–268): «как бы силой ветров, свирепствующих с разных сторон, великое смешалось с ничтожным, высокое с низким» (*Aur. Vict. De Caes.* XXXIII.4). Красноречиво описывает Аврелий Виктор и деятельность ряда императоров I в. н. э.: «деспотический произвол» Калигулы (*flagrans dominatio*, III.16), который «требовал, чтобы его называли господином (*dominum*) и пытался надеть себе на голову знаки царской власти» (III.12); «деспотическое» правление Нерона (*dominatus*, V.2); «позорные дела», «грабежи, убийства, мучительства» Домициана (XI.1–2).

Таким образом, для Аврелия Виктора правление Александра Севера является лишь 13-летним периодом спокойствия в истории римских бедствий. Согласно данному автору, более значимым оказывается не то, что к власти пришел вышедший из солдатских рядов Максимиан, а то, что погиб последний «хороший» правитель, при котором только удерживалось от падения переставшее со смерти Септимия Севера возрастать государство.

В сочинении «Краткая история от основания города» другого римского историка второй половины IV в. Флавия Евтропия так же, как и у Аврелия Виктора, есть специальное указание на солдатское происхождение нового императора и волеизъявление армии как источник его власти. Причиной гибели Александра Севера в «Краткой истории» лаконично называется солдатский бунт, после которого «власть захватил Максимиан, первый из солдат вступивший на престол исключительно по желанию воинов и без соизволения сената» (*Eutr. Brev.* IX.1)¹⁰. В историографии традиционно считается, что Евтропий и Аврелий Виктор пользовались общим источником, который до наших дней не сохранился. Условно это сочинение обозначается как «История императоров Энмана» (*Enmann's Kaisergeschichte*) по фамилии автора гипотезы, объясняющей наличием подобного источника явные сходства при описании событий III – начала IV вв. в ряде исторических сочинений IV–V вв.¹¹

Евтропий так же описывает правление Максимиана очень кратко, не называет его тираническим и не представляет своим читателям примеров жестокости Максимиана. Но, в отличие от Аврелия Виктора, не рассматривает смерть Александра Севера и приход Максимиана к власти как переломный момент римской истории и не сопровождает его описание комментариями о судьбе империи. Сравнительно небольшое повествование о правлении Максимиана завершается символично, так как солдатская масса вновь переменяет свои настроения: «...будучи провозглашен воинами императором, вскоре был ими покинут и убит Пупиеном в Аквилее» (*Eutr. Brev. IX.1*).

Примечательно, что в «Краткой истории» отсутствуют не только какие-либо рассуждения о значимости событий 235 г., но и гражданская война 193–197 гг. не вызывает каких-либо особенных комментариев. В биографии Септимия Севера отдельного авторского замечания заслуживает только то обстоятельство, что «и до и после него он оказался единственным уроженцем Африки, достигшим престола» (*Eutr. Brev. VIII.18.1*). При этом Евтропий не скупится на оценки и эпитеты применительно к «плохим» императорам I–II вв.: Нерон ««римское государство обесславил и унизил», Домициан называется «зловещим тираном», Коммод после смерти назван «врагом рода человеческого» и т. д.¹² Общей чертой в сочинениях Аврелия Виктора и Евтропия является и ярко выраженная негативная характеристика правления императора Галлиена, которое, согласно последнему, было для римского государства «почти гибельным» (*raene exitiabile, Eutr. Brev. IX.7.1*), так что произошел «почти полный распад римского государства (*deleto raene imperio Romano*)» (*Eutr. Brev. IX.9.1*).

Совершенно другой подход к интерпретации событий 235 г. представлен в сборнике биографий конца IV в., известном в историографии как «Авторы жизнеописаний Августов» (*Scriptores Historiae Augustae*)¹³. После рассказа о гибели Александра Севера в данном источнике подчеркивается контраст между личными качествами погибшего «превосходного» императора и Максимином, «военным человеком, которому присущи были грубость и неотесанность» (*SHA Alex. Sev. LXIII.2*)¹⁴. Автор указывает, что произошедшая перемена предвещала для римского народа «неизбежность наступления более тяжелых времен» (*Ibid.*), и далее следует многозначительный комментарий о последовавших бурных событиях римской истории в III в. В биографии Александра Севера выделяется период от его гибели в 235 г. и до провозглашения в 270 г. императором Аврелиана, так как в это время были многочисленные

попытки узурпации власти и продолжительность правления императоров была крайней малой (*SHA Alex. Sev. LXIV.1*)¹⁵.

Описание прихода Максимиана к власти в посвященном ему жизнеописании очень похоже на приведенные выше слова Евтропия и Аврелия Виктора: «...войско впервые провозгласило Августом человека из военных кругов, еще не сенатора, без постановления сената (*SHA Max. Duo VIII.1*)»¹⁶. Явное сходство в формулировках может объясняться использованием общего источника – «Истории императоров Энмана», о котором уже было сказано выше.

В «Авторах жизнеописаний Августов» портрет вышедшего из солдатских рядов императора-варвара¹⁷ представлен в негативном свете. Хотя автор биографии указывает на превосходные военные качества и полководческий талант Максимиана, значительно большее внимание уделено красноречивому описанию его варварской жестокости¹⁸. Ставший императором солдат-варвар желает, «чтобы везде царил военная дисциплина», и применяет устрашающие наказания, «не обращая внимания на положение человека» (*SHA Max. Duo VIII.7*).

Далее следует обратиться к вопросу о восприятии правления Максимиана в контексте римской истории в изображении «Авторов жизнеописаний Августов». В начале биографии Александра Севера автор сетует на сложившуюся привычку солдатской массы провозглашать своих военачальников римскими императорами на основании только своего собственного решения без согласия Сената (*SHA Alex. Sev. I.6*). В качестве иллюстрации к этому тезису упоминаются случаи выступления Виндекса против императора Нерона в 68 г., попытка узурпации императорского титула Сатурнином при Веспасиане в 89 г., а также гражданская война 193–197 гг. между провозглашенными различными легионами императорами Песценнием Нигром, Клодием Альбином, Авидием Кассием и Септием Севером (*SHA Alex. Sev. I.7*). Как и в случае с Геродианом, в таком свете приход к власти Максимиана оказывается продолжением уже сложившейся порочной традиции, а новшеством является только низкое происхождение очередного императора.

В завершающей рассматриваемый памятник биографии императора Кара (282–283 гг.) приводится пространный очерк об этапах развития римского государства, согласно которому период спокойствия и благополучия от Нервы до Марка Аврелия завершается «бессердечием и жестокостью» Коммода, а далее римское государство «не видело ничего хорошего» за исключением правления Септимия и Александра Северов (*SHA Car. III.3–4*). Следует обратить внимание на тот факт, что в данном историческом экскур-

се отмечают в негативном свете Нерон, Домициан, Коммод, Валериан, Галлиен, но даже не упоминается имя Максимиана.

Таким образом, в «Авторах жизнеописаний Августов» представлена оценка правления Максимиана как тяжелого и жестокого, но находящегося в одном ряду с правлением других «плохих» императоров I–III вв. и даже уступающего им в яркости описания. Гибель же Александра Севера, как и у Аврелия Виктора, оказывается не завершением благополучного периода деятельности «хороших» правителей, но лишь прекращением временной паузы в процессе падения нравов и расстройтва государственных дел. Общим с Геродианом является подчеркивание варварского характера императора и яркое описание свойственных варварам пороков. Необходимо заметить, что о варварском происхождении Максимиана не упоминают ни Аврелий Виктор, ни Флавий Евтропий, ни ранневизантийский историк Зосим, живший во второй половине V в. н. э.

В своем сочинении «Новая история» Зосим описывает произошедшую в связи с приходом к власти Максимиана перемену в характере правления: «Мягкое правление (μετρία βασιλεία) сменилось на жестокую тиранию (τυραννίς πικρά)» (Zos. Hist. Nov. I.13.3)¹⁹. Такая характеристика практически совпадает с рассмотренной выше оценкой Геродиана. Слова «тирания» (τυραννίς) и «тиран» (τύραννος) используются в I книге «Новой истории» 8 раз и применяются для характеристики правления Калигулы (Zos. Hist. Nov. I.6.2), Коммода (Zos. Hist. Nov. I.7.1), Максимиана (Zos. Hist. Nov. I.13.3, 14.1), а также деятельности двух узурпаторов Сабиниана и Сатурнина, выступивших соответственно против Гордиана III в 240 г. и Проба в 279 г. (Zos. Hist. Nov. 17.1, 66.1,2). Первый раз слово «тирания» встречается при рассказе о деятельности Октавиана Августа, который отказывался ограничить монархию и мог бы по своему желанию «превратить правление в тиранию» (Zos. Hist. Nov. I.5.3). В рассуждении о губительных проявлениях единовластия Зосим отмечает, что «за несколькими исключениями (σχεδόν πλὴν ὀλίγων)» большинство императоров, начиная с Октавиана, «приводили власть в беспорядок, попустительствовали преступлениям, торговали правосудием, считали рабами тех, кем управляют» (Ibid.).

Когда в «Новой истории» сообщается о том, что приведенный солдатами к власти Максимин поддерживает свою власть «чрезмерной жестокостью» и разоряет страну «откровенной жадностью» (Zos. Hist. Nov. I.14.1), то это является лишь очередной иллюстрацией пагубности установившегося в Риме со времен Октавиана Августа единовластия. Характеристика положения

дел при Максимино особенно не выделяется и на фоне последующих событий римской истории: при Филиппе Арабе (244–249) на государство «обрушилось множество потрясений», «дела были в полном беспорядке»; при Требониане Галле (251–253) произошли «никогда ранее в былые времена не случавшиеся разрушения»; при Галлиене «вся сотрясаемая Римская империя была на краю гибели» и т. д.²⁰

Таким образом, в рассмотренных в настоящей статье памятниках греко-римской историографии III–V вв. правление императора Максимино изображено в резко негативном свете у Зосима, Геродiana и зависящей от последнего биографии Максимино в «Автографах жизнеописаний Августов». Однако в общем контексте римской истории для данных источников в деятельности Максимино особенным является только его низкое происхождение. В остальном же данный правитель обладает пороками, типичными для многих других римских императоров I–III вв. Более того, в подробности и яркости описания картины обрушившихся на римское государство при «плохих» императорах бедствий Максимино значительно уступает и Нерону с Домицианом из I в., и Валериану с Галлиеном из III в. Подобная же тенденция прослеживается и в исторических трудах Аврелия Виктора и Флавия Евтропия, у которых повествование о данном императоре отличается лаконичностью. У последнего из указанных авторов ни смерть Александра Севера, ни приход ему на смену Максимино не вызывают никаких комментариев о судьбе государства и особом значении этих событий. Для Аврелия Виктора и «Авторов жизнеописаний Августов» гибель Александра Севера предстает, в свою очередь, очень важным для римской истории моментом, который сопровождается рассуждением о последовавших бедах для римлян. Однако при внимательном изучении указанных исторических сочинений можно заметить, что речь в них идет только о завершении временной паузы в процессе деградации общества и государства, а не о связанной с приходом к власти Максимино радикальной перемене в развитии римской истории.

Безусловно, рассмотренные выше взгляды представителей греко-римской историографии не могут служить препятствием для создания существенно расходящихся с ними концепций в современном антиковедении. Однако используя термин «кризис» для описания какого-либо этапа истории Римской империи во II–III вв., важно не забывать о том, что это лишь основанная на определенных умозаключениях теоретическая модель, и только одна из возможных интерпретаций римской истории.

- ¹ Прозвище «Фракиец» (Thrax) появляется впервые в анонимном сочинении IV в. н. э. «Эпитома о Цезарях» (Epitome de Caesaribus, 25.1). Вероятно, таким образом было удобно различать Максимиана I (235–238) и императора начала IV в. Максимиана II Даду (305–313).
- ² См., например: *MacMullen R.* Roman Government's Response to Crisis, A.D. 235–337. New Haven; L., 1976; *Loriot X., Nony D.* La crise de l'Empire romain 235–285. P., 1997; *Die Zeit der Soldatenkaiser: Krise und Transformation des Römischen Reiches im 3. Jahrhundert n. Chr. (235–284)* / Hrsg. von K.-P. Johne, U. Hartmann, T. Gerhardt. Berlin, 2008; *Сергеев И.П.* Римская империя в III веке н. э.: проблемы социально-политической истории. Харьков, 1999; *Куликова Ю.В.* Концепция власти в эпоху солдатских императоров // *Studia Historica*. Вып. 7. М., 2007. С. 142–149; *Циркин Ю.Б.* «Военная анархия» (из политической истории Рима III в. н. э.) // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира: Сб. ст. / Под ред. Э.Д. Фролова. СПб., 2010. Вып. 9. С. 271–288.
- ³ См., например: *Strobel K.* Das Imperium Romanum im “3. Jahrhundert”: Modell einer historischen Krise? Stuttgart, 1993; *Witschel C.* Krise, Rezession, Stagnation?: der Westendesrömischen Reiches im 3. Jahrhundert n. Chr. Frankfurt am/M., 1999; *Liebeschuetz W.* Was there a crisis of the third century? // *Crises and the Roman Empire: Proceedings of the 7th Workshop of the International Network Impact of empire* / Ed. by O. Hekster, G. de Kleijn and D. Slootjes. Leiden; Boston, 2007. P. 11–20; *Blois L., de.* The Crisis of the Third Century A.D. in the Roman Empire: A Modern Myth // *Ibid.* P. 204–217.
- ⁴ См.: *Börm H.* Die Herrschaft des Kaisers Maximinus Thrax und das Sechskaiserjahr 238: der Beginn der “Reichskrise”? // *Gymnasium*. 2008. Bd. 115. S. 69–86; *Haegemans K.* Imperial Authority and Dissent: The Roman Empire in AD 235–238. Leuven, 2010. P. 4, 235–250.
- ⁵ *Herod.* VI.8.1, VII.1.1–2.
- ⁶ Здесь и далее приводится перевод А.И. Доватура по изданию: *Геродиан.* История. М., 1996.
- ⁷ См. также: *Herod.* VII.3.1–6.
- ⁸ Император Коммод называется непосредственно тираном в II.1.8 и II.2.4, Максимиан – в VIII.3.4 и VIII.5.8. Правление указанных правителей именуется тиранией в II.1.3, II.2.5, II.3.1, II.4.2, II.4.7, II.5.1, II.6.5 (Коммод), VII.1.1, VII.1.3, VII.3.3, VII.4.1, VII.5.5, VII.5.6, VII.7.6 (Максимиан). Глагол τυραννεῖω употребляется только единожды при описании действий Коммода (I.16.1).
- ⁹ *Aur. Vict.* De Caes. XXV.1: primus e militaribus, litterarum fere rudis potentiam cepit suffragiis legionum. Здесь и далее приводится перевод В.С. Соколова по изданию: Римские историки IV века. М., 1997.
- ¹⁰ *Eutr. Brev.* IX.1: ex corpore militari primus ad imperium accessit sola militum voluntate, cum nulla senatus intercessisset auctoritas neque ipse senatorisset. Здесь

и далее приводится перевод А.И. Донченко по изданию: Римские историки IV века.

- ¹¹ См. подробнее: *Rohrbacher D.* The Historians of Late Antiquity. L., 2002. P. 43–44; *Burgess R.W.* A Common Source for Jerome, Eutropius, Festus, Ammianus, and the Epitome de Caesaribus between 358 and 378, along with Further Thoughts on the Date and Nature of the Kaisergeschichte // *Classical Philology*. 2005. Vol. 100. P. 166–192.
- ¹² *Eutr. Brev.* VII.14.1, VIII.1.1, 15.1.
- ¹³ Вопрос о датировке и авторстве данного сочинения вплоть до настоящего времени является дискуссионным, но большинство исследователей придерживаются позиции об одном авторе (или редакторе), который создал (или собрал и обработал материалы) свое произведение в конце IV в. н. э. См., например: *Syme R.* Emperors and Biography: Studies in the Historia Augusta. Oxford, 1971. P. 1–16; *Johne K.-P.* Kaiserbiographie und Senatsaristokratie. Untersuchung zur Datierung und sozialen Herkunft der Historia Augusta. Berlin, 1976. S. 11–16; *Honore T.* Scriptor Historiae Augustae // *Journal of Roman Studies*. 1987. № 77. P. 156–176; *Potter D.S.* Literary Texts and the Roman Historian. L.; N. Y., 1999. P. 148; *Cameron A.* The Last Pagans of Rome. N. Y.; Oxford, 2011. P. 743–782; *Thomson M.* Studies in the Historia Augusta. Bruxelles, 2012.
- ¹⁴ Здесь и далее приводится перевод С.П. Кондратьева под редакцией А.И. Доватура по изданию: Властелины Рима. М., 1992.
- ¹⁵ Ср.: *SHA Sev.* XIX.6.
- ¹⁶ *SHA Max.* Duo VIII: primus e corpore militari et nondum senator sine decreto senatus Augustus ab exercitu appellatus est. Cf.: *Eutr. Brev.* IX.1; *Aur. Vict.* De Caes. XXV.
- ¹⁷ В *SHA*, как и у Геродиана, подчеркивается варварское происхождение Максимиана (*SHA Max.* Duo I.5.7). Подробнее по данному вопросу см: *Moralee J.* Maximinus Thrax and the Politics of Race in Late Antiquity // *Greece & Rome*. 2008. Vol. 55. P. 55–82.
- ¹⁸ См. например: *SHA Max.* Duo II.2 –III.6, IV.9, V.5–VI.7, VII.1–2, VIII.2–4, X.3 (о воинских качествах); *SHA Max.* Duo VIII.5,8; IX.2; X.1,5; XI.6; XIII.5; XV.6; XX.1,7; XXIV.1; XXVIII.1 (о варварской жестокости и алчности).
- ¹⁹ Здесь и далее перевод цитируемых фрагментов «Новой истории» осуществлен автором настоящей статьи, так как опубликованный перевод Н.Н. Болгова не удовлетворяет целям данного исследования.
- ²⁰ *Zos. Hist. Nov.* I.20.2, 23.1, 26.1, 37.1.

ВАРВАРЫ ВО ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ РИМА в IV–V вв.

В статье исследуются сферы и методы использования варварских контингентов в римской политике в IV–V вв. Анализ источников показывает, что наряду с защитой границ от внешних врагов силами иноземных воинов, как в предыдущие эпохи, новым явлением становится вовлечение варваров во внутренние дела Рима, прежде всего в борьбу за власть. Преследуя личные цели, римские политические деятели зачастую не гнушаются использовать варварские отряды в ущерб государству и населению империи.

Ключевые слова: Римская империя, варвары, гражданские войны, узурпатор, граница, опустошение.

В последние века существования Римской империи она испытывала все усиливавшееся давление внешних народов, с которым на первых порах достаточно успешно справлялась, продолжая привычную политику, так или иначе интегрируя пришельцев и приспособлявая их к своим нуждам.

Наиболее часто и интенсивно римляне в IV–V вв., так же, как и в течение многих предшествующих веков, эксплуатировали военные возможности вновь завоеванных или втянутых в орбиту римских интересов народов.

Силы иноплеменных воинов использовались прежде всего в государственных интересах, как и в предыдущие эпохи. В первую очередь, это была защита границ от внешних врагов. Уже в III в. император Проб потребовал у вождей различных германских племен «шестнадцать тысяч молодых воинов и распределил их всех по разным провинциям, добавляя к воинским подразделениям или к пограничным воинам (*limitaneis militibus*) по пятидесяти и шестидесяти человек. Он говорил, что помощь римлянину со стороны

варварских вспомогательных отрядов должна быть ощутимой, но невидимой»¹. Орозий сообщает, что Диоклетиан и Галерий «успешно сражались против карпов и бастернов. Затем они победили сарматов, огромное множество пленников из которых разместили в качестве гарнизонов вдоль римских границ»².

Римские власти никогда не упускали возможность умножить свои силы за счет сарматов³, саксов⁴, готов (*Eunap.* Fr. 6⁵; *Amm. Marc.* XXXI. 4. 4), иных германцев⁶, армян (*Amm. Marc.* XXIII. 2. 2), сарацин (*Amm. Marc.* XIV. 4. 1) и других племен, испытывая все большую нехватку собственных воинов⁷. В условиях непрерывных набегов римская армия несла ощутимые потери, а людские ресурсы империи не были велики, к тому же военная служба давно перестала рассматриваться гражданами как обычная обязанность, и многие стремились избежать ее любыми способами⁸.

Варвары добровольно или вынужденно защищали интересы Римской империи в составе разнообразных контингентов на различных условиях.

Одним из условий договора с тервингами в 382 г. было оставаться на севере Балкан и служить в римской армии. Через некоторое время федераты обеспечили защиту дунайской границы⁹. После переселения вандалов, свевов и аланов в 409 г. на Пиренейский полуостров «всякий <...> стал пользоваться самими варварами как наемниками, помощниками и защитниками (*ipsis barbaris mercenariis ministris ac defensoribus uteretur*). Они сами предложили это по собственной воле» (*Oros.* VII. 41. 4–5).

Особенно актуальной была борьба с наседавшими на империю варварами. Наиболее эффективно было уничтожать одних варваров силами других. В 406 г. «допускается, чтобы души других врагов с армиями своими склонились к оказанию помощи против свирепейшего того врага Радагайса: Ульдин и Сар, вожди гуннов и готов, выступают на защиту римлян...» (*Oros.* VII. 37. 12). Орозий с удовольствием пишет «о частых столкновениях среди самих варваров, когда поочередно в ходе различных схваток обескровливали себя то два войска готов, то аланы и гунны» (*Oros.* VII. 37. 3), и о том, что вождь вестготов Валлия «предложил свой опыт для римской безопасности: сражаться против других племен, наводнивших Испанию, добывая римлянам победу» (*Oros.* VII. 43. 13).

Особое удовлетворение вызывала у римлян возможность травливать одни племена на другие, поскольку в любом случае, какая бы сторона не победила, они получали выгоду. «И другие короли: аланов, вандалов и свевов – вступали с нами в договор, с той же любезностью вручая себя императору Гонорию: “Имей со все-

ми нами мир, прими ото всех нас заложников: мы будем сражаться друг с другом, мы будем приносить тебе победу для бесконечного блага государству твоему, кто бы из нас не погиб»» (*Oros.* VII. 43. 14). Орозий отмечает: «...в Испаниях идут войны между племенами и вершатся убийства среди варваров» (*Oros.* VII. 43. 15). Приск Панийский с удовольствием описывает ситуацию, когда в 467 г. римлянам удалось хитростью разделить довольно большие силы осажденных варваров на несколько частей, а находящийся на римской службе гунн Хелхал сумел поссорить готов и гуннов в одном из отрядов. «Готы, смущенные этими словами, и полагая, что Хелхал говорит это из расположения к ним, соединились и истребили всех бывших у них уннов. Как будто по данному знаку между обоими народами начался бой. Узнав о том, Аспар и начальники другого войска построили своих в боевой порядок, и убивали всякого варвара, кто бы ни попался»¹⁰.

Все это было продолжением многовековых традиций, но в IV–V вв. военный потенциал варваров римляне стали использовать и в других сферах.

Гораздо более пагубные последствия имело вовлечение варварских войск во внутренние дела государства, прежде всего в борьбу за власть. Гражданские войны, которыми западная половина империи была охвачена в течение многих десятилетий, требовали быстрой концентрации воинских сил, невзирая на затраты на них, и увеличивали варварское присутствие.

Так, Константин I в борьбе с Максенцием использовал каких-то германцев (*Zosim.* II. 15. 1), а Лициний против Константина – готов¹¹. Констанций II в 350 г. ликвидировал узурпацию Магненция руками франков и аламаннов. После этого «варвары, которых царь Констанций незадолго перед тем нанимал себе в помощь против Магненция, не получив никакой добычи в войне с тираном, опустошали города Римской империи»¹².

Феодосий в борьбе с западными узурпаторами прибегал к помощи готов дважды: в 387–388 гг. – против Магна Максима, и в 392–393 гг. – против Евгения¹³. После смерти первого часть наемников дезертировали, когда стало известно, что они были им подкуплены, и несколько лет разбойничали в болотах Македонии (*Zos.* IV. 45. 3; 48–49). Сражения со вторым закончились тем, что «Евгений был схвачен и казнен, Арбогаст убил себя собственной рукой. Итак, и здесь гражданская война ограничилась кровью двоих, если не считать 10 тысяч готов, которые были высланы вперед Феодосием и, как передают, полностью перебиты Арбогастом¹⁴. Во всяком случае их потеря пошла на пользу, и потерпевшие поражение победили»

(*Oros.* VII. 35. 19). Таким образом, Орозий отмечает, что это была победа не только над узурпатором, но и над варварами.

В начале V в. череда узурпаторов, вырывавших власть друг у друга и терзавших Галлии и Испании, продолжали использовать, как, впрочем, и законное правительство, варварские отряды, такие как гонориаки (*Oros.* VII. 40. 7), племенная принадлежность которых неизвестна¹⁵. Тиран Константин и его сын Констант, приведший гонориаков, в страхе перед иноземными племенами, которых готовились вести на них оставленные ими для управления Испаниями Геронций и Максим, обратились к франкам и аламаннам¹⁶, хотя неоднократно были обмануты варварами «в сомнительных договорах (*incertis foederibus*)» (*Oros.* VII. 40. 4). «Едва минуло 4 месяца со дня осады Константина, как вдруг из Северной Галлии прибыли вестники и сообщили, что Иовин присвоил царские знаки отличия и вместе с бургундами, аламаннами, франками, аланами и со всем своим войском приближается к осаждающим» (*Greg. Tur. Hist.* II. 9). Чтобы бороться с этими претендентами на трон, император Гонорий в 409 г. принял на службу 10 тысяч гуннских ауксилиариев¹⁷. Затем, на протяжении примерно 30 лет именно гунны будут использоваться во внутренней борьбе, и также являться ударной силой западной армии против внешней опасности, бургундов и готов¹⁸. Начиная с 423–425 гг.¹⁹ Аэций особенно успешно привлекал гуннские контингенты для решения проблем внутренней и внешней политики Западной Римской империи (*Prosp. Chron.* 1322)²⁰.

Расправиться с Иовином и его братом Себастианом помогло соперничество в варварской среде и стремление к союзу с империей: вождь готов «Атаульф отправил к Гонорию послов, обещая ему головы узурпаторов и мир. Когда послы вернулись обратно и принесли ему клятвенные заверения, он отправил императору голову Себастиана, Иовин, осажденный Атаульфом, сдался ему и был отправлен к императору»²¹.

Одной из разновидностей гражданских распрей было соперничество Западной и Восточной римских империй после их официального разделения в 395 г. Хотя вторжение Алариха в Италию в 401–402 гг. власти Константинополя, вероятно, не инспирировали, как иногда предполагалось, но ничего и не сделали, чтобы его остановить²². Стилихон задумал руками Алариха и его готов окончательно включить Восточную Иллирию, где осели готы, в состав Западной империи. Этим планам не суждено было воплотиться в жизнь из-за казни Стилихона в 408 г.²³ «Аларих, предводитель готов, которого Стилихон пригласил охранять для Гонория Иллирик

(это была область, назначенная Гонорию отцом его Феодосием), узнав об убийстве Стилихона и не получив обещанной ему платы, осадил и разрушил Рим» (*Olymp. Fr.* 3).

Внутриполитические проблемы заставляли правителей забывать о внешних опасностях и ради удержания власти обнажать границы, снимая оттуда войска. Первым, по мнению Зосима, такую практику начал Константин I (*Zos. II. 34. 1*). Видимо, так Зосим интерпретировал переход к формированию мобильных войск. По крайней мере, В. Гоффарт считает, что Зосим клеветает на первого христианского императора, заявляя, что он открыл путь варварам снятием войск с границ и распределением их по городам²⁴.

Впоследствии варварские контингенты без колебания снимались с лимеса в Британии и Галлии в случае внутренней смуты или угрозы Италии со стороны других варваров. Воины, сражаясь во внутренней борьбе, не могли одновременно с этим действовать на одной из границ. Когда армии уводили, римское военное влияние за пределами собственных границ серьезно ослабевало²⁵.

Так, император Констанций II в 350 г. вывел из прирейнских городов и крепостей гарнизоны, чтобы бороться с Магненцием²⁶. Соседние народы не упускали подобные случаи. Аммиан Марцелин сообщает, что «лентиензы, аламаннское племя, пограничное с областями Реции, нарушили давно заключенный договор», когда узнали, что Грациан двинется с армией на Восток (*Amm. Marc. XXXI. 10. 2–5; Socr. H. E. V. 6*). В 388 г. войска Магна Максима были собраны для войны с Феодосием, и франки хлынули через Рейн (*Greg. Tur. Hist. II. 9*)²⁷. Зимой 394/95 г. вся Фракия была разорена гуннами, так как Феодосий увел войска в Италию на борьбу с Евгением²⁸. Когда Аларих напал на Италию, Стилихон вынужден был усиливать армию, снимая войска из Реции, с Рейна и Британии²⁹, также было и при нападении Радагайса, и области Галлии были разорены вандалами, аланами, свевами³⁰.

Преследуя личные цели предводители отрядов, находящиеся на римской службе, могли вступать в сговор со «свободными» варварами: «И вот гонориаки, развращенные добычей и пресыщенные ее чрезмерностью, чтобы злодеяние стало более безнаказанным и чтобы добиться еще большего от самого преступления, оставив охрану Пиренеев и открыв проходы, впускают в провинции Испаний все племена, которые скитались по Галлиям, да и сами присоединяются к ним (*Oros. VII. 40. 9*).

Хуже, когда в сговор с захватчиками вступали римские политические деятели. В источниках обвинения такого рода имеются против Стилихона, Руфина и Бонифация. Об отношениях Сти-

лихона и Руфина с аланами, свевами и вандалами в 406–407 гг. Орозий пишет следующее: «Что оба они, и тот и другой, совершили или что пытались совершить, объясняет цель каждого из них: один для себя стремился добыть царское положение, другой для сына своего. Для этого один впустил варварские племена, другой этому содействовал, чтобы во время внезапной сумятицы нужда государства скрыла их преступные замыслы» (*Oros.* VII. 37. 1; 38. 4)³¹. Бонифация Прокопий обвиняет в том, что он в 429 г. пригласил в Африку вандалов, стремясь стать независимым правителем³². Правда, к этому сообщению исследователи относятся по-разному: кто-то верит, кто-то считает клеветой³³, но аргументов и у тех и у других мало.

Еще худшим проявлением превалирования личных интересов над государственными является подстрекательство варварских племен к нападению на римскую территорию. В подлинности сообщений, по крайней мере, о нескольких такого рода случаях, кажется, никто из историков не сомневается.

Либаний сообщает, что «Констанций, воюя с Магненцием, <...> считал необходимым исчерпать все средства, дабы овладеть этим человеком. И вот он письмами открывал путь варварам в римские пределы, заявив в них о своем дозволении им приобретать земли, сколько только они смогут. Когда это разрешение было дано и письма те отменили условия договора, они хлынули потоком, при отсутствии какого-нибудь сопротивления, – Магненций держал свои войска в Италии, – и цветущие города становятся их полной добычей...»³⁴. Галлия осталась без реальной защиты³⁵. Не считаясь с теми бедствиями, которые приносили нашествия варварских племен населению Галлии, Констанций II повторяет этот прием, подстрекая аламаннов на нарушение договоренностей, чтобы осложнить положение цезаря Юлиана: «Юлиан начал смело вступать в сражения с варварами, а они, прислав к нему послов, уверяли, что нападают на области римские по повелению царя, и показывали письмо его» (*Socr.* Н. Е. III. 1; *Amm. Marc.* XXI. 3. 1–5; *Eunap.* Fr. 14).

Таким образом, с начала IV в. новым явлением стало вовлечение варваров во внутренние дела Рима, прежде всего, в борьбу за власть. Этим методом пользовались как законные правители, так и узурпаторы. Внутренние проблемы заставляли их забывать о внешних опасностях и ради удержания или получения власти обнажать границы, снимая оттуда войска и открывая путь варварам. Преследуя личные цели, римские политические деятели не гнушаются вступать в сговор с захватчиками и, более того, подстре-

кают приграничные племена к нападению на римские провинции, подвергавшиеся полному опустошению. В результате засилья варваров-наемников их требования и влияние возрастали вплоть до того, что они начали инспирировать узурпации и приводить к власти своих марионеток (*Olymp. Fr.* 17; *Oros. VII.* 35. 11–12; *Greg. Tur. Hist. II.* 9; *Paulin. Pell.*³⁶ Euch. 294–298).

Примечания

- ¹ *Scriptores Historiae Augustae. Prob. XXVIII.* 14. 7 / Ed. by E. Hohl. Vol. I–II. Leipzig, 1971. Перевод по изд.: Властелины Рима: Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / Пер. С.Н. Кондратьева. М., 1992.
- ² *Orosius Paulus. Historiarum adversum paganos libri VII.* VII. 25. 12 / Rec. C. Zange-meister. Lipsiae, 1889. Переводчик Орозия пропустил слово *finium*. В данном случае – перевод автора статьи, в дальнейшем перевод по изд.: Павел Орозий. История против язычников: Кн. 1–7 / Пер. с лат. В.М. Тюленева. СПб., 2001–2003.
- ³ См.: *Eusebius. Vita Constantini.* IV. 6 // *Eusebius. Werke* / Hrsg. von F. Winkelmann. Bd. 1. Berlin, 1991.
- ⁴ См.: *Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt.* XXVIII. 5. 4 / Ed. by W. Seyfarth. Vol. 1–2. Leipzig, 1978. Перевод по изд.: Аммиан Марцеллин. Римская история / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского, А.И. Сонни. СПб., 1996.
- ⁵ См.: *Eunapius. Text and Translation* // *The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire: Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus* / Ed. and transl. by R.C. Blockley. Vol. 2. Liverpool, 1983.
- ⁶ См.: *Zosime. Histoire nouvelle.* II. 15. 1 / Texte établi et trad. par F. Paschoud. T. 1–3. P., 1971–1986.
- ⁷ См.: *Thompson E.A. Romans and Barbarians: The Decline of the Western Empire.* L., Madison, 1982. P. 185; *Tomlin R. The Army of the Late Empire* // *The Roman World* / Ed. by J. Wachter. Vol. 1. L., 1987. P. 115; *Глушанин Е.П.* Предпосылки реформ Галлиена и их место в процессе трансформации римской армии // *Страны Средиземноморья в античную и средневековую эпоху.* Горький, 1985. С. 100.
- ⁸ См.: *Грант М.* Крушение Римской империи. М., 1998. С. 42–44; *Банников А.В.* Крушение римской оборонительной системы на западе империи в IV в. н. э. // *Studia Historica.* Вып. 5. М., 2005. С. 119–120.
- ⁹ См.: *Wolski J.* Le rôle et l'importance des guerres de deux fronts dans la décadence de l'Empire romain // *Klio.* 1980. Bd. 62. H. 2. S. 422.
- ¹⁰ *Priscus Panitus. Fr.* 39 // *Historici Graeci minores* / Ed. by L. Dindorfius. Vol. I. Leipzig, 1870. Перевод по изд.: Сказания Приска Панийского / Пер. Г.С. Дестуниса // *Ученые записки II отд. Имп. АН.* Кн. 7, вып. 1. СПб., 1861.

- ¹¹ Origo Constantini imperatoris sive *Anonymi Valesiani* pars prior. V. 27 // Monumenta Germaniae Historica. Auct. Antiquiss. T. 9. Chronica Minora. Saec. IV–VII. Vol. 1. Berlin, 1892.
- ¹² *Socratis Scholastici* Historia ecclesiastica. III. 1 // Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series graeca. T. 67. P., 1859. Перевод по изд.: *Сократ Схоластик*. Церковная история / Отв. ред. М.А. Тимофеев. М., 1996.
- ¹³ См.: *Вольфрам Х.* Готы: От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии) / Пер. с нем. Б.П. Миловидов, М.Ю. Некрасов; под ред. М.Б. Щукина, Н.А. Бондарко, П.В. Шувалова. СПб., 2003. С. 195; *Хизер П.* Падение Римской империи / Пер. с англ. А.В. Короленкова, Е.А. Семенов. М., 2011. С. 327.
- ¹⁴ П. Хизер считает эти потери преувеличением (*Хизер П.* Указ. соч. С. 328); а Х. Вольфрам верит, что Аларих в этой компании действительно привел 20 тысяч (*Вольфрам Х.* Указ. соч. С. 198).
- ¹⁵ См.: *Nagy T.* Reoccupation of Pannonia from the Huns in 427 // Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae. T. 15. Budapest, 1967. P. 167–168; *Банников А.В.* Римская армия в Галлии в IV–V вв. и Notitia Dignitatum // Мнемон. Вып. 5. СПб., 2006. С. 347.
- ¹⁶ См.: *Gregorius Turonensis.* Historia Francorum. II. 9 // Monumenta Germaniae historica: Scriptores rerum Merovingicarum. Hannover, 1884–1885. Vol. 1. Ps. 1. Перевод по изд.: *Григорий Турский.* История франков / Пер. с лат. В.Д. Савуковой. М., 1987.
- ¹⁷ См.: *Хизер П.* Указ. соч. С. 375.
- ¹⁸ См.: The Cambridge Ancient History 2008. Vol. 14. Late Antiquity: Empire and Successors. A.D. 425–600 / Ed. by A. Cameron, B. Ward-Perkins, M.: Whitby. Cambridge, 2008. P. 4–9.
- ¹⁹ См.: *Prosperi Tironis.* Epitoma Chronicorum. 1288 // Monumenta Germaniae historica. Auct. Antiquiss. T. 9. Vol. 1.
- ²⁰ См.: Chronica Gallica a 452 et 511. 118 // Ibid; *Liebeschuetz W.* The End of the Roman Army in the Western Empire // War and Society in the Roman World / Ed. by Y. Rich, G. Shipley. L.; N.Y., 2002. P. 269–272.
- ²¹ *Olympiodori.* Fr. 19 // Historici Graeci minores / Ed. L. Dindorfius. T. 1. Lipsiae, 1870. P. 450–472. Пер. по изд.: *Олимпиодор.* История / Пер. с греч., вступ. ст., коммент. и указатели Е.Ч. Скржинской. 2-е изд. СПб., 1999.
- ²² См.: *Хизер П.* Указ. соч. С. 337.
- ²³ См.: *Скржинская Е.Ч.* Примечания // Олимпиодор: История. С. 114; *Вольфрам Х.* Указ. соч. С. 202; *Хизер П.* Указ. соч. С. 334–348.
- ²⁴ См.: *Goffart W.* Zosimus, the First Historian of Rome's Fall // The American Historical Review. 1971. Vol. 76. P. 423.
- ²⁵ См.: *Голдсуорти А.* Падение Запада: Медленная смерть Римской империи / Пер. с англ. А.В. Короленкова, Е.А. Семенов. М., 2014. С. 652.
- ²⁶ См.: *Julianus.* De regno. 28 // The Works of the Emperor Julian: In 3 vols / With an Engl. transl. by W.C. Wright. Cambridge, 1969–1990.

- ²⁷ Предположение А.В. Банникова, что перед выводом войск с Рейна с приграничными племенами заключались определенные мирные соглашения (*Банников А.В. Римская армия в Галлии ... С. 347–348*), не находит подтверждения в источниках, а то, что они нарушали существующие договоры в условиях уменьшения пограничных контингентов, заметно.
- ²⁸ *Hieronymus*. Ep. LXXVII. 8 // Migne J.-P. *Patrologiae cursus completus. Series latina*. Т. 22. P., 1864.
- ²⁹ *Claudius Claudianus*. B. Goth. 419; 363; 423; De cons. Stil. II. 186 // *Claudius Claudianus. Carmina / Rec. J. Coch. Lipsiae, 1893*.
- ³⁰ См.: *Хузеп II. Указ. соч. С. 318–319; Liebeschuetz W. Op. cit. P. 266; Whittaker C.R. Frontiers of the Roman Empire: A Social and Economic Study. Baltimore; L., 1994. P. 166, 170*.
- ³¹ *Marcellinus Comes*. Chronicon. a. 408 // *Monumenta Germaniae historica. Auct. Antiquiss. Т. 11. Vol. 2. Berlin, 1894; Philostorgii. Historia ecclesiastica. XII. 2 // Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series graeca. Т. 65. P., 1858*.
- ³² См.: *Procopii Caesariensis. De bello Vandalico. I. 3. 22 // Procopii Caesariensis. Opera omnia / Rec. J. Havry, G. Wirth. Vol. 1–3. Lipsiae, 1962–1963*.
- ³³ См.: *Чекалова А.А. Комментарии // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., ст., комм. А.А. Чекаловой. М., 1993. С. 502*.
- ³⁴ *Libanii. Or. XVIII. 33–34 // Libanii. Opera / Rec. R. Foerster. Bd. 1–4. Lipsiae, 1903–1908. Перевод по изд.: Либаний. Речи / Пер. с греч. с примеч. С. Шестакова. Т. 1–2. Казань, 1912–1916*.
- ³⁵ См.: *Goffart W. The Theme of “The Barbarian Invasions” in Late Antique and Modern Historiography // Das Reich und die Barbaren / Hrsg. von E.K. Chrysos, A. Schwarcz. Wien; Köln, 1989. S. 98; Банников А.В. Римская армия в Галлии... С. 340*.
- ³⁶ *Paulinus Pelleus. Euchristicon // D. M. Ausonius Burdigalensis. Works / Ed. et transl. by H.G. Evelin Wyght. Vol. I–II. L., 1919–1921*.

А.И. Черных

ПИСЬМА СИДОНИЯ АПОЛЛИНАРИЯ
В СОБРАНИИ МУЗЕЯ КНИГИ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ

Данная статья посвящена письмам галло-римского епископа V в. н. э. Сидония Аполлинария в зарубежных старопечатных книгах XV–XVI вв., обнаруженных в составе фонда редких и ценных изданий научно-исследовательского отдела редких книг (Музей Книги) Российской Государственной библиотеки.

Ключевые слова: Сидоний Аполлинарий, письма, Джованни Батиста Пио, эпистолография, инкунабула, палеография, исторический источник.

В ряду источников по истории античности эпистолография занимает весьма важное место. Это обусловлено тем, что передача текста в форме письма была достаточно удобной, и в то же время имела свою специфику; поэтому неудивительно, что античная эпистолография находилась под неусыпным взором современной ей риторики¹. Т.А. Миллер приводит мнение первого собирателя писем Аристотеля, грамматика Артемона, о том, что письмо – это «половина диалога, т. е. диалог без собеседника»². Иными словами, эпистолография превратилась в отдельный жанр античной риторики, которая вырабатывала для него определенные стилистические схемы, чтобы отделить ее от других форм красноречия. И, что самое главное, формально имея определенного адресата, античная эпистолография была обращена ко всем читателям. С момента своего возникновения, эпистолярный жанр играет существенную роль в жизни античного общества и культуры.

Еще больше возрастает роль эпистолярного жанра в период Поздней Античности (IV–V вв. н. э.). Это было время, когда привычный мир менялся буквально на глазах; варварские племена,

жившие ранее на периферии греко-римской ойкумены, теперь становились непосредственными соседями жителей римских провинций. После реформ императоров Диоклетиана и Константина I была установлена практически монархическая форма правления – доминат, а опорой ее стал громадный бюрократический аппарат. Кроме того, хотя империя по-прежнему мыслилась единым государством, *de facto* она была поделена на две части: западную и восточную, что уже указывало на разновекторность развития двух частей Римской империи. И наконец, нельзя обойти вниманием положение христианской Церкви в указанный период, так как она не только смогла выжить после десятилетий гонений, не только смогла занять определенное место в социальной стратификации позднеантичного общества, но и существенно упрочить свое положение в нем. Благодаря этому христианская Церковь могла влиять не только на религиозные унастроения людей, но и на прочие сферы деятельности.

Сведения о вышеперечисленных явлениях в той или иной степени содержатся в исторических источниках того времени, что обуславливает их ценность для исторических исследований. Как уже отмечалось выше, особое место в ряду источников по истории Поздней Античности занимает эпистолография. Одним из наиболее ярких ее проявлений является корпус писем галло-римского епископа Гая Соллия Сидония Аполлинария (ок. 430 – ок. 486 гг. н. э.)³. Столь высокая оценка наследия, оставленного Сидонием, формируется прежде всего за счет того, что он был не просто свидетелем, но и непосредственным участником событий, связанных с упадком Западной Римской империи.

Сидоний родился в г. Лугдун. По свидетельствам самого Сидония, он принадлежал к древнему галльскому роду, а его отец, дед и даже прадед занимали в свое время посты префектов⁴. Сообразно с тем высоким положением, которое занимала семья Сидония, он получил превосходное образование⁵. В 452 г. н. э. Сидоний женился на Паппианиле, дочери галло-римского магната Эпархия Авита, ставшего всего год (с 455 по 456 гг. н. э.). Именно возвышение Авита способствовало карьерному росту Сидония, который посвятил своему тестю панегирик и получил за это статую на римском Форуме⁶. Низвержение Авита не сильно сказалось на положении Сидония; за хвалебную песнь следующему императору, Майориану, он получил титул комита⁷. «Светский» этап его жизни завершается при Прокопии Антемии, который, так же за панегирик в свою честь, наградил Сидония должностью префекта Рима⁸.

После привлечения одного из своих друзей к суду по политическому обвинению, Сидоний удалился обратно в Римскую Галлию, где проживал в основном в поместье своей жены, Авитаке (совр. оз. Эйдат). Обычно именно к этому периоду относят процесс обращения Сидония в христианство. Это способствовало новому карьерному росту, уже церковному. Сидоний становится епископом города, носившего официальное название Augustonemetum, хотя, судя по его письмам, в ходу было более привычное civitas Arverpogum (совр. Клермон-Ферран).

Время занятия Сидонием места епископа совпадает с расширением границ вестготского Толосского королевства. С 468 г. вестготы выходят за границы Аквитании, установленные федератским договором 418 г., и становятся одними из самых влиятельных варварских народов в данном регионе. Разумеется, такая экспансия не могла не встретить противодействия местных романизированных элит. Не осталась в стороне и область арвернов, которая дольше всех сопротивлялась вестготскому натиску, а противостояние возглавлялось как раз Сидонием. О том, насколько упорным было это сопротивление, можно полагать хотя бы из того, что область досталась вестготам только по результатам переговоров с Юлием Непотом. Сам Сидоний был отправлен в ссылку в крепость неподалеку от Каркассона и находился в заточении до тех пор, пока по ходатайству Льва Нарбоннского он был помилован и смог вернуться на свою епископскую кафедру. Умер Сидоний предположительно в 486 г. Как можно убедиться, жизнь и деятельность Сидония Аполлинария была исключительно яркой и бурной, а это, в свою очередь, резко повышает ценность той информации, которая содержится в его историческом наследии.

Если обратиться к истории бытования самих писем, то можно сделать предположение, что эти письма были весьма актуальны, причем уже спустя недолгое время после смерти самого Сидония. Так, например, в своей «Истории франков» Григорий Турский не только излагает своеобразное «житие» Сидония Аполлинария, но и приводит цитаты из письма Сидония. Сказать о том, использовал ли Григорий Турский оригинал писем, не представляется возможным. Однако это может служить косвенным доказательством насчет «актуализированности» античной эпистографии⁹.

Ввиду этого античная эпистолография является одним из важнейших исторических памятников. Это подтверждается активным использованием писем Сидония Аполлинария в современной западной историографии, хотя зачастую это работы сугубо лингвистические или литературоведческие, посвященные особен-

ностям языка Сидония Аполлинария. При этом практически отсутствуют источниковедческие работы. Не менее актуально это и для отечественного антиковедения¹⁰. По крайней мере на данный момент складывается двоякая ситуация, негативно влияющая на использование позднеантичных источников; уже упоминалось об отсутствии источниковедческих работ. Далее нужно указать на довольно слабую, с точки зрения автора данной статьи, археографическую деятельность по отношению к источникам по истории Поздней Античности¹¹ и, как следствие, отсутствие не только качественных переводов писем того же Сидония Аполлинария, но фактическое отсутствие всякой информации о местоположении самого источника.

Между тем, письма Сидония Аполлинария присутствуют не только в фондах редких книг западных библиотек, но и в России. Так, в хранилищах Музея книги Российской Государственной библиотеки хранятся, по меньшей мере, 4 книги писем, самая ранняя из которых датируется 1458 г. и представляет особый интерес¹². Обнаружение этих книг так же важно в силу того, что традиционно самой популярной публикацией писем Сидония была и остается публикация в 8-м томе *Monumenta Germanica Historiae*. Однако, как представляется автору данной статьи, было бы большим упущением обойти стороной наличие такого источника, как письма Сидония Аполлинария в российских книгохранилищах. Ценность этих книг обусловлена еще их формой. Ведь это – инкунабулы, «колыбельные книги», т. е. те книги, которые были созданы до 30 апреля 1500 года, а значит, еще заставшие пору «зари книгопечатания»¹³. Данная инкунабула имеет заголовок, «*Sidonius Apollinaris poema augea eiusdemque epistole*». Она издана в 1498 году в типографии Ульриха Сцинценцелера в Милане.

После текста писем имеется указание на тех, кто являлся «спонсорами», а именно – «досточтимые отцы пресвитер Иероним из Асулы и Иоанн из аббатов». При этом на первых страницах инкунабулы присутствуют посвящения, но не указанным лицам. Так, первое посвящение – это привилегия, написанная неким Б. Хальком (B. Chalcius) и сделанная от имени миланского герцога Людовико Мария Сфорца (1480–1499)¹⁴, при котором был замечен политический рост Милана¹⁵.

Затем идет моносиллабический стих, посвященный «сиятельнейшему мужу» Николаю Корригию от Вальтасара Тахони. И, наконец, посвящение от самого Пио Иоанну-Франциску Марлиану, юрисконсульту и члену миланского сената, вместе с элегией последнему. Кроме того, из всех трех посвящений датирована толь-

ко первая – 5 ноября 1497 г. Имеется также и дата издания самой книги – 3 мая 1498 г. Остается непонятна личность Вальтасара Тахони¹⁶ и Николая Корригия, и какое отношение данный моносиллабический стих имеет к основному тексту. Единственной зацепкой, общей для всех этих трех посвящений, является упоминание в них Сидония Аполлинария. Но наибольший интерес представляет третье посвящение Джованни Батисты Пио, адресованное представителю миланской аристократии. Это наводит на мысль о том, что инкунабула 1498 г. – это печатное издание уже существовавшей публикации самого Пио. При этом нет сведений о каких-либо других печатных изданиях (а за период с 1460 по 1490-е гг. наблюдается настоящий «бум» издания инкунабул в городах Италии, таких как Рим, Венеция, Неаполь и др.) писем Сидония под редакцией Джованни Батисты Пио. Следовательно, можно предположить, что источник для публикации 1498 г. – рукописный¹⁷, а издание Сцинценцелера – первое печатное издание писем Сидония Аполлинария¹⁸.

Будучи инкунабулой, созданной в Италии, публикация 1498 г. имеет в себе множество характерных черт. Прежде всего – это своего рода «композиция» текста. Так как создатели первых инкунабул опирались прежде всего на рукописные книги, то и в данном случае наблюдается сходная тенденция: в центре страницы идет основной текст писем Сидония Аполлинария, а вокруг него в форме квадратной рамки расположен текст комментариев Джованни Батисты Пио к отдельным пассажам из писем. Разумеется, как филолога и гуманиста его интересовало в первую очередь то, что можно было бы почерпнуть из Сидония с точки зрения филологии. Поэтому, например, ссылка Сидония в вопросе стилистики писем на Цицерона сопровождается комментарием Пио «De Marco Tullio», который уходит далеко за рамки самого письма Сидония.

Кроме того, общим для итальянских инкунабул является шрифт. Это так называемая «антиква», основой для которой послужило так называемое «гуманистическое книжное письмо». Этот стиль рукописного письма возник в начале XV в. в гуманистических кругах Италии под влиянием обнаруженных произведений древнеримских классиков. Подражая тому, что сами гуманисты называли «scriptura antiqua», т. е. «древнему письму», они создавали совершенно новый графический тип. И те черты, которые впитало в себя гуманистическое книжное письмо, перешло и в первопечатную «антикву». Так, буквы имеют явные квадратные черты. В большинстве случаев слова отделены друг от друга, но зачастую эти промежутки крайне узки, что, по мнению отечественных палео-

графов, является чертой позднесредневекового готического письма, унаследованной гуманистами¹⁹. Также от рукописного аналога унаследован четкий интервал между строчками – два буквенных корпуса. Внешне графика букв практически не изменилась.

С другой стороны, есть ряд важных отличий. В первую очередь, это использование сокращений. В.С. Люблинский справедливо отмечал, что для первых инкунабул при составлении печатных наборов учитывать все многообразие сокращений было невозможно физически и непрактично²⁰. Однако в результате ознакомления с текстом издания 1498 г. можно сделать вывод об обратном. Использование сокращений в данной публикации очень распространено. Более всего распространены суспензии. «Недописанными» чаще всего являются падежные окончания слов, особенно же тех, которые оканчиваются либо на гласную (в случае местоимений, например, *cui-*, *ill-* etc), либо на *-qu-*. В отношении последних так же используются «специальные знаки». От старой практики письма осталось также лигатурное написание *st*, *et* и т. п.

Нельзя не признать, что все указанные черты являются особыми характеристиками именно данной публикации 1498 г. Но в таком случае встает вопрос о происхождении этих особенностей. Вероятно, это может быть спецификой именно данной типографии. Но, скорее всего, речь идет о первоисточнике – рукописном издании Джованни Батисты Пио. Как уже упоминалось выше, для гуманистического письма одной из характерных черт было уменьшение доли сокращений в общем объеме написанного текста. Отсюда следует, что вряд ли это было почином лично болонского гуманиста. Но можно сделать предположение, что существенную роль здесь сыграл не рукописный оригинал самого Пио (оригинал, по отношению к изданию 1498 г.), а то, что служило для него протографом; очевидно, это средневековая рукопись, и, переписывая ее содержание, Пио заимствовал в том числе и сокращения, возможно, полагая, что они являются существенной чертой «*scriptura antiqua*».

Таким образом, можно отметить, что инкунабула 1498 г. обладает спецификой, интересной для исследователя. Как уже упоминалось, инкунабулы встречали «зарю книгопечатания» и в дальнейшем стали фундаментом для развития печатного дела, которое, по мнению некоторых исследователей, является настоящим «водоразделом» между историческими эпохами. В свете этого немаловажным является и то, что именно такой автор, как Сидоний Аполлинарий оказался в числе тех, чьи произведения попали в ряд первопечатных книг. Это говорит о том, что письма галло-римско-

го епископа V века н. э. представляли для гуманистов подлинный интерес, возможно, унаследованный еще со времен Средневековья. Однако вряд ли Сидоний и его произведения интересовали итальянских гуманистов с точки зрения какого-либо духовного смысла. В первую очередь для них Сидоний – образец прекрасной словесности до «Темных веков» Западной Европы. Возможно, здесь они находились под впечатлением оценки, данной Григорием Турским Сидонию: «Святой же Сидоний был так красноречив, что часто мог, не приготовясь, говорить на любую избранную тему с большим блеском и без всякого затруднения»²¹. По крайней мере, это объясняет и то, что сам Пио искал, в первую очередь у Сидония, отсылки к античным классикам, так как, возможно, это представлялось ему своеобразной «преемственностью». Но нельзя не забывать, какую роль стала играть античная литература в последние столетия перед падением Западной Римской империи. Так, С.В. Ешевский полагает, что в ситуации очевидного упадка государственности и господства пришлых варваров классическая античная литература становилась своеобразным «последним прибежищем» «последних римлян»²².

Таким образом, письма Сидония продолжали оставаться актуальными и в эпоху Ренессанса. Так или иначе, не может не радовать тот факт, что такой источник находится в российском книгохранилище, а значит, отечественные исследователи имеют уникальную возможность ознакомиться с ним.

Примечания

-
- ¹ См.: *Миллер Т.А.* Античные теории эпистолярного стиля // Античная эпистография: Очерки. М., 1967. С. 5.
 - ² См.: Там же. С. 7.
 - ³ См.: *Jones A.H.M., Martindale J.R.* The prosopography of the later Roman Empire. Vol. 2. A.D. 395–527. Cambridge, 1980. P. 115–116.
 - ⁴ См.: *Sid.* Ep. 1, 3. // Хрестоматия по истории Древнего Рима / Отв. ред. В.И. Кузищин; пер. с лат. Н.Н. Трухиной. М., 1987. С. 421.
 - ⁵ См.: *Беркова Е.А.* Влияние школы на формирование литературных вкусов Сидония Аполлинария // Вопросы античной литературы и классической филологии. М., 1966. С. 363; *Перфилова Т.Б.* Организация учебной деятельности в грамматических и риторических школах Галлии IV–V вв. // Ярославский педагогический вестник. 2002. № 4. С. 75.
 - ⁶ См.: *Jones A.H.M., Martindale J.R.* Op. cit.

- ⁷ Ibid. P. 116.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ Этот вывод проистекает из особенностей античной эпистолографии. Эпистолярный жанр фактически стал формой позднеантичной публицистики. Можно предположить, что это обеспечивало как минимум переписывание этих писем, что, в свою очередь, может объяснить использование писем Сидония Григорием Турским.
- ¹⁰ По мнению автора данной статьи, эта ситуация в отечественной исторической науке не в последнюю очередь связана с историографической дискуссией вокруг вопроса о том, кому «принадлежит» V век н. э. – антиковедам (оперирующим термином «Поздняя Античность») или же медиевистам (оперирующим термином «Раннее Средневековье»).
- ¹¹ Однако, справедливости ради стоит отметить, что ситуация не столь плачевна. Так, весьма крупным событием, по мнению автора данной статьи, является современный перевод и публикация «Вестготской правды»: Вестготская правда. Книга приговоров. Латинский текст. Перевод. Исследование / Отв. ред. О.В. Ауров; пер. с лат. О.В. Аунова, А.В. Марей, Г.А. Поповой и др. М., 2012.
- ¹² Примечательно, что сведения ни о данной инкунабуле 1498 г., ни о других, содержащих письма Сидония, не имеются в каталогах первопечатных книг московских архивов, библиотек и музеев. При этом есть сведения о хранящейся копии данной инкунабулы в ГПБ им. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге. См.: *Люблинский В.С., Варбанец Н.В.* Античные авторы в изданиях XV века: Каталог. СПб., 2007. С. 383.
- ¹³ *Люблинский В.С.* На заре книгопечатания. 2-е изд. СПб., 2006. С. 34.
- ¹⁴ См.: *Коллисон-Морлей Л.* История династии Сфорца. М., 2005. С. 54.
- ¹⁵ В частности об этом можно заключить из того же посвящения на первой странице инкунабулы: «LVDOVICVS maria sfortia anglus: Dux Mediolani [et]c. Papie anglieq[am] comes: ac Genuie [et] Cremonae dominus». В ходе Второй Итальянской войны (1499–1504) в 1500 году Милан был захвачен войсками Людовика XII, а сам Людовико Мария – свергнут, он окончил свои дни в заточении на территории Французского королевства. (Там же. С. 76–83).
- ¹⁶ Единственное указание относительно Вальтасара Тахони – это то, что он был «главным переписчиком» (ducalis scribae). Тогда встает вопрос: какое отношение переписчик имел к печатному делу? Возможно, это связано прежде всего с тем, что первые типографии в Италии возникали там, где находились центры книжной учености – в монастырях, как, например, в монастыре Субиако. В то же время именно монахи были на протяжении всех Средних веков главными «специалистами» по созданию и переписыванию книг. Говоря современным языком, для первых типографий они были самыми очевидными «кадрами», так или иначе подготовленными для книжного дела.
- ¹⁷ При это нельзя не отметить, что конкретных сведений о какой бы то ни было рукописной публикации писем Сидония под редакцией Пио нет.

- ¹⁸ При этом есть сведения о том, что существует еще более ранняя печатная версия писем Сидония Аполлинария. Это издание за авторством Николая Кетелера и Герардия де Леепта (Утрехт, не позднее 1474 года). См.: Text and translation // Sidonius Apollinaris. (Электронный ресурс) URL: <http://www.sidoniusapollinaris.nl/text.htm> (дата обращения: 24.12.2014).
- ¹⁹ См.: *Вербанец Н.В.* Йоханн Гуттенберг и начало книгопечатания в Европе. М., 1980. С. 12; *Люблинский В.С.* Указ. соч. С. 20.
- ²⁰ См.: *Люблинский В.С.* Указ. соч. С. 36.
- ²¹ *Григорий Турский.* История франков. II. 22 / Пер. с лат. В.Д. Савуковой. М., 1987. С. 45.
- ²² *Ешевский С.В.* К.С. Аполлинарий Сидоний: Эпизод из литературной и политической истории. М., 1855. С. 57.

«СТОЛЬНЫЙ ГОРОД
И МАТЬ ДРУГИМ ГОРОДАМ АНДАЛУСИИ»:
ВЗЯТИЕ КОРДОВЫ ФЕРНАНДО III СВЯТЫМ
В ЗЕРКАЛЕ «ИСТОРИИ ИСПАНИИ»
АЛЬФОНСО X МУДРОГО

Цель статьи – показать влияние средневековой историографии, написанной на разговорных языках, на формирование негативных представлений о мусульманах и исламе в латинской Европе. Подчеркивается, что такие сочинения имели много более широкую аудиторию, чем латинские тексты, ориентированные лишь на образованных клириков. К статье предлагается перевод гл. 1046 «Истории Испании» (Первой всеобщей хроники), в котором описывается взятие Кордовы войсками короля Кастилии и Леона Фернандо III Святого в 1236 г.

Ключевые слова: исламофобия, ксенофобия, негативные стереотипы, средневековые хроники, Реконкиста, Кастилия и Леон, Альфонсо X, политическая пропаганда.

«И в праздник свв. Апостолов Петра и Павла, город Кордова, который история называет матерью-покровительницей других городов, то есть патронессой и примером для других поселений Андалусии, был очищен от грязи Мухаммада и передан и вручен королю дону Фернандо; он же после этого приказал водрузить крест на главную башню, с которой имели обыкновение призывать и восхвалять во имя лживого Мухаммада, и все христиане начали с радостью и весельем взывать: “Боже, помоги нам!” А затем король лицом к лицу приказал водрузить свое королевское знамя рядом с крестом Нашего Господа Бога, и тут прогремел возглас радости и веселья, раздававшийся и слышимый в лагере праведных, то есть

© Ауров О.В., 2015

Исследование выполнено при поддержке РГНФ («Научный комментированный перевод “Первой всеобщей хроники”»; грант РГНФ № 13-01-00135 [2013–2015]).

верующих во Христа; и такие возгласы издавали епископы со всем клиром, которые пели и произносили “Te Deum laudamus”¹, вместе с благородным королем доном Фернандо, и с Церковью, и с верой в Царя Небесного, которая в этот час входила в город, вместе с королем доном Фернандо и со всеми с ними».

Эта эпическая картина предстает в описании взятия Кордовы войсками короля Кастилии и Леона Фернандо III (1217–1252) в 1236 г. Приведенный фрагмент – настоящий сгусток исламофобии. Но вместе с тем он, как и все описание взятия христианами древней Кордубы-Кордовы, а затем – столицы кордовского эмирата и халифата, символа мусульманского владычества, в который Альмансор на плечах христианских пленников перенес колокола из базилики св. Иакова в Сантьяго, – значимый повод для разговора об истоках и характере стереотипов восприятия ислама и мусульман в христианской среде, поскольку средневековая историография изначально способствовала их формированию и распространению².

Именно в латинской хронистике Раннего Средневековья были впервые выдвинуты идеи, которые впоследствии составили основу представлений о мусульманской «конките» (завоевании) Пиренейского полуострова как плате за грехи христиан и его последующем отвоевании («реконките») у «неверных» как искупительной жертве, принесенной потоками за грехопадение предков³. До определенного момента эти идеи не имели широкого распространения ни в обществе, ни даже в среде светской знати, и разделялись и пропагандировались лишь образованными клириками. Однако со временем, по мере укрепления государственности и роста военных возможностей христианского Севера, отдельные тезисы стали складываться в единую идеологию, дополнительными стимулами для развития которой стали начало крестовых походов в Палестину и окончательная интеграция западно-испанской Церкви в структуру стремительно крепнувшей папской «Res publica Christiana»⁴.

Настоящий поворот, однако, был связан с появлением литературы, а особенно – историографии на разговорных языках. Такие сочинения, в отличие от написанных на латыни, знакомой почти исключительно узкому кругу образованных клириков и монахов, были доступны большинству мирян, причем не только грамотных. Рассчитанные на восприятие на слух, эти хроники совершили настоящую революцию в массовом сознании и создали невиданные ранее возможности для пропаганды, в том числе – антиисламской.

В Кастилии и Леоне, где разговорный (кастильский) уже в середине XIII в. превратился в официальный язык делопроизводства, эта «историографическая революция» началась в первую очередь

с появлением двух значимых памятников – «Всеобщей истории», начинавшейся от сотворения мира и заканчивавшейся периодом ее составления, и «Истории Испании», в которой повествование велось от времен легендарного Геркулеса, будто бы положившего начало заселению Испании. Оба текста создавались в окружении короля Альфонсо X Мудрого (1252–1284) и должны были составить дилогию, призванную подчеркнуть новую роль Королевства Кастилия и Леон в современной ему латинской Европе.

По завершении «быстрой Реконкисты» Фернандо III и Альфонсо X королевство пыталось покончить с былой провинциальностью. Гогенштауфен по матери, Альфонсо X на протяжении длительного времени (1255–1274) боролся за вакантный престол Священной Римской империи, строил планы африканской экспансии, начал коренную реформу кастильского права и всей системы управления⁵. Наконец, он окружил себя, может быть, самыми образованными людьми своего времени: не случайно исследователи говорят о его «ренессансе XIII века»⁶. И «История Испании» (*Estoria de España*) должна была стать значимой частью амбициозных планов короля. Не случайно в свой правовой свод «Семь Партид» (после 1265 г.) Альфонсо X даже внес специальный закон, обязывающий рыцарей читать «*estorias*», что прямо указывает на понимание кастильским королем роли исторических сочинений как средства политической пропаганды⁷.

Увы, этим планам не было суждено воплотиться в жизнь: «История Испании» так и осталась недописанной. В полной мере грандиозность первоначального замысла позволяет оценить роскошная рукопись Y.I.2 (XIII в.), хранящаяся ныне в Королевской библиотеке Эскориала. Преемники Альфонсо X были вынуждены отказаться от первоначального грандиозного замысла и существенно умерить свои амбиции. Характерным проявлением этой тенденции стала другая, гораздо более скромная по оформлению, эскориальская рукопись X.I.4 (XIV в.), которая содержит рассказ о событиях с начала VIII в. и до смерти короля Фернандо III (1252 г.). Среди прочего, в нее включен и рассказ о взятии Кордовы (fols. 328r – 330v).

Рукописи Y.I.2 и X.I.4 составили основу издания, подготовленного выдающимся испанским филологом, лингвистом и текстологом Р. Менендесом Пидалем (1869–1968). Следуя названию, присутствующему в рукописи X.I.4, испанский исследователь назвал памятник «Первой всеобщей хроникой»; под этим названием были осуществлены три его издания (1906, 1955 и 1977 гг.). К настоящему времени рукописная история текста полностью пере-

осмыслена⁸. Однако применительно к рассматриваемому фрагменту транскрипция, сделанная Р. Менендесом Пидалем, не вызывает возражений.

Предлагаемый перевод (представленный с небольшими сокращениями) сделан по изданию: *Primera Crónica General de España / Ed. por R. Menéndez Pidal con un estudio actualizador de D. Catalán. Madrid: Gredos, 1977 (Fuentes cronísticas de España, I). P. 729–733.*

ИСТОРИЯ ИСПАНИИ

1046. Глава об осаде и взятии Кордовы

Поскольку история рассказала о других великих свершениях короля Кастилии и Леона дон Фернандо, теперь она переходит к повествованию о том, как он взял Кордову и говорит: Этот король дон Фернандо, после того, как взял Убеду через два года после смерти своего отца дон Альфонсо, короля Леона⁹, собрал большие силы и направился к Кордове и взял ее; и было это в год эры тысяча двести семьдесят четыре, когда шел год от Воплощения Господа тысяча двести тридцать шестой. И рассказывает история, что Кордова – это стольный город¹⁰ и мать другим городам Андалусии¹¹. И король дон Фернандо прибыл для осады города следующим образом, как рассказывает история: будучи в Королевстве Леон, разъезжая по нему, верша правосудие и утверждая добродетель, он прибыл в город Бенавенте. В то же время христиане, находившиеся на границе – рыцари-идалго, адалиды и конные и пешие альмогавары¹², собрались в Андúхаре, который принадлежал христианам, и совершили набег на Кордову, и пленили мавров, которые охраняли высокопоставленных лиц, и от них получили точные сведения¹³, что поскольку город Кордова сильно укреплен, то он не охраняется должным образом из страха перед христианами¹⁴, и что они могли бы сделать леса на крепостной стене, и обдумывали, как могли бы ограбить квартал, который по-арабски называется «Ахаркия»¹⁵, ибо если они сумели им овладеть, то смогли бы захватить и все остальное, как оно и произошло. И они договорились так и поступить, и условились сделать лестницы, и обсудили, какими они должны быть для подъема на башни и на стены, и решили, что могли бы сделать это незаметно ночью, в плохую погоду и в полной темноте. И договорившись, как следует действовать, посветили в свой план Пе(д)ро Руиса Тафура¹⁶ и Мартина Руиса д'Арготе¹⁷; и направили по их приказу соглашение, которого они достигли с доном Пе(д)ро Руисом¹⁸ и доном Альваром Пересом, его братом, которые

находились в Мартосе, и послали сказать ему, в какую ночь они стоворились выполнить задуманное, а он чтобы был наготове со своим отрядом, дабы помочь им, когда в том возникнет необходимость. Между тем, как дон Пе(д)ро Мартинес¹⁹ направлялся к своему брату, дону Альвару Пересу, явилось к ним столько воинов, сколько они смогли созвать, и соорудили свои лестницы в ту ночь, в которую договорились действовать, и подошли к подножию стены, – а было это по прошествии восьми дней января месяца, – и прислушались, охраняют ли мавры башни и стены, и не слышали никаких выкриков бодрствующих стражников, поскольку никто не бодрствовал и вся крепость была охвачена сном, христиане обошли вокруг башен и городской стены. После этого они посоветовались и сказали: «Что делать дальше?». И адалид Доминго Муньос²⁰ заявил им: «Мой совет следующий: если мы уже находимся здесь, осеним себя крестным знаменем и доверим себя Богу, и св. Марии и апостолу Сантьяго и положим завершить это дело, поскольку явились сюда, чтобы послужить Богу, а если мы не сможем забросить на стену веревочные лестницы, положим эти, сделанные из жердей, чтобы взобраться по ним; и пусть поднимутся лучшие знатоки арабского языка из тех, которые будут среди нас, одетые по-мавритански, для того чтобы, если они встретят кого-либо из мавров, те не признали их, а подумали, что они такие же мавры, как и они сами; и поднявшиеся первыми должны будут овладеть первой башней, которую обнаружат, ранее, чем заберутся остальные». Этот совет, данный Доминго Муньосом, христиане сочли подходящим и поступили согласно ему. Они проверили три лестницы из жердей и обнаружили, что они слишком короткие, а потому привязали их одну к другой и приставили к одной из башен, и первыми из христиан, знающими арабский язык, которые по ним поднялись, были Альвар Колодро и Бенито из Баньос, а затем другие, шедшие вместе с ними; и их одежда и головные уборы были как у мавров. Они захватили башню – ту, которая ныне называется «башня Альвара Колодро»²¹, и обнаружили в ней четверых мавров, которые лежали и спали, и один из них был из числа участвовавших в совете; и мавры проснулись и спросили, что они ищут, а те ответили им по-арабски, что они являются разводящими (*sobreguardas*) и ходят, проверяя посты. И тот мавр, о котором уже шла речь, узнал по голосу Альвара Колодро, и сжал его руку своей, сказав ему на ухо: «Я – один из тех, кого ты знаешь. Расквитайся с этими, а я тебе помогу». Затем они схватили мавров, заткнули им рты и сбросили с башни вниз, а христиане, находившиеся у подножия, убили их. После этого христиане продолжили взбираться вверх в большой спешке и когда уви-

дели, что большинство их поднялось на башню, они направились вниз по стене, захватывая все башни, которые находились напротив ворот Мартос²², пока не захватили эти ворота. И к рассвету христиане уже захватили башни и стены квартала, называемого Ашаркия, вместе с упомянутыми воротами, и через них вступил в город Педро Руис Тафур с конным отрядом, находившимся при нем. Мавры, увидев, что они завладели Ашаркией, бросили свои дома и бросились вглубь города, унося с собой свое имущество, а христиане стремительно напали на них на улицах и убили многих из них, а затем перегородили все улицы квартала, кроме главной, которую оставили чтобы преследовать арабов. Когда же мавры перенесли в город все, что смогли, они схватились с христианами, и мавры с другой части городских укреплений стали метать в них стрелы, дротики и камни, и трижды побеждали их и оттесняли вплоть до городской стены. Христиане же, под натиском больших сил мавров, бывших в большом числе, договорились между собой и направили двух посланцев: одного – к своему сеньору, королю дону Фернандо, с просьбой прийти и оказать им помощь, а другого – к Альваро Пересу, находившемуся в замке Мартос, одному из кастильских магнатов, могущественному и благородному, причем рыцаря по имени Ордоньо Альварес, из числа королевских вассалов, послали, чтобы он прибыл туда и передал эту весть королю дону Фернандо. А тому посланцу, который направился к Альвару Пересу, чтобы он оповестил всех христиан из мест, расположенных у границы, и этот посланец так и сделал. И тот, кто направлялся к королю, скакал день и ночь, пока не прибыл в Бенавенте, где находился король; и когда король воссел за стол, он передал ему послания и рассказал о поручении, ему данном. Тотчас же король направился в путь, не желая задерживаться ни на час, и приказал, чтобы за ним последовали его вассалы, а затем послал за людьми из городов и замков, повелев, чтобы они спешно двигались к границе, поскольку оттуда ему пришла весть; и, направив им эти приказания, он не стал их дожидаться, а выступил едва с сотней рыцарей. Но в то время стояла ненастная сырая погода, шло много дождей и реки переполнились водой, и стали препятствием, из-за которого он день за днем не мог поспеть к осаде Кордовы так быстро, как того желал. Однако установилась нормальная погода, а вода спала. Король же находился в пути: из Бенавенте он направился в Сьюдад-Родриго, а из Сьюдад-Родриго – в Алькантару, пересек Гвадиану на судне у Медельина²³, а из Медельина направился в Магаселу²⁴ и Бьенкеренсию²⁵, которая принадлежала маврам. Был в ней алькайд²⁶-мавр, который был добрым всадником и добрым человеком; и когда он узнал, что

король дон Фернандо поставил свой лагерь в поле, у ручья рядом с замком, тот вышел оттуда и принес дары – хлеб, вино, мясо и ячмень. И король принял его очень хорошо и окружил большим почетом, и в разговоре с ним попросил передать ему замок; и мавр ответил ему: «Сейчас ты идешь захватить Кордову, и пока ты не завершишь этого дела, ты не получишь этого замка; но когда ты покончишь с ней, я передам тебе его и буду служить со всем тем, что у меня есть». И сказал он это как бы в насмешку, полагая, что король не сможет добиться того, чего желает. И когда король прошел через это место, с ним было не больше тридцати магнатов при оружии; в числе тех, кто были с ним, находились дон Фернандо Руис «Коровья голова»²⁷, а еще дон Диего Лопес де Байяс²⁸, бывший еще оруженосцем, а еще Мартин Гонсалес де Михангос²⁹, а еще Санчо Лопес д'Эльос³⁰, а еще Хуан Ариас Мешиа³¹, и другие, чьих имен мы не может назвать с уверенностью. Выйдя оттуда, король прибыл в Дос-Эрманас³² и Даральбасар³³, и, оставив Кордову справа, направился к мосту в Альколеа³⁴, и там разбил свой лагерь с теми немногими, кого привел с собой. Когда король дон Фернандо прибыл для осады Кордовы, в центре Ашаркии уже некоторое время находился Альвар Перес, явившийся на помощь христианам, и его брат дон Педро Мартинес (которого мавры называли *alaftaç*³⁵, поскольку он был курносым), и другие отряды из приграничья, конные и пешие, и из других областей Кастилии, Леона и Эстремадры, которые явились по призыву послужить Богу и королю, и захватить какую-либо добычу, и оказать помощь христианам; были здесь и братья из орденов³⁶, явившиеся сюда послужить Богу. И когда христиане, находившиеся в Ашаркии, узнали, что туда прибыл их сеньор король дон Фернандо, они очень обрадовались, и позабыли, сколько зла и страданий они пережили вплоть до этого дня, и собрались с духом и обрели великую решимость завершить начатое. <...>

...К королю дону Фернандо, пока он осаждал Кордову, каждый день подходили новые отряды из всех частей королевства. Мавры же, узнав, что Ибн Худ³⁷ мертв и что его королевство распалось на много частей, весьма опечалились, а в их душах произошел глубокий надлом; кроме того, видя, как с каждым днем увеличивалось войско короля дон Фернандо, они предложили ему соглашение. А с того времени каждый день как Кастилия, так и Леон направляли ему большие отряды рыцарей-идальго и ополченцев из городов, и Кордова была окружена очень плотно, что вызвало большие трудности у ее жителей; и, наконец, уставшие от сражений и схваток, и побежденные голодом и недостатком припасов, кордовцы,

хотя и не желали этого делать, передали себя под власть короля дона Фернандо. И арабы, которые закрылись в городе, теперь беспрепятственно ушли оттуда, сохранив лишь свою жизнь, но ничего более. И в праздник свв. Апостолов Петра и Павла город Кордова, который история называет матерью-покровительницей других городов, то есть патронессой и примером для других поселений Андалусии, был очищен от грязи Мухаммада и передан и вручен королю дону Фернандо; он же после этого приказал водрузить крест на главную башню, с которой имели обыкновение призывать и восхвалять во имя лживого Мухаммада, и все христиане начали с радостью и весельем взывать: «Боже, помоги нам!». А затем король лицом к лицу приказал водрузить свое королевское знамя рядом с крестом Нашего Господа Бога, и тут раздался возглас радости и веселья, раздававшийся и слышимый в лагере праведных, то есть верующих во Христа; и такие возгласы издавали епископы со всем клиром, которые пели и произносили “Te Deum laudamus”, вместе с благородным королем доном Фернандо, и с Церковью, и с верой в Царя Небесного, которая в этот час входила в город, вместе с королем доном Фернандо и со всеми с ними. <...>

Примечания

- ¹ «Тебя, Боже, славим!» (название латинской молитвы по ее начальным словам).
- ² На русском языке об этом писала, пожалуй, только С.И. Лучицкая. См.: *Лучицкая С.И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов* / Отв. ред. А.Я. Гуревич. СПб., 2001.
- ³ *Isla Frez A. La Alta Edad Media. Siglos VIII–XI. Madrid: Editorial Síntesis, 2002. P. 36–40.*
- ⁴ См., например: *O’Callaghan J.F. Reconquest and Crusade in Medieval Spain. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 2003. P. 1–22, 176–208.*
- ⁵ Из числа многочисленных биографий Альфонсо X выделю наиболее авторитетную: *González Jiménez M. Alfonso X el Sabio. Barcelona: Editorial Ariel, 2004.*
- ⁶ См., например: *Emperor of Culture: Alfonso X the Learned of Castile and His Thirteenth-Century Renaissance* / Ed. by I. Burns, S.J. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 1990; *Alfonso X y su época. El siglo de Rey Sabio* / Coord. por M. Rodríguez Llopis. Barcelona: Carrogo S.A. De Ediciones, 2001.
- ⁷ См.: *Ауров О.В. «Deuen leer las estorias...»: Истоки и развитие сословной идентичности кастильского рыцарства (XII – середина XIV вв.). // Социальная идентичность средневекового человека* / Отв. ред. А.А. Сванидзе, П.Ю. Уваров. М., 2007. С. 88–127.

- ⁸ См.: Alfonso X el Sabio y las crónicas de España / Al cuidado de I. Fernández Ordoñez. Valladolid: Universidad de Valladolid, 2000.
- ⁹ Альфонсо IX – последний король независимого Леона (1188–1230), отец Фернандо III.
- ¹⁰ Как столица эмиров и халифов Аль-Андалуса.
- ¹¹ Церковный центр древней Андалусии-Бетики, митрополия (греч. μητρόπολις дословно означает «мать городов»).
- ¹² Адалиды – предводители отрядов профессиональных воинов-наемников (альмогаваров).
- ¹³ В тексте – «lengua cierta», дословно – «взяли языка».
- ¹⁴ Так в тексте (примеч. переводчика).
- ¹⁵ Ашаркíя (Ахаркíя) – район средневековой Кордовы, простиравшийся к востоку от древнего рынка; слово происходит от араб. *šarqíyya* – «восточная часть». Район включал часть города, застроенную еще в римское время, а с приходом мусульман заселенную новыми мусульманами-мулади. В X в. он подразделялся на шесть кварталов – Сабулар, Фурн Бурриль, аль-Буру, Мунйат-абд-Аллах, рабад аль-Захира и Мунйат аль-Муджира; в последнем находилась мечеть, минарет которой оказался встроен в комплекс зданий позднейшей церкви св. Лаврентия.
- ¹⁶ Пе(д)ро Руис (Родригес) Тафур – об этом лице, помимо факта его активного участия во взятии Кордовы, удалось выяснить немного. В грамоте Фернандо III от 05.03.1241 этот профессиональный воин-альмогавар фигурирует как владелец хлебного рынка (*alfondegas*) в Кордове, который, вероятно, получил по разделу после взятия города. См.: *González J.* Reinado y diplomas de Fernando III. T. 3: Documentos (1233–1253). Córdoba: Publicaciones del Monte de Piedad y Caja de Ahorros de Córdoba, 1986. P. 214. М. Гонсалес Хименес отмечает также получение им, вместе с неким Фернаном Нуньесом и его братьями, другого владения – поселения в Торре; кроме того, его владением стал земельный участок в Гуадарромане. См.: *González Jiménez M.* Fernando III el Santo: El rey que marcó el destino de España. Sevilla: Fundación José Manuel Lara, 2006. P. 164–165.
- ¹⁷ Мартин Руис (Родригес) д'Арготе (ум. ок. 1244) – об этом лице, помимо факта его активного участия во взятии Кордовы, удалось выяснить немного. Профессиональный воин-альгадовар, за участие во взятии Кордовы он получил от Фернандо III два земельных участка – больший в Кастро (Кабриньяна) и меньший в Дуэрнас, оба – в окрестностях города (см.: *González Jiménez M.* Fernando III el Santo. P. 153). Погиб в битве при Мартос в конце 1243 или начале 1244 г.
- ¹⁸ Педро Руис (Родригес) Манрике (ум. ок. 1284) – кастильский магнат, сеньор Амуско.
- ¹⁹ Педро Мартинес (возможно, его следует идентифицировать с Педро Мартинесом де Агилар, фигурирующим как писец с 1231 по 1239 г.) – канцлер Кастилии в период с марта по май 1249 г.; полученное им при разделе Кордовы владение именовалось Кортихо-дель-Кансильер. Кроме того, он получил земельный уча-

- сток в Гуадарромане, земельный участок в самой Кордове и другие владения. См.: *González Jiménez M. Fernando III el Santo*. P. 164–165; *González J. Reinado y diplomas de Fernando III*. Т. 1. P. 444–445, 509.
- ²⁰ Доминго Муньос – адалид, один из активных участников взятия Кордовы и Севильи. См. также ниже гл. 1057, 1113.
- ²¹ В грамоте Фернандо III от 18 ноября 1244 г. упоминается «мельница у ворот [башни] Альвара Колодро» (см.: *González J. Reinado y diplomas de Fernando III*. Т. 3. P. 282).
- ²² Располагались в южной части стены Ашаркíи (Ахаркíи), в угловой части, напротив мельницы, называвшейся точно так же. Название «Мартос» было дано воротам и мельнице уже после событий 1236 г. Ворота Мартос были сильно разрушены землетрясением в XVIII в., а впоследствии разобраны.
- ²³ Медельин – город в современной провинции Бадахос.
- ²⁴ Магасела – сельское поселение в современной провинции Бадахос.
- ²⁵ Бьенкеренсия – ныне Бьенкеренсия-де-ла-Серена, в современной провинции Бадахос.
- ²⁶ Алькайд – комендант замка или крепости, шателен.
- ²⁷ Вероятно, имеется в виду Фернандо Родригес де Лара (ум. 1275), кастильский и леонский магнат; несколько представителей этого рода носили такое прозвище. Шесть изображений коровьих голов позднее было помещено на гербе рода. См.: *Salzar y Castro L. Historia genealógica de la Casa de Lara, justificada con instrumentos, y escritores de inviolable fe*. Т. 1. Madrid: En la Imprenta Real, 1696. P. 265.
- ²⁸ Возможно, имеется в виду Диего Лопес де Аро, будущий сеньор Бискайи (ум. 1254) – представитель могущественного клана сеньоров Бискайи, сеньор Бискайи между 1236 и 1254 гг., главнокомандующий при королях Фернандо III и Альфонсо X.
- ²⁹ Мартин Гонсалес де Михангос – кастильский магнат из окружения сеньора Бискайи Лопе Диаса де Аро; алькайд Баэсы (1236); получил значительный земельный участок при разделе Кордовы; известно имя одного из его вассалов – Руй Перес де Тувера. См.: *González J. Reinado y diplomas de Fernando III*. Т. 1. P. 131, 424, 429.
- ³⁰ Санчо Лопес д'Эльос – идентифицировать это лицо не удалось.
- ³¹ Хуан Ариас Мешиа (Мехиа?; де Мессиа?) – идентифицировать это лицо не удалось.
- ³² Поселение в современной провинции Кордова.
- ³³ Даральбасар – поселение идентифицировать не удалось.
- ³⁴ Альколеа – поселение, расположенное в 10 км от современной Кордовы.
- ³⁵ *Alaftaç* – слово зафиксировано исследователем языка хроники французским лингвистом Ж. Рудилем, однако объяснения не получило. См.: *Roudil J. Index alphabétique des formes de la "Primera Crónica General" // Cahiers de linguistique hispanique médiévale*. 1979. Vol. 4. № 1–2. P. 215.
- ³⁶ Речь идет о духовно-рыцарских орденах.

- ³⁷ Ибн Худ (Абу Абдаллах Ибн Йусуф Ибн Худ аль-Джудами (ум. 1237) – выходец из клана Бану-Худ, до 1118 г. управлявшего Сарагосой. В 1228 г. он поднял восстание в Мурсии против альмохадов, одновременно отражая натиск христиан, распространив свою власть на Кордову, Севилью, Гранаду, Альмерию, Альхесирас и Сеуту, после чего стал самым влиятельным правителем аль-Андалуса. Однако уже вскоре он столкнулся с сопротивлением правителей Валенсии и Архоны. В итоге Ибн-Худ был вынужден признать себя данником Фернандо III. Через год после его смерти, в 1238 г., аль-Андалус фактически прекратил сопротивление.

ОБРАЗ МАГОМЕТА
В «ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ХРОНИКЕ ИСПАНИИ»
К вопросу о конструировании религиозной идентичности

Статья посвящена образу Магомета в «Первой всеобщей хронике» Испании. Анализируется один из эпизодов легенды о Магомете – типично испанский – где рассказывается о проповеди ислама в Кордове и о несостоявшемся аресте Магомета по приказу Исидора Севильского. Этот эпизод заимствован из «Всемирной истории» Луки Туйского. Произведение Луки отличается ярко выраженной антиисламской направленностью, и при написании «мусульманских глав» хронист в большей степени опирается на него, чем на «Историю арабов» Родриго Толедского, несмотря на то, что произведение Родриго основано на арабских источниках и отличается большей достоверностью. Это позволяет сделать вывод о принципах историописания при дворе короля Альфонсо X. По всей видимости, история об Исидоре и Магомете должна была указывать читателям и слушателям на то, что противостояние ислама и христианства в Испании имеет очень древнюю традицию.

Ключевые слова: Магомет, образ пророка Мухаммеда в средневековых хрониках, Исидор Севильский, «Первая всеобщая хроника», Лука Туйский.

В истории Испании и в историческом сознании ее жителей мусульмане и мусульманская культура занимают совершенно особое место по причине арабского завоевания 711–713 гг. и последующей Реконкисты¹. В этом смысле отнюдь не случаен неослабевающий интерес испанских хронистов к истории основателя ислама и, следовательно, виновнику столь страшной беды для всех христиан Испании – пророку Мухаммеду, или Магомету

© Марей Е.С., 2015

Исследование выполнено при поддержке РГНФ («Научный комментированный перевод “Первой всеобщей хроники”»; грант РГНФ № 13-01-00135 (2013–2015)).

в европеизированном варианте². При этом образ мусульманского пророка в средневековых европейских хрониках был неотъемлемой частью образа Другого³, а противопоставление «себя» и Другого служило одним из способов выстраивания национальной и религиозной идентичности.

Одно из наиболее красочных и ярких описаний биографии Магомета содержится в «Первой всеобщей хронике Испании» – грандиозном историческом произведении, созданном по приказу короля Альфонсо X Мудрого (1252–1284). В целом составители Хроники следуют общей канве европейских рассказов о жизни Магомета⁴, однако один из эпизодов представляет собой оригинальную, специфически испанскую легенду. Речь идет о несостоявшемся аресте Магомета по приказу Исидора Севильского. Какие тексты являются источниками этого эпизода? Почему для хрониста была столь важна эта история, носящая откровенно фантастический характер? Наконец, какие дополнительные черты придает она образам Исидора и Магомета? Поиску ответов на эти вопросы и будет посвящена настоящая статья. Представляется, что подобный анализ позволит прояснить особенности противопоставления христианского мира миру мусульманскому в историческом сочинении Альфонсо X.

«Первая всеобщая хроника Испании» как источник представлений о Магомете и мусульманах

XIII век для Кастилии – время небывалого политического, военного и экономического подъема. В правление отца Альфонсо Мудрого, Фернандо III Святого, происходит так называемая «Быстрая (или Великая) Реконкиста», при самом Альфонсо были взяты Ньебла и Мурсия – крупнейшие города мусульманского юга. Все это способствовало росту авторитета королевской власти и притоку новых богатств в королевскую казну. Политический и экономический подъем повлек за собой подъем культуры, а упрочение королевской власти потребовало идеологического оформления. С этой целью в 1265 г. король Альфонсо создает «Семь партий» на старокастильском языке – первый национальный свод права, действующий на территории всего королевства и ставящийся выше многочисленных местных фуэро. Несколькоими годами позже, в 1270 г., начинается работа над национальной историей – грандиозной «Историей Испании» или «Первой всеобщей хроникой»⁵.

Тот факт, что Хроника была написана на старокастильском языке, говорит о том, что она была адресована прежде всего рыцарям, не знавшим латыни. Не случайно Альфонсо X специальным указом (Part. II.21.20) повелел рыцарям слушать исторические рассказы в часы отдыха или во время трапезы⁶. Таким образом, «Первая всеобщая хроника» задумывалась одновременно и как идеологическое (цель которого – сплотить рыцарей и магнатов вокруг короля), и как дидактическое произведение (которое должно было продемонстрировать рыцарям примеры храбрости и воинской доблести)⁷.

«Первая всеобщая хроника» начинается с истории всемирного потопа и расселения потомков Иафета, потом переходит к подвигам Геракла в Испании. Далее Хроника описывает историю народов, в разное время населявших Испанию, и, наконец, заканчивается эпохой правления Фернандо III. Большое место наряду с историей готов занимает история Магомета и становления ислама.

Источниками Хроники стал целый ряд произведений античных и средневековых авторов, которые указаны в прологе. Однако исследователи отмечают, что главными (а для многих глав – единственными) источниками были сочинения Луки, епископа города Туя (ум. 1249), и Родриго Хименеса де Рады, епископа Толедо (1189?–1247), чьи имена стоят в этом ряду первыми⁸. Не стали исключением и «мусульманские главы».

Лука Туйский написал свою «Всемирную хронику» (Chroinicon mundi) в 1236 г. по заказу королевы Беренгелы. Его произведение начинается с сотворения мира и заканчивается взятием Кордовы (1236 г.). В своем сочинении епископ Туя использовал произведения Иоанна Бикларского, Исидора Севильского, Идация, Орозия, а также предшествовавшие хроники⁹. При этом отличительным качеством Луки Туйского является, пожалуй, его любовь к неправдоподобным и даже анекдотичным историям, одна из которых анализируется в настоящей статье.

Однако гораздо более важным источником для хронистов Альфонсо X стали произведения Родриго Хименеса де Рады (ок. 1170–1247), архиепископа Толедо, историка, военного и политического деятеля. Интересующая нас «История арабов» была закончена незадолго до смерти Родриго, ок. 1245 г.; она начинается с рождения пророка Мухаммеда и описания его жизни и заканчивается правлением халифа Юсуфа ибн Ташфина (1061–1106) из династии аль-Моравидов. В отличие от своих предшественников, Родриго Толедский использовал не только христианские, но и арабские источники, причем относился к ним довольно бережно и, в общем, тщательно следовал изложенным в них фактам (хотя мог подавать эти факты в другом

свете)¹⁰. Все это делает произведение Родриго весьма информативным и взвешенным источником, и потому составители «Первой всеобщей хроники» следовали в основном ему. Однако легенда о несостоявшемся аресте Магомета представляет собой исключение.

Несостоявшаяся встреча Магомета и Исидора Севильского

В 478-й главе Хроники читаем:

... он отправился в Испанию и прибыл в Кордову, и проповедовал там свою дурную ересь. И в одной из своих проповедей он сказал, что Господь наш Иисус Христос, родившийся от девы посредством Святого Духа, не является Богом. Когда же об этом узнал блаженный отец святой Исидор, который тогда вернулся из римской курии, он послал своих людей в Кордову, чтобы те схватили его и привели к нему. Однако Магомету явился дьявол и сказал уходить из этого места, и тогда он ушел из Кордовы, бежал и пересек море¹¹.

Абсурдность этого рассказа очевидна. Примечательно, что, по всей видимости, это осознает и автор Хроники, поскольку через несколько глав он довольно подробно говорит о благочестии Исидора и о его значении для всей христианской церкви, но не упоминает там о Магомете¹². Кроме того, известно, что Исидор Севильский никогда не был в Риме. Однако в том, что перед нами – именно Исидор Севильский, не может быть сомнений, так как других отцов вестготской Церкви с таким именем просто нет.

Откуда же хронист заимствовал этот эпизод? Очевидно, что источником в данном случае стала «Всемирная хроника» Луки Туйского; рассказ которого совпадает с изложенным в Хронике почти дословно¹³. В свою очередь Лука Туйский узнал об этой истории из анонимной «*Vita Isidori*», составленной в Леоне в XII в.¹⁴ Такой интерес к Исидору в Леоне не был случайным. В 1063 г. по приказу короля Фернандо I мощи святого были перенесены из Севильи в Леон, и с этого момента культ Исидора переживает там второе рождение. Он начинает восприниматься как покровитель христиан Испании в их борьбе против мусульман.

«Всемирная хроника» Луки Туйского отличается ярко выраженной антиисламской направленностью: достаточно прочесть начало рассказа о Магомете, где пророк ислама назван нечестивым проповедником (*iniquus concionator*) и наивреднейшим соблазнителем (*pessimus seductor*)¹⁵. А история про несостоявшийся арест противопоставляет основателя новой религии, Магомета, самому

знаменитому и авторитетному святому Испании, Исидору Севильскому, последнему Отцу Церкви; противопоставляет опасную ересь и чистое христианское вероучение. В этом смысле показательны также, что Исидор возвращается из Рима – оплота католической веры. Из рассказа становится очевидно, что, если бы не содействие дьявола, Магомет обязательно предстал бы перед Исидором, и тот непременно избличил бы его «гнусную ересь».

Магомет как ересиарх

В чем же заключается это вероучение? Из текста «Первой всеобщей хроники» понять этого нельзя, так как хронисты не уделили этому вопросу внимания. Единственное положение мусульманской религии, которое они упоминают, – утверждение, что Иисус не был Богом¹⁶. Кроме того, довольно подробно описывается рай, а также упоминаются некоторые обязанности каждого правоверного мусульманина, например молиться пять раз в день¹⁷. Зато с небывалым усердием хронист рассказывает о том, как сформировалось это вероучение и почему оно должно считаться еретическим. Говоря о детстве и юношестве пророка, автор Хроники утверждает, что семилетнего Магомета отдали в обучение некоему иудею-звездочету, приятелю его отца и тот наставлял его как в естественных науках, так и в иудейской и христианской вере. Именно от него Магомет позаимствовал основы своего вероучения, придуманного им, по утверждению хрониста, для погибели душ¹⁸. Источником этого фрагмента послужил отрывок из «Истории арабов» Родриго Толедского, где также рассказывается об иудее-наставнике Магомета¹⁹. Однако по сравнению с Хроникой эта «История арабов» говорит об этом менее эмоционально: назвав учение Магомета еретическим, Родриго больше не заостряет на этом внимание.

Лука Гуйский рассказывает, будто бы Магомет, путешествуя с торговыми караванами по Египту и Палестине, познакомился с неким антиохийским монахом по имени Иоанн, и тот научил его гнуснейшей ереси²⁰. Этот же отрывок почти без изменений заимствует и хронист Альфонсо X²¹. Следуя тексту Луки и в дальнейшем своем повествовании, он рассказывает, что это была секта николаитов, по имени Николая Антиохийского, одного из семи дьяконов, выбранных апостолами для раздачи пищи в иерусалимской общине²². Об этой ереси известно очень немного; однако церковные авторы, например Ириней Лионский, упоминают о том, что николаиты считают разврат и ежедневные совокупления необходимыми условиями для спасения²³.

Обычай многоженства у мусульман всегда служил излюбленной мишенью для христиан, и наш хронист не упустил случая, чтобы обвинить Магомета и его последователей в сладострастии и в следовании богопротивному учению. Кроме того, в этом отрывке хронист прямо говорит о том, что ислам – это не оригинальная религия, а лишь видоизмененная древняя ересь. Тем самым Магомет становится не пророком, а еретиком, не творцом нового учения, а ловким обманщиком, наслушавшимся речей какого-то нечестивого монаха.

Магомет как анти-Иисус

Из текста Хроники становится очевидным, что Магомет не смог бы обратить народы Аравии в свое учение без помощи дьявола²⁴. Иначе говоря, магометанское вероучение – это не просто искаженная ересь, это весьма опасная доктрина, придуманная на погибель человечеству. В этом смысле Магомет в Хронике противопоставлен Иисусу Христу, пришедшему спасти род людской, и это противопоставление особенно заметно в финале истории о Магомете, где рассказывается о его смерти. Пророк утверждал, что он воскреснет на третий день после смерти, и тогда один из его учеников по имени Альбимор отравил его, чтобы проверить это утверждение. В итоге, несмотря на все ожидания, на третий день тело стало разлагаться, а на одиннадцатый его пожрали собаки²⁵. Эту историю хронист заимствовал у Луки Туйского²⁶, а тот, в свою очередь, – очевидно из произведения Евлогия Кордовского, христианского автора, жившего в IX в., так что это предание достаточно древнее²⁷. С помощью столь подробного описания кончины Магомета хронисты ставят эффектную точку в конце произведения и показывают, что и сам Мухаммад – обманщик и лжепророк.

* * *

Итак, в «Первой всеобщей хронике» (как и в хрониках до нее) Магомет предстает обманщиком, изобретателем богопротивной ереси, основанной на ереси николаитов, лжепророком, выдававшим себя за Мессию и т. п. При этом автор признает, что тот хорошо знал закон христиан и иудеев, хотя и относился к ним без должного благочестия.

При написании «мусульманских глав» составители «Первой всеобщей хроники» использовали главным образом два источника – достаточно нейтральную (насколько это вообще было возможно) по отношению к мусульманам «Историю арабов» Родриго

Толедского и подчеркнуто антиисламскую «Всемирную историю» Луки Туйского. Интересно, что при написании «мусульманских глав» хронисты Альфонсо X прибегали к «Всемирной хронике» Луки Туйского во много раз чаще, чем при написании глав, скажем, готского цикла. По всей видимости, антиисламский пафос этого произведения оказался им ближе, чем спокойное и обстоятельное изложение Родриго (тоже, впрочем, не испытывавшего к мусульманам никакой любви). История об Исидоре и Магомете указывала читателям и слушателям на то, что противостояние ислама и христианства в Испании имеет очень древнюю традицию.

Принятые сокращения:

Eulog. Cord. Liber apolog. Martyrum – Eulogii Cordubensis Liber apologeticus Martyrum // Gil Fernández J. Corpus Scriptorum Mozarabicorumю Madrid, 1973;

Luc. Tud. Cron. – Lucae Tudensis Chronicon mundi / Cura et studio Emma Falque // Lucae Tudensis Opera omnia. Corpus christianorum. Continuatio mediaevalis. LXXIV. Turnhout, 2003. Т. 1;

PCG – Primera crónica general que mandó componer el Rey don Alfonso el Sabio e se continuaba bajo Sancho IV en 1289 / Publ. por R. Menéndez Pidal. Madrid, 1955. Vol. 1;

Rod. Tol. Hist. arab. – [Roderici Toletani Historia arabum] Hispaniae Illustratae seu Vrbiū rerumque hispanicarum, academiārum, bibliotecarum, clarorum denique in omni disciplinarum genere scriptorum auctores varii chronologi, historici, mpartim editi nunc primum / Andreae Schotti Antverp. Societas Iesu. Tomus 4. Francofurti, 1608.

Примечания

¹ О восприятии арабского завоевания см.: *Martin G.* Un récit (la chute du royaume wisigothique d'Espagne dans l'historiographie chrétienne des VIII et IX siècle) // *Martin G.* Histoires de l'Espagne médiévale: Historiographie, geste, romancero. P., 1997. P. 11–42; *Bronisch A.P.* Reconquista y guerra santa: la concepción de la guerra en la España cristiana desde los visigodos hasta comienzos del siglo XII / Trad. de M. Diago Hernando. Granada, 2006.

² В данной статье я предпочитаю использовать имя Магомет, чтобы подчеркнуть специфически европейское, точнее испанское, восприятие образа Пророка.

³ Об образе мусульманина как Другого подробно писала С.И. Лучицкая, рассматривавшая эту проблему на материале французских хроник. См.: *Louchitskaja S.*

- L'image des musulmans dans les chroniques des croisades // Le Moyen Age. Revue d'histoire et de philologie. 1999. № 3–4. P. 717–735; *Лучицкая С.И.* Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001. На испанском материале образ мусульман разрабатывал Дж. Толан. См.: *Tolan J.V.* Saracenos: el islam en la imaginación medieval europea / Trad. de J.R. Gutiérrez, S. Moreta. Valencia, 2007.
- ⁴ См.: *Лучицкая С.И.* «Жизнь Магомета» Эмбрико Майнцского: легенда и история // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. Т. 4. Вып. 6 (22) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000601-0-1>; *Журавский А.В.* Магомет-кардинал: к истории одного образа Мухаммада в средневековой Европе // Свет Христов просвещает мир: Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2014. Вып. 9. С. 83–109; *González Muñoz F.* Apuntes sobre el tratamiento literario del profeta Mahoma en Occidente // La cultura clásica y su evolución a través de la Edad Media. Homenaje al Prof. J. Mellado Rodríguez con motivo de su jubilación académica / Ed. por J.P. Monferrer-Sala, M. Rodríguez-Pantoja Márquez. Córdoba, 2014. P. 93–106.
- ⁵ Подробнее см.: La lengua y la literatura en tiempos de Alfonso X: Actas del Congreso Internacional, Murcia, 5–10.05.1984. Murcia, 1985; Emperor of Culture: Alfonso X the Learned of Castile and His Thirteenth-Century Renaissance / Ed. by I. Burns, S.J. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 1990; Alfonso X el Sabio y las crónicas de España / Al cuidado de I. Fernández Ordoñez. Valladolid: Universidad de Valladolid, 2000.
- ⁶ *Ауров О.В.* «Deuen leer las estorias...»: Истоки и развитие сословной идентичности кастильского рыцарства (XII – середина XIV вв.) // Социальная идентичность средневекового человека / Отв. ред. А.А. Сванидзе, П.Ю. Уваров. М., 2007. С. 120–127.
- ⁷ Подробнее см.: *Марецк А.В.* Дружба и доверие в испанском обществе XI–XIII вв.: неправовые регуляторы правового поля. М., 2011. С. 9–12; *Catalán D.* La Estoria de España de Alfonso X: Creación y evolución. Madrid, 1992; *Martin G.* Le pouvoir historiographique (l'historien, le roi, le royaume. Le tournant alphonsin) // Histoires de l'Espagne médiévale: Historiographie, geste, romancero. P., 1997. P. 123–136; *Idem.* Compilation (cinq procédures fondamentales) // Ibid. P. 107–121; *Idem.* Los intelectuales y la Corona: la obra histórica y literaria // Alfonso X y su época / Coord. por M. Rodríguez Llopis. Murcia, 2002. P. 259–285; Alfonso X el Sabio...; etc.
- ⁸ PCG. Prolog.: ...mandamus ayuntar quantos libros pudimos auer de istorias en que alguna cosa contassen de los fechos dEspanna, et tomamos *de la cronica dell Arçobispo don Rodrigo que fizo por mandado del rey don Ffernando nuestro padre, et de las Maestre Luchas, Obispo de Tuy* (здесь и далее курсив мой. – Е. М.)...
- ⁹ Подробнее об источниках Луки Туйского, а также об обстоятельствах создания его труда см.: *Jérez Cabrero E.* El Chronicon mundi de Lucas de Tuy (c. 1238): técnicas compositivas y motivaciones ideológicas: Tesis Doctoral. Madrid: Universidad Autónoma de Madrid, 2006.

- ¹⁰ См.: *Grego Gómez M.* La fuente árabe de la historia del Emirate omeya de al-Andalus en la *Historia arabum* de Jiménez de Rada // e-Spania. 2006. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://e-spania.revues.org/274>. Об источниках Родриго см. также: *Pick L.K.* What did Rodrigo Jiménez de Rada Know About Islam? // Anuario de historia de la iglesia. 2011. Vol. 20. P. 221–235.
- ¹¹ PCG. 478: Despues desto passo el a Espanna et fuesse pora Cordoua, et predigo y aquella su mala secta; et dizie les en su predicacion que Nuestro Sennor Ihesu Cristo que nasciera de uirgen por obra de Spiritu Sancto, mas que non fuesse el Dios. Quando esto sopo el buen padre sant Esidro, que llegara estonces de la corte de Roma, enuio luego sus omnes a Cordoua quel prisiessen e ge le leuassen; mas el diablo apparescio a Mahomat, et dixol que partiesse daquel logar; ell estonces saliosse de Cordoua et fuxo et passo allend mar...
- ¹² См.: PCG. 490, 500.
- ¹³ Luc. Tud. Chron. mundi. III.5: Vnde est ut in exordio sue subdole predicationis adiret Yspaniam et cordube sue perditionis sectam doceret. Dicebat enim Ihesum Christum Dominum de uirgine esse natum operatione Spiritus Sancti, non tamen esse Deum. Quod cum beatissimo patri Ysidoro nunciatum fuisset, qui tunc reuertebatur a Romana curia, confestim misit ministros, qui caparent eum. Sed diabolus Machometo aparuit et quam cicius fugeret imperauit.
- ¹⁴ *González Muñoz F.* La leyenda de Mahoma en Lucas de Tuy // Actas III Congreso Hispánico de Latín Medieval (León, 26–29 de septiembre de 2001). Vol. 1. León, 2002. P. 353–354. См. также: *Falque Rey E.* La vida de Mahoma en las fuentes cristianas medievales: Lucas de Tuy // Philologia Hispalensis. 2000. Vol. 14. Fasc. 2. P. 211–216.
- ¹⁵ Luc. Tud. Chron. mundi. III.5.
- ¹⁶ См.: PCG. 478.
- ¹⁷ См.: PCG. 478, 489.
- ¹⁸ См.: PCG. 472: ...Mahomat auiendo ya ocho annos de edad ...Este Abutalib diol a ensennar al judio estrellero de quien dixiemos ya. El iudio ensennol estonces en las sciencias naturales et en la ley de los cristianos et de los iudios, et daqui apriso Mahomat et tomo despues cosas que metio en aquella mala secta que compuso pora perdicion de las almas daquellos que la creen, por fazer creer a las yentes que era uerdadera aquella predigacion.
- ¹⁹ См.: Rod. Tól. Hist.arab. II.
- ²⁰ См.: Luc. Tud. Chron. mundi. III. 5.
- ²¹ См.: PCG. 477: Mahomat... comengo a seer mercador, ca era omne muy pobre et lazado, et yua muy amenudo con sus camellos a tierra de Egipto et de Palestina; et moraua alla con los judios et los cristianos que y auie una sazón dell anno, et mayormiente con un monge natural de Anthiochia, qua auie nombre Johan, que tiene el por su amigo et que era herege; e daquel monge malo aprendio el muchas cosas tan bien de la nueua ley como de la uieia pora deffender se contra los iudios et los cristianos quando con ellos departiesse, ca todo lo que aquel monge le demonstraue, todo era contra Dios et contra la ley, et todo a la manera de heregia.

- ²² См.: PCG. 487: Agora sabet aqui que entre todas aquellas malas et descomulgadas leys que Mahomat predigo et demonstro a los moros que fue secta de Nicolas de Antiochia, et fuera uno de los seyte diaconos disciplos de los apostolos; e esta secta fuera ya desfecha et destroyda por los sanctos apostolos; e este Mahomat torno la toda et cobro la segund ell estado en que Nicolas la touiera et la leuantara primeramiente (Cfr. Luc.Tud. Chron.mundi III.5).
- ²³ См.: *Иринея Лионский*. Против ересей. I.26.3.
- ²⁴ См.: PCG. 478, 493, 494.
- ²⁵ См.: PCG. 494: ...un su discipl que auie nombre Albimor quiso prouar si resuscitarie Mahomat de muert a uida a tercer dia como dixiera, ca ell auie dicho que despues que los diez annos fuessen complidos de su regnado que morrie, et desi que resuscitarie al tercer dia; e por ende aquel su disciplo destempro un uenino et diogelo a beuer muy encubiertamiente. Mahomat, assi como lo beuio, mudosse le luego a soora toda la color, e por que ell entendio que su muerte era ya llegada, dixo a aquellos moros que estauan e con el que por agua serien saluos et auien perdon de sus peccados. Assi como lo dixo, dio luego ell alma al diablo, et murio. E sus disciplos guardaron bien el cuerpo cuedando que resuscitarie al tercer dia, assi como les dixiera; mas pues que ellos uiron que non resuscitaua et que fedie ya muy mal, desampararonle e fueronse su uia. Desi a cabo de los onze dias pues que el muerto, uino Albimor, sus disciplo, ueer de como yazie, e segund cuenta don Lucas de Thuy, fallol tod el cuerpo comido de canes. Albimor cogio estonces todos los huessos del et soterrolos en Medina Rasul...
- ²⁶ См.: Luc.Tud. Chron.mundi. III. 5.
- ²⁷ Eulog. Cord. Liber apolog. Martyrum. 16. О Евлогии Кордовском см.: *Рыбина М.В.* Евлогий Кордовский: священнослужитель, интеллектуал и мученик // *Испанский альманах*. 2008. Вып. 1. С. 110–128.

Л.А. Жукова

СТАНОВЛЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТА СЕНТ-ЭНДРЮСА В XV – НАЧАЛЕ XVI в. И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ МОДЕЛИ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Статья посвящена исследованию особенностей административного устройства Сент-Эндрюсского университета на начальном этапе его развития (в XV – первой четверти XVI в.) и сравнению их с европейскими практиками позднего Средневековья. Сент-Эндрюсский университет, в соответствии с европейскими традициями, в своей организации следовал примеру старейшего университета – Парижского. Однако на протяжении первого века своего существования он был далек от принятого образца и испытывал огромные трудности в упорядочении своей внутренней жизни. При этом и в изначальных особенностях устройства, и в своих бедствиях он походил на большинство западноевропейских университетов позднего Средневековья.

Ключевые слова: университеты, Средневековье, средневековая Европа, средневековая Шотландия, Сент-Эндрюс, организация, заимствования.

В историографии средневековой университетской истории особенности университетов Шотландии рассмотрены сравнительно неполно и, кроме того, почти изолированно от общеевропейской истории¹. В связи с этим стоит не только исследовать организацию Сент-Эндрюсского университета, но и включить ее в европейский контекст. Основным источником, используемый в статье, это «акты» факультета «искусств» – записи решений факультетских собраний². Этот источник дает представление о реальных проблемах университетской организации и управления. Именно в этой области интересно провести сопоставление практик Сент-Эндрюсского университета и общеевропейских

практик. Использовать «акты» в качестве источника по истории всей организации, а не только факультета «искусств», позволяет особое положение последнего, обычное для многих университетов того времени.

Первый университет Шотландии, Сент-Эндрюсский университет, был основан в 1413 г. Он был создан для поддержки шотландской церкви и государственного аппарата, создания управленческих кадров. В связи с этим существовавшая на тот момент церковно-политическая ситуация и политическая обстановка – давний альянс и культурные связи Шотландии с Францией, конфронтация с Англией, события Великой схизмы – обусловила выбор его создателей: в качестве образца был принят университет Парижа. Эту ориентацию отражают «акты» факультета «семи свободных искусств», где упоминаются обычаи, заимствованные у французского университета³. Кроме того, первые канцлеры и ректоры университета для различных преобразований использовали примеры Кельнского и Левенского университетов. В источниках нет прямых упоминаний о них, однако в особенностях организации проявляются сходства, и, кроме того, многие должностные лица в Сент-Эндрюсе были выпускниками университетов этих городов⁴.

Конечно, молодой и сравнительно небольшой университет не мог в полной мере следовать парижской модели. В первые несколько десятилетий университетское сообщество было слабо структурировано. Оно состояло из магистров и «прикрепленных» к ним учеников, естественно собиравшихся в отдельные группы вокруг своих преподавателей и объединенных лишь общими университетскими привилегиями. Высшие должностные лица прилагали значительные усилия, утверждая и закрепляя формы и правила жизни сообщества. Официальные строения и специальное материальное обеспечение были даны университету лишь спустя полтора десятилетия после его основания.

Большинство профессоров и, соответственно, студентов, принадлежали к факультету «семи свободных искусств». Как и в Парижском университете середины XIII в. и во многих позднесредневековых университетах, этот факультет был наиболее развитой частью сообщества. Однако в шотландских университетах, несмотря на существование нескольких факультетов «на бумаге», полноценное образование можно было получить лишь по курсу «семи свободных искусств». В Сент-Эндрюсе старшие факультеты почти не оставили сведений о себе⁵, хотя они и упоминаются в грамотах об основании университета⁶. Возможно, в первые десятилетия своего существования университет даже фактически состоял из одного факультета⁷.

Монолитный «младший» факультет видел себя организацией, почти равной самому университету. Он самостоятельно принимал важнейшие решения, такие как изменение приверженности антипапе Бенедикту XIII в пользу папы Мартина V и отправка делегатов в столицу наравне с университетскими представителями. В своих действиях он опирался на значительную финансовую автономию. Его собрание издало запрет для университета пользоваться факультетской казной и при этом несколько раз самостоятельно выделяло средства ректору⁸. Пользуясь подобной независимостью, факультет даже дважды отказывался подчиняться постановлениям и статутам университета⁹. С другой стороны, в отличие от ситуации в Париже, он не мог выступать от лица всей корпорации и напрямую влиять на решения ректоров.

Об укреплении факультета «искусств» с самого начала заботились основатели университета, и, видимо, с этой целью была учреждена должность декана «младшего» факультета. Ректор уже не мог быть одновременно университетским и факультетским главой, как это было в Париже. Такое новшество, как пишет Э. Данлом, могло быть заимствовано у немецких университетов¹⁰. Ректор почти не принимал непосредственного участия в жизни факультета, хотя формальная иерархия университетских должностей была нерушима¹¹. Декан был ответственным за порядок и единство на факультете, решал вопросы выдачи ученых степеней, осуществлял некоторые функции, связанные с финансами факультета, председательствовал на собраниях магистров.

Власть декана, как и в большинстве европейских университетов, созданных по парижской модели, была ограничена собраниями факультета. В «актах» собрания нередко обозначаются как «факультет»: «факультет постановил следующее...», «факультет избрал...». Голос декана не имел перевеса при решении различных вопросов: «собрание решило и декан постановил следующее...», «декан заключил по размышлении [всего] факультета...»; «было заключено по предложению декана». Выступая в качестве председателя, декан также не мог созывать собрания самовольно¹².

Собрания состояли лишь из магистров. В соответствии с обычной европейской практикой в Сент-Эндрюсе деление факультета на «землячества» («nationes») должно было служить основой для участия магистров и студентов в выборах главы факультета «искусств». Кроме того, изначально предполагалось, что студенты будут принимать участие в заседаниях: постановление 1418 г. закрепило их право на участие в голосовании¹³. Однако упоминания о каком-либо участии студентов в управлении в «актах» не встреча-

ются, а «землячества» упоминаются лишь трижды, в 1556–1558 гг.¹⁴ Сходная ситуация, когда власть в университете все больше переходила к профессуре, была характерна для многих университетов позднего Средневековья, в том числе для Левенского.

Высшие должностные лица, так же как и декан, не могли свободно вмешиваться во внутреннюю жизнь факультета «искусств». Ректор редко упоминается в «актах». Он участвовал в наиболее значительных церемониях факультета¹⁵ и в особых случаях совместно с деканом проводил суд над нарушителями¹⁶. Канцлер, как представитель высшей церковной власти в университете, далекий от повседневности магистров и студентов, мог давать согласие на действия собраний, предлагать им различные решения или же просто присутствовать. В одном из «актов» записано, что он даже «испрашивает согласия факультета»¹⁷. Согласно записям начала XV и начала XVI в., обращение с жалобами к канцлеру расценивалось как «существенный ущерб привилегиям и свободам... факультета и университета»¹⁸.

В Парижском университете такой настрой «младшего» факультета приводил к масштабным конфликтам, в которые вовлекались король и папа. В Сент-Эндрюсе, несмотря на автономную позицию факультета, отношения между ним и университетом можно назвать партнерскими. Первые два канцлера, Г. Уордлоу и Дж. Кеннеди, оказывали факультету (и, таким образом, всему университету) всевозможное покровительство. Г. Уордлоу входил в комиссию по созданию жезла факультета; с его участием уточнялись правила избрания и полномочия декана; он даровал факультету первое строение для создания официального «единого педагогиума». Дж. Кеннеди активно занимался реформаторством в университете. По его предложению и с его участием продолжалось укрепление «единого педагогиума»; при нем был основан первый полноценный университетский колледж; установлены постоянные даты проведения собраний. После Кеннеди, с последней трети XV в., канцлеры отошли от внутренних дел сообщества – в «актах» они почти не фигурируют. Возможно, их деятельность сильно зависела от личной инициативы, особенно в первые десятилетия существования университета – время, когда штат университета был чрезвычайно мал, а его устройство расплывчато.

Особенности развития университета в целом, и факультета «искусств» в частности, отразились и на положении таких должностных лиц как казначей и педели (университетские служители). Стандартная модель, согласно которой университет и факультеты должны были пользоваться услугами отдельных педелей и казна-

чеев, на практике не воплощалась в полной мере. В 1457 г. между университетом и факультетом разгорелся конфликт по поводу услуг факультетского педеля¹⁹.

Казначей факультета и университета упоминаются в источниках как отдельные должности²⁰. Однако фонды, за которые они отвечали, не всегда были четко разграничены, несмотря на то что взносы магистров и студентов делили между собой университет и факультет. В 1566–1567 гг. было издано специальное постановление о разделении фондов, согласно которому многие годы они были «беспорядочно перемешаны»²¹.

На заре своего существования университету приходилось сталкиваться не только с проблемой разграничения полномочий должностных лиц, но и с вопросами организации совместной жизни и работы магистров и студентов.

Изначально студенты «искусств» естественным образом собирались в «дома», «холлы» и «педагогиумы» вокруг отдельных преподавателей «младшего» факультета. У них ученики могли также получить ночлег и стол. Плата за обучение отходила непосредственно магистру. Такое положение вещей было несовместимо с жесткой организацией. Кроме того, студенты, пытаясь «избежать палки», могли переходить от одного преподавателя к другому. Переходы вызывали конкуренцию между преподавателями, затрудняли контроль над студентами и определение их формального статуса. Судя по некоторым постановлениям, проживание в определенном месте было обязательным условием участия в жизни университета: «...никто, проживающий вне [холлов и “педагогиумов”], не может быть допущен в школы “педагогиумов”, за исключением “бедных” студентов и жителей этого города»; «университет не может препятствовать читающим [лекции] без согласия [факультета], ...вне зависимости от того, в “педагогиумах” или вне их школяры живут и столоуются»²². «Миграции» затронули большинство европейских университетов. В Париже они были запрещены в 1452 г.²³

В первые десятилетия собрания факультета регулярно издавали постановления по этому вопросу²⁴. В попытках ограничить переходы, укрепить внутреннее устройство университета и материально поддержать профессоров высшие должностные лица создавали «педагогиумы» («*paedagogium*», платные пансионы для младших студентов, обеспечивающие их всем необходимым для жизни и учебы и созданные для контроля за дисциплиной) и колледжи. Эти образования активно распространялись по всей Европе именно во времена позднего Средневековья, так что XIV–XV вв. названы в литературе временем «колледжского движения»²⁵.

В 1430 г. был основан «единый педагогиум», а также был введен запрет на создание новых «педагогиумов», «домов» и «холлов»²⁶. Для закрепления этой меры канцлер даровал факультету здание, которое со временем стало его «головным офисом». Однако запреты на создание подобных учреждений повторялись. Сам «педагогиум» при этом, видимо, за недостатком средств, постепенно разрушался. В грамоте архиепископа А. Стюарта 1512 г. о присоединении его к церкви Св. Михаила «для возведения колледжа» говорится о полном его упадке²⁷.

Более стойким образованием был колледж Св. Сальвадора, основанный в 1450 г. в рамках реформаторской политики епископа Дж. Кеннеди. Будучи выпускником Левена, канцлер воспользовался германским примером. В университетах Священной Римской империи колледжи являлись важнейшим средством материальной поддержки для студентов и магистров (в особенности представителей факультета «искусств»). В колледжах проходила большая часть лекций, и большинство университетских преподавателей являлись одновременно членами факультета «искусств» и колледжей. Точно так же и в Сент-Эндрюсском университете колледжи стали центром жизни сообщества.

Колледж Св. Сальвадора пользовался значительной самостоятельностью: допуск новых членов являлся прерогативой прево, а расходы обеспечивались за счет десятин, взимаемых с местных церквей²⁸. Связь с университетом проявлялась лишь в том, что он не обладал правом самостоятельно присуждать степени и проводить экзамены. Положение колледжа и амбиции его главы, Дж. Атильмера, стали причиной серьезных брожений во всем университетском сообществе в 1450–1470-е гг.²⁹ Атильмер осуществлял попытки установить автономную процедуру проведения экзаменов³⁰, члены колледжа нарушали университетский церемониал. Пиком конфликта стало их нападение на декана³¹. Однако уже после 1471 г. колледж прочно вошел в структуру факультета «искусств», по крайней мере формально³². Более поздние записи не фиксируют случаев крупных конфликтов.

Второй колледж, посвященный Св. Леонарду и основанный в 1512 г., по своему устройству был сходен с первым. Он также состоял из студентов и магистров, обеспечивал студентам подготовку и получал независимый от университета доход. При этом он не стремился отстаивать свою автономию, возможно, в связи с тем, что изначально его положение было неустойчивым. Например, представители этого колледжа не входили в число экзаменаторов вплоть до 1523 г., несмотря на то что один из регентов обращался к факультетскому собранию по этому вопросу³³. С середины 1520-х гг.,

согласно «актам», магистры колледжа принимали полноценное участие в университетских процедурах. Единственный конфликтный случай зафиксирован в 1521 г., когда студенты колледжа не выплатили положенную сумму в казну факультета³⁴.

Третий колледж, Св. Марии, основанный в 1537 г., находился уже в ином положении по отношению к университету. Он обладал правом присуждать ученые степени, а его регенты могли обучать всем дисциплинам. С другой стороны, вакантные должности колледжа замещались по воле глав университета, колледжа Св. Сальвадора, глав местных доминиканских и францисканских орденов³⁵.

После разрешения конфликта с первым колледжем, с последней четверти XV в. в истории университета наступил период стабильности. Учреждение новых структур, несмотря на все превратности, способствовало его развитию в целостную и устойчивую организацию. В ежегодных списках бакалавров обязательно выделялись студенты – члены двух колледжей и «педагогума». В 1478 г. собрание постановило: членам различных «мест» принимать участие в праздниках друг друга для установления хороших взаимоотношений³⁶. Факультет проводил единые экзамены и изредка сам рассматривал конфликтные ситуации между студентами и магистрами различных структур. При таких взаимоотношениях с факультетом колледжи пользовались относительной автономией. Они самостоятельно принимали новых членов и распоряжались своими доходами, в отличие, например, от парижских колледжей³⁷.

Можно заключить, что к середине XVI в. Сент-Эндрюсский университет обрел устойчивую структуру. Устройство университета с самого начала сильно отличалось от модели, следование которой должны были декларировать его создатели. Формальные отличия возникали, в первую очередь, вследствие того, что его главы использовали знакомый им опыт университетов Левена и Кельна. Среди наиболее заметных из таких заимствований – полное преобладание факультета «искусств» с собственным главой, специфическое («германское») устройство колледжей. И, конечно же, отличия имели место в силу скромного масштаба университета и неизбежных для раннего этапа проблем организации. К ним относятся студенческие переходы от одних преподавателей к другим, отсутствие четких границ в полномочиях должностных лиц, неучастие студентов в управлении, фактическое отсутствие института «землячеств», переход центра университетской жизни в колледжи. С другой стороны, эти же проблемы связывали Сент-Эндрюсский университет с другими университетами Европы и включали его в руло тенденций (пусть и не всегда положительных) университетского движения XV – начала XVI в.

- ¹ Краткие сведения о библиографии истории Сент-Эндрюсского университета приведены в издании: *Reid N.H.* Ever to excel: An Illustrated History of the University of St. Andrews. Dundee, 2012.
- ² *Acta Facultatis artium universitatis Sanctiandree. 1413–1588.* Edinburgh: Oliver & Boyd, 1964. cclxv.
- ³ *Ibid.* P. 3, 6–7, 10, 52, 309.
- ⁴ Среди них Адам Хепберн, декан факультета «искусств» в 1447, 1451–1452 гг. (*Dunlop A.I.* Introduction // *Acta Facultatis...* P. 69 n.); Джон Атильмер, декан факультета теологии и будущий прево колледжа Св. Сальвадора; Джон Атолиа, в 1453–1454 г. назначенный управлять объединенным «педагогиумом» (*Ibid.* P. 74 n.); епископ Джеймс Кеннеди, канцлер Сент-Эндрюсского университета (*Baxter J.H.* Scottish Students at Louvain University, 1425–1484 // *The Scottish Historical Review.* 1928. Vol. 25. № 100. P. 329).
- ⁵ См.: *Dunlop A.I.* *Op. cit.* P. XII.
- ⁶ См.: Appendix № I // Lyon C.J. *History of St. Andrews: Episcopal, monastic, academic and civil:* In 2 vols. Vol. 1. Edinburgh: William Tait, 1843. P. 224.
- ⁷ См.: *Hannay R.K.* Early university institutions at St. Andrews and Glasgow: A comparative study // *The Scottish historical review.* 1914. Vol. 11. № 43. P. 272.
- ⁸ См.: *Acta Facultatis...* P. 13, 26, 30, 44.
- ⁹ *Ibid.* P. 18, 121.
- ¹⁰ См.: *Dunlop A.I.* *Op. cit.* P. XIV.
- ¹¹ Запись о собрании 5 декабря 1508 г. отражает следующий случай. В этом году состоялся королевский визит в университет и проводилась торжественная рождественская служба. В «акте», составленном самим деканом, записано следующее: «господа решили, чтобы [ректор] сидел на первом месте, пока архиепископ Сент-Эндрюсский отсутствует в стране, и если бы [он] присутствовал, ректор мог бы занять второе место, соответственно древним обычаям университета. Но место в первый вечер Рождества Христова было занято магистром Эндрю Форманом, ...и магистром Яковом Битоном... которых я, декан, ...миролюбиво попросил, чтобы уступили первое место ректору, ...и после нескольких оскорбительных слов, против чести университета и ректора... произнесенных, настоял, чтобы не занимали место, под страхом [наказания за] клятвопреступление. Ректору тотчас уступили, и немедленно магистр Яков Битон ушел со своего места в вестибюль. ...Епископ Мюррей последовал за ним, и тотчас я позвал ректора на место...» (*Acta Facultatis...* P. 289–291).
- ¹² *Ibid.* P. 21.
- ¹³ *Ibid.* P. 13.
- ¹⁴ *Ibid.* P. 409, 412–413.
- ¹⁵ *Ibid.* P. 119.

- ¹⁶ В Кельне сотрудничество двух глав университета в таких ситуациях было нормой (*Ennen L. Geschichte der Stadt Köln: meist aus den Quellen des Kölner Stadt-Archivs. T. 3. Köln: Schwann'schen Verlagshandlung, 1896. P. 847*).
- ¹⁷ *Acta Facultatis...* P. 44.
- ¹⁸ *Ibid.* P. 333.
- ¹⁹ *Ibid.* P. 122. Ректор Дж. Атильмер претендовал на право пользоваться ими в любое время, факультет же отклонил его притязания. Атильмер, будучи выпускником Левенского университета, мог ориентироваться на его пример: в этом университете два педеля каждый день находились при персоне ректора. (*L'Université de Louvain, 1425–1975. Louvain-la-Neuve: Presses Universitaires de Louvain, 1976. P. 42.*)
- ²⁰ *Acta Facultatis...* P. 341.
- ²¹ *Ibid.* P. 426.
- ²² *Ibid.* P. 7, 18.
- ²³ См.: *A History of the University in Europe: In 4 vols. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 157; Rashdall H. The Universities of Europe in the Middle Ages: In 2 vols. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1895. P. 505.*
- ²⁴ См.: *Acta Facultatis...* P. 8–10, 34, 74.
- ²⁵ *Cobban A.B. The medieval Universities: their development and organization. L.: Methuen, 1975. P. 132.*
- ²⁶ См.: *Acta Facultatis...* P. 29.
- ²⁷ См.: *Appendix № IV // Lyon C.J. Op. cit. P. 254.* Между тем в качестве полноценной части факультета «педагогиум» фигурировал в «актах» вплоть до 1532 г. и представлял своих бакалавров наравне с колледжами.
- ²⁸ *Appendix № II // Ibid. P. 239.*
- ²⁹ Адам Синклер, открывший незаконный «педагогиум» в 1460 г., был протезе Атильмера (см.: *Dunlop A.I. Op. cit. P. XXVIII*). Примечательно, что в эти годы факультет «искусств» предпринимал активные меры для сохранения символов своей идентичности – казны, печати и жезла (*Acta Facultatis...* P. 117, 127).
- ³⁰ См.: *Dunlop A.I. Op. cit. P. XXIX.* В попытках добиться автономии Атильмер обратился за поддержкой к папскому престолу.
- ³¹ См.: *Acta Facultatis...* P. 172–174.
- ³² «Сверх того факультет постановил, что регенты не принимают богатых школяров к обучению, если они не ночуют в колледже и «педагогиуме» и [не] едят в нем, под страхом наказания клятвоступления по отношению к магистрам» (*Ibid. P. 182*).
- ³³ См.: *Acta Facultatis...* P. 328.
- ³⁴ *Ibid.* P. 336.
- ³⁵ См.: *Appendix № IV // Lyon C.J. Op. cit. P. 260–262.*
- ³⁶ *Acta Facultatis...* P. 202.
- ³⁷ См.: *Cobban A.B. Op. cit. P. 129, 132.*

Е.В. Балущкина

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ ВРАГА В РЕВОЛЮЦИОННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ О. КРОМВЕЛЯ И М. РОБЕСПЬЕРА

Статья посвящена компаративному анализу представлений о врагах революции двух ее вождей – О. Кромвеля и М. Робеспьера. Сравнение производится на материале речей, писем, публицистических произведений. В статье реконструируются две, разделенные более чем столетием, социальные картины революционного общества, в аспекте его деления на сторонников и противников революции, причем основное внимание уделяется трансформации, которая происходит с категорией врага. На основании проведенного в статье исследования делаются выводы о классификации «врагов» и о месте названной категории в общей концепции революционной власти.

Ключевые слова: О. Кромвель, М. Робеспьер, Англия, Франция, XVII в., XVIII в., революция, враг, политический словарь.

Оливер Кромвель и Максимилиан Робеспьер – признанные вожди Английской и Французской революций – в своих речах и письмах создали определенную концепцию революционной политической власти. Если сказать точнее, это две концепции, опирающиеся на своего рода «революционный словарь» – совокупность основных ценностей и вызовов революции, которые можно назвать категориями революционной политической власти. Эти категории, названные и определенным образом интерпретированные Кромвелем и Робеспьером, были адресованы группе революционного большинства. В то же время именно данная группа, ее политические, этические и социальные взгляды являлись источником этих категорий.

Одним из таких важных вопросов является вопрос врага. Мы не считаем эту категорию сугубо революционной. Она может

существовать в языке любой власти; но нельзя не заметить, что и в этом случае она говорит нам о некотором чрезвычайном характере если не самой власти, то исторической ситуации.

В революционном дискурсе категория врага приобретает особые черты и колоссальное значение. Революция, по определению, является торжествующим режимом, но при этом ни революционное большинство, ни вообще вся социальная база революции не может составлять все население государства. Кроме того, революция на общем политическом фоне других государств своего времени – явление экстраординарное, что делает страну, в которой революция произошла, не только объектом политического неприятия, но и обязательным объектом интервенции со стороны своих соседей. Таким образом, для революционного правительства и его вождей решение в той или иной форме вопроса о врагах совершенно необходимо, так как революционная власть – это та власть, которая должна беспрестанно защищать себя и призывать сторонников на свою защиту.

Мы сравним представления о врагах революции, которые встречаются в речах и письмах Кромвеля и Робеспьера, и попытаемся проследить за тем, как эволюционировала эта категория революционной политической власти от Английской революции XVII в. до Французской революции XVIII в.

Прежде чем начать детальный разбор категории врага, мы считаем необходимым продемонстрировать, как именно в «революционном словаре» Кромвеля и Робеспьера маркировалась группа сторонников революции, на которую они в своей власти опирались. Ведь определение антагониста, врага, так или иначе, отталкивается от представления о группе «друзей революции».

В своих речах и письмах Кромвель употребляет преимущественно три наименования такой группы – «добрые люди», «добрые англичане» и «добрые христиане». Эти определения весьма четко очерчивают круг, в котором оказываются англичане, разделяющие веру Кромвеля.

Примечателен тот факт, что словосочетание «добрые люди» приобрело широкое применение в Средние века в альбигойской среде, в своем роде «революционной» не только с религиозной, но и с политической точки зрения¹.

«Добрые люди» Кромвеля обозначают буквально то же самое, что и «добрые люди» катарских проповедников: это праведники, «святые», т. е. те, кто несет волю Всевышнего и кто предназначен к спасению. Однако время диктует свои условия, и в устах Кромвеля бывшие когда-то сугубо этическими, духовными категориями

словосочетания «добрые люди» или «добрые христиане» приобретают отчетливое политическое значение. Они переходят из средневековой лексики в революционный словарь Нового времени.

Робеспьер, хоть и изредка, тоже использует характеристику «добрый». Однако используемое им в этих случаях выражение «bons citoyens»² – «добрые граждане» – в словаре Робеспьера, скорее, тавтология. Плохих граждан для Робеспьера нет, ведь таковые были бы уже не достойны высокого звания «гражданина».

«Добрые люди» Кромвеля, кроме того, категория весьма архаичная. «Good men» – здесь, как и в русском переводе, мы видим в прилагательном два значения: «good» как совершенный, отвечающий нравственным требованиям к человеку и христианину, и «good» как принадлежащий к категории добра в дихотомии «Добро – Зло» («Good and Evil»). Используя такую лексику, оратор уже не нуждается в том, чтобы подыскивать термин для представителей антагонистической группы, так как антидобро – это по умолчанию зло.

«Патриот», «гражданин» – конечно, эти слова также окрашены в светлые тона, но им не хватает той самой архаичной чистоты и прозрачности. Именно поэтому рождаются специальные наименования: «враги Революции», «спекулянты», «подозрительные».

Общество «добрых людей», пуритан, как и идеальная община уже упомянутых альбигойцев, построены на жестких границах, отделяющих святых праведников от враждебного им несправедливого мира. В этом сила альбигойской церкви, в этом сила кальвинизма и именно в этом основная сила английского революционного пуританизма. Категория «добрые люди» по-средневековому замкнута, в нее нет возможности проникнуть извне. Во Франции за лояльность делу революции «гражданином» мог стать и иностранец, и даже аристократ. Франция знала гражданина Клоотса и гражданина Эро де Сешеля. В эпоху Английской революции «добрым человеком» не мог стать ни один католик, ни один кавалер и тем более ни один ирландец.

Примечательно, что при этом как Кромвель, так и Робеспьер имели тенденцию представлять, по возможности, весь свой народ в качестве своих сторонников. Так, для Кромвеля «англичане» – это английские протестанты, «добрые люди», а для Робеспьера «французы» – это французские патриоты, именуемые также «гражданами». И как в войне Кромвеля врагами оказываются в том числе и англичане, не разделяющие устремлений пуританской фракции Парламента, так у Робеспьера в категорию врагов попадают фран-

цузы, обозначенные им как «враги Конституции». Все эти категории можно обобщить заимствованным из речи Робеспьера понятием «внутренние враги». При этом надо помнить, что в словаре Кромвеля врагами («enemies») назывались только противники в военных действиях.

А что же с внутренними врагами? Неужели Кромвель не видел таковых? Отнюдь, он видел их не менее чем Робеспьер, но в отличие от последнего, создавшего в своих речах их развернутую классификацию, Кромвель не нуждался ни в чем подобном. Дело в том, что как человек, обязанный своим новым положением армии и считавший войну чем-то само собой разумеющимся, он просто не представлял себе более естественного способа борьбы с врагами, чем военная расправа. Таким образом, никакого политического террора как самостоятельного явления для него не существовало. Это не значит, что Кромвель не применял его против своих политических противников, но, как верно заметил К. Хилл в своей монографии «God's Englishman», он редко вступал в открытую личную конфронтацию с ними на общественно-политической арене, мог совершенно свободно полемизировать с людьми иных взглядов, дискутировать, скажем, с Джорджем Фоксом или Джоном Роджерсом³.

Кромвель в своих речах и письмах, за редкими исключениями, не различает одной категории своих врагов от другой. В протоколе допроса Кромвелем офицера собственной армии Ладлоу, обвиненного в распространении литературы мятежного характера, мы встречаем такой диалог:

Ладлоу: Несложно сказать, чего бы мы хотели... Того, за что мы сражались – чтобы нация управлялась правительством по ее собственному согласию.

Кромвель: Я также за правительство по согласию, как любой другой человек. Но где искать это согласие? Среди партии прелатов, пресвитериан, индепендентов, анабаптистов или левеллеров?⁴

Из этого текста и других, менее развернутых, но подобных замечаний, встречающихся в известных нам словах Кромвеля, мы можем сделать вывод о том, что ему было свойственно смешивать религиозное и политическое на средневековый манер. На этом, однако, параллели не заканчиваются. Слова Кромвеля подтверждают, что он не видел большой разницы также между политическими противниками и противниками в межнациональном военном конфликте, что также является представлением, свойствен-

ным Средним веком: «Я предпочту быть побежденным властью Кавалеров, чем властью шотландцев, и предпочту шотландское влияние ирландскому; и я думаю, что из всего это последнее – самое опасное»⁵.

Таким образом, враги Кромвеля могут быть населением другого государства, иноверцами или политическими противниками. Во всех случаях их сопротивление подавляется при участии армии. Есть у этих врагов Кромвеля еще одна общая черта – они мятежники против воли Всевышнего, и их конец предрешен. Кромвель пишет в Совет армии:

Вам известно, как радуется Бог тому, что вы раздавили всех ваших врагов, как в этом королевстве, так и в королевстве Шотландии, и что вы, в простоте своего сердца, оказали сопротивление этим врагам на честных и религиозных основаниях, как того должно требовать от себя честным и религиозным мужам... Ибо сам Бог сделал эту работу без нас, и если кто недоволен Его инструментами, то их гнев направлен на Господа, а не на них⁶.

Здесь все же политический аспект врагов смешан с национальным. Но есть немало примеров и чисто политического контекста. Приведем один из наиболее ярких. В письме от 25 мая 1649 г. Кромвель пишет «о действиях армии против этих названных левеллеров, и об их подавлении, и как их план, по воле Божьего провидения, остановлен и не будет продвигаться далее в королевстве, что в противном случае могло бы стать чрезвычайно опасным и разрушительным для всей нации»⁷.

Таким образом, мы видим картину, когда враги, как и война против них представляется чем-то обыденным, порожденным разными причинами и источниками, их природа не занимает Кромвеля, их объединение происходит только в точке их столкновения с его интересами и, что ни в коем случае не является парадоксом, с волей Бога.

Теперь обратим свой взгляд на представления Робеспьера о своих врагах. Как он называет их? «Враги революции», «враги республики», «враги свободы». В своих речах Робеспьер сам создает четкую систему классификации этих «врагов». Во-первых, враги, как и война (в противоположность представлению Кромвеля) не есть нечто естественное в политической жизни общества. Война, как мы видели выше – лишь крайняя мера, враги, как мы сейчас продемонстрируем, – это девиация. Стоя на такой позиции, Робеспьер не может позволить себе усматривать различные причины существования

врагов революции, ибо если есть более, чем одна причина – то это уже не может считаться исключением:

Я говорил об иностранных дворах. Вот настоящие виновники наших бед и наших внутренних раздоров. У них есть два рода армий – одна находится на наших границах, обессиленная, почти разрушающаяся; другая, более опасная, находится среди нас: это армия подкупленных шпионов, мошенников, которые проникают всюду, даже в народные общества⁸.

Робеспьер видит, что внутренних врагов гораздо больше, чем может быть подкупленных мошенников, но от своей позиции не отступает. В противном случае ему придется признать, что народ либо полон изменников, либо не единодушен в преданности революции. Происходит расширение категории внутренних врагов. Ноябрь 1793 г., Общество друзей свободы и равенства:

Два рода людей особенно стараются служить нашим врагам и погубить республику. Это, с одной стороны, слабые, заблуждающиеся патриоты, являющиеся лишь эхом мошенников. С другой стороны, это эмиссары наших врагов, скрывающиеся среди нас⁹.

На рубеже 1793–1794 гг., на фоне разворачивающейся схватки дантонистов и эбертистов между собой и одновременно их борьбы с якобинским центром, особенно ярко проявляется работа такой связки на практике. Сначала Робеспьер пытается представить и Дантона, и Эбера заблуждающимися патриотами, чтобы не растревожить ситуацию и не обозлить многочисленных сторонников одного и другого. Затем, наблюдая, как ширится число этих сторонников и как все более смело и откровенно они выступают, он вынужден переместить их в ряды подкупленных зарубежными дворами изменников. И не только лично их, но и их последователей:

Иностранные государства подкупают среди нас клику умеренных и клику изменников, которые под маской чрезмерного патриотизма хотели истребить патриотов. Иностранным государствам безразлично, какая из этих двух клик победит¹⁰.

Справедливости ради надо сказать, что такой взгляд не всегда был свойственен Робеспьеру, это как раз тот редкий случай, когда мы довольно явственно видим разницу между его представлениями до того, как он обрел полноту власти, и после этого. В одной из своих речей, произнесенной до июльского кризиса и, следовательно,

но, до восстания 10 августа, Робеспьер указывает на внутреннее происхождение врагов Франции:

Коварный двор, коалиция наглых патрициев, которые, будучи ранее законодателями, сохранили для себя, вопреки Декларации прав, военные посты, необходимые им для того, чтобы предать нас и заковать в цепи, административные органы и суды, заполненные интриганами, подкупленными золотом гражданского листа или надеждой на несменяемость, нечистоплотное сборище различного рода негодяев, у которых на устах конституция, а в сердце – деспотизм и убийство, – вот кто враги Отечества, и бороться с ними нужно в Париже¹¹.

Впрочем, и «двор» и заискивающие перед ним «негодяи» вполне органично смыкались в сознании Робеспьера с точно такими же иностранными дворами. А вот идея о том, что настоящая борьба с врагами республики идет в самой республике, а отнюдь не на ее границах в сражениях против иностранных армий, остается для Робеспьера неизменной на протяжении всей его политической деятельности.

После июльского кризиса Робеспьер призывает с трибуны к суду над врагами республики – тем самым двором, генералами, министрами и т. д. Он настаивает на законном, в его понимании, ведении борьбы с ними:

Зачем прибегать к чрезвычайным мерам, даже если они и допускаются интересами общественного блага, чтобы добиться наказания заговорческого двора и генералов – мятежников и предателей... исполнения всех законов, защищающих общественную и индивидуальную свободу... Сражайтесь с нашими общими врагами лишь оружием законов¹².

Однако, несмотря на то что Робеспьер, в отличие от Марата, или позже – Эбера, всегда стремился подчеркнуть законность расправы над врагами революции, эта расправа имела немного общего с правосудием. В своей борьбе с внутренними врагами Робеспьер в конце концов положился на машину террора. Что такое террор, каковы его основания, каковы его задачи – на все эти вопросы Робеспьер прямо отвечает сам в одной из своих, возможно, самых известных речей. 5 февраля 1794 г. Конвент:

Если движущей силой народного правительства в мирный период должна быть добродетель, то движущей силой народного правительства в революционный период должны быть одновременно добродетель и террор: добродетель, без которой террор губителен, и террор, без которого добродетель бессильна¹³.

И здесь же Робеспьер дает определение террора: «Террор – это не что иное, как быстрая, строгая, непреклонная справедливость»¹⁴.

Как и Кромвель, Робеспьер полностью включал себя в группу антагонистов. Но как различились картины мира первого и второго в области классической дихотомии: «наши и враги»? На наш взгляд, таковое различие проливает свет на изменения, произошедшие с самим феноменом революции за период времени, разделяющий наших героев.

Категория врагов в революционные времена приобретает четкость и значимость, не меньшую, чем во времена войн. Это не абстрактное рассуждение, не вопрос разнящихся интересов или политических устремлений тех или иных групп. Это установление демаркационной линии, за которой лежат идеи и люди, уничтожение которых – одна из основных задач, которую ставят перед собой вожди революции во имя ее торжества.

Враги – это категория, которую нельзя игнорировать при аналитическом исследовании революционных процессов. Она является неотъемлемой частью революционного дискурса, более того, она необходима вождю, чтобы осуществлять саму революцию, и чтобы поддерживать свою власть. Кроме того, важность этого аспекта подкрепляется тем, что вопрос врагов – это та точка, где соединяются внутренняя и внешняя политика революционного правительства.

В целом враги революции и революционного правительства соответственно (т.к. вождь революции, раз он действительно является таковым, не разделяет этих понятий), по нашим наблюдениям, представляют собой в обоих рассмотренных случаях три группы:

1) сторонники прежней власти, сверженной революцией, или представители сословий, могущество которых базировалось на этой власти (кавалеры, роялисты, аристократы);

2) политические оппоненты-революционеры и их сторонники (левеллеры, диггеры, жирондисты и т. д.), иными словами все те, кто, являясь сторонником революционных преобразований в обществе, видит их иначе;

3) внешние враги и их «представители».

Прежде чем подвести итоги в части соотношения этих трех групп врагов в двух революциях и их взаимосвязи между собой, мы остановимся чуть подробнее на третьей категории, единственной претерпевшей серьезные изменения от Английской революции к Французской, оставаясь в то же время вполне идентифицируемой.

Основной внешний враг Кромвеля – католический Рим и особенно его глава – Папа. Вне всяких сомнений, основным мотивом для Кромвеля здесь был мотив религиозный, но нельзя сбрасывать

со счетов и политический аспект включения Папы в категорию «врагов». Глава католической церкви в международной политике XVII в. – все еще одна из основных фигур, он не просто ведет свою политику, но и властен над курсом многих государств, и ему не составляет труда организовать крупномасштабную войну против Англии. Кроме того, по объяснимым причинам, Папа – тот человек, вокруг которого группируются наиболее консервативные элементы, а значит, именно от него будет исходить наибольшая нетерпимость в отношении революционных преобразований где-либо, и в особенности таких, где был обезглавлен король, симпатизировавший католической церкви. Что касается «представителей» Римского престола – это те самые ненавистные Кромвелю «паписты», эмиссары Рима при иностранных дворах, католические народы (в первую очередь, наиболее близкие Англии исторически и географически) и, наконец, англичане-католики.

Основной внешний враг Робеспьера – иностранные тираны, их министры и дворы, организующие и оплачивающие интервенцию против Республики, а также работающие по их приказам на территории Франции эмиссары и изменники, купленные на их деньги.

Как можно заметить, с поправкой на перемещение этой группы из полурелигиозной-полуполитической плоскости в сугубо политическую образ внешнего врага остался практически незатронутым изменениями. Прежними остались даже различные подгруппы, ранжированные по мере своей удаленности от «вражеского логова». Сохранился и мотив подкупа, или финансовой зависимости врагов более низкого ранга от таковых рангом выше, своего рода порочная схема связи тех, кто объединился против революции.

Однако нельзя не заметить, что именно этот, последний мотив получил наибольшее развитие от Английской революции к Французской. И именно на нем, на наш взгляд, основывается главное смещение, произошедшее в области взаимосвязи всех трех групп врагов и общей картины этой категории революционной политической власти. В представлении Робеспьера, что прослеживается во всех его речах, посвященных данному вопросу, все три группы врагов были теснейшим образом связаны между собой – фактически, на них всех распространились условия, обозначенные нами выше для группы внешних врагов; и роялисты (в особенности, мятежные вандейцы и им подобные), и политические оппоненты Робеспьера в революции (в разное время: фейяны, жирондисты, дантонисты и т. д.), и эмиссары иностранных дворов – все эти ветви сходились к одному корню зла: тиранам иностранных государств, заинтересованным в падении Республики любой це-

ной. Именно они, по словам Робеспьера, из «кабинетов Лондона и Вены» снабдили финансовой поддержкой и Лафайета, и вождей Вандейского восстания, и Эбера. Чтобы сохранить видимость абсолютно солидарного, лояльного к революции и своему правительству большинства – народа Франции, Робеспьер до самого конца продолжал уверять своих слушателей в единстве и полной централизации врагов Республики.

Кромвель, очевидно, не нуждался в такой конструкции, и его картина врагов революции отнюдь не стремилась к тому, чтобы продемонстрировать все группы этих врагов в нерушимой связи между собой. И если определенная религиозно-политическая связь тяготевшего к католицизму короля Карла I и Папского престола проскальзывает в речах Кромвеля, то ему совершенно точно чужда попытка узреть связь между папистами и левеллерами. Мы уже приводили цитату, из которой понятно, что Кромвель видел представителями различных «партий» левеллеров, пресвитериан и индепендентов¹⁵.

Это системное различие, задающее магистральное направление развитию концепции революционной власти для последующих исторических революций¹⁶, все же не отменяет того сходства, которое существовало в данном аспекте представлений у Кромвеля и Робеспьера.

Речь идет об упомянутой выше связи внутренних и внешних дел в революционной политике. В Англии XVII в. для Кромвеля и его сторонников была очевидна связь между главным внутренним врагом – королем и главным внешним врагом – Папой. Ту же самую связку мы видим и в словах Робеспьера (и они, как известно, были отражением представления большинства). Король Людовик XVI – тиран. Сродни ему тираны других государств, и они заинтересованы в свержении революционной власти и восстановлении на троне своего собрата.

В первом случае связь короля и внешнего врага – религиозная, во втором случае – политическая. Здесь еще раз заявляет о себе секуляризация, окончательное смещение концепции революционной власти из религиозной плоскости в политическую.

Примечания

¹ «Катарская церковь состоит из двух типов людей. Одна часть – это простые верующие, которые надеются на освобождение своей души, но живут в ожидании этого почти так же, как все, за исключением того, что они воздерживаются от участия в любой католической службе; другая часть – это пастыри, которых

инквизиция называет “совершенными”, хотя сами они себя так не величали, они именуются просто “добрыми людьми”, или еще “старцами”» (*Мадоль Ж.* Альбигойская драма и судьбы Франции. СПб., 2000. С. 97).

- ² См., например: *Robespierre M.* Œuvres complètes: En 10 vols. Vol. 8. P., 1954. P. 47.
- ³ См.: *Hill Ch.* God's Englishman: Oliver Cromwell and the English Revolution. L., 1970. P. 213.
- ⁴ *Cromwell O.* The Writings and Speeches of Oliver Cromwell: En 4 vols / With introd. by W.C. Abbot. Vol. 4. Cambridge, 1947. P. 221. Здесь и далее перевод с англ. и фр. Е.В. Балускиной.
- ⁵ Ibid. Vol. 2. Cambridge, 1939. P. 38.
- ⁶ Ibid. P. 37.
- ⁷ Ibid. P. 74.
- ⁸ *Robespierre M.* Op. cit. Vol. 10. P., 1967. P. 198.
- ⁹ Ibid. P. 162.
- ¹⁰ Ibid. P. 411.
- ¹¹ Ibid. Vol. 4. P., 1939. P. 307–308.
- ¹² Ibid. P. 297.
- ¹³ Ibid. Vol. 10. P. 357.
- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ См.: *Cromwell O.* The Writings and Speeches... Vol. 4. P. 221.
- ¹⁶ Ср. с подобными идеями вождей социалистических революций, где как сторонники революции, так и ее враги воспринимались как целиком однородные группы, но уже в мировом масштабе. Таким образом, можно сделать вывод, что революция как исторический феномен стремится: 1) к полной однородности, недискретности сторонников революции, 2) к созданию представления о едином блоке врагов революции, 3) к поляризации этих двух групп, полному вытеснению из своей картины политической жизни любого третьего элемента.

КОЛОНИАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ФОКУСЕ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПРЕССЫ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ (1888–1890 гг.)

В статье на основе публикаций в периодической печати Германской империи конца XIX в. рассматривается структура изложения новостей из германских колоний. Эти территории, приобретенные империей в конце 1880-х гг., постепенно становились все более важным аспектом внешней и внутренней политики, что все чаще выводило их на страницы газет. Оценка их важности для государства консервативным крылом германской прессы менялась в зависимости от конъюнктурных особенностей и редакционной политики, а также под влиянием интереса публики к колониям.

Ключевые слова: Германская империя, колониальная политика, периодическая печать, конец XIX в.

Жизнь современного социума протекает во многих измерениях – географическом, политическом, экономическом, культурном, каждое из которых обладает собственной «размерностью», рамками и элементами. Существует еще одно измерение, связывающее все прочие, – это информационная сфера, в рамках которой происходит обмен данными. Это один из основных катализаторов изменений в жизни общества. Сегодня количество видов СМИ чрезвычайно велико, однако на протяжении долгого времени основным способом распространения новостей были бумажные носители, а самым массовым средством их трансляции была периодическая печать.

В рамках отдельного государства можно выделить систему из трех «действующих лиц», одновременно участвующих в процессе создания и «потребляющих» новости. Это институт прессы, ее аудитория и государственные структуры. Они практически в равной степени влияют на характер циркуляции новостей в системе. Поскольку каждый из трех акторов не однослочен, а состоит из мно-

гочисленных элементов, число которых произвольно и зависит от способа описания, они подвержены изменениям как «изнутри», так и «извне», т. е. без влияния или же под влиянием информационного обмена. Описав эту систему с помощью релевантных для ее участников классификации и терминов, можно выявить, по крайней мере, один из алгоритмов ее функционирования.

В XX в. были предложены социологические концепции, позволяющие вскрыть такого рода алгоритмы. Одной из них является теория социального пространства, сформулированная французским социологом П. Бурдьё¹. Сфера информационного обмена в вышеописанной системе взаимосвязей социума, прессы и государства может быть представлена как одно из полей общего социального пространства и описана как самостоятельный феномен.

Данная статья посвящена одному тематическому сегменту поля прессы, колониальному дискурсу, нашедшему отражение на страницах консервативной печати Германской империи конца XIX в. Акцент на структуру изложения новостей из колоний позволяет выявить как особенности каждого из отобранных на роль источников изданий, так и общие черты, характерные для консервативного крыла периодической печати. В качестве источников выступают газеты «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» (далее – «НАЦ») и «Germania. Zeitung für das deutsche Volk» (далее – «Германия»).

Первый выпуск «НАЦ» вышел в 1861 г., и к концу 1880-х гг. газета была крупным изданием, тесно связанным с правительственными кругами, за что оппоненты называли ее «рупором Бисмарка». Пост главного редактора с середины 1870-х гг. занимал Э. Пиндтер. За время его работы «НАЦ» стала важнейшим источником новостей, сообщений и публикаций законодательных актов. Другие крупные региональные газеты («Frankfurter Zeitung», «Hamburger Nachrichten») вели активную полемику с «НАЦ». Подобные кампании против «НАЦ» увенчались успехом: если ранее тиражи достигали 10 000 экземпляров, в 1880-е гг. они уменьшились практически вдвое.

Основание «Германии» совпало с образованием фракции «Центра» в палате депутатов прусского ландтага (декабрь 1870 г.) и в рейхстаге (весна 1871 г.). Большую часть материалов газеты составляли новости и отчеты о дебатах в рейхстаге, о борьбе за влияние между парламентскими фракциями, важнейшие события из других стран. С 1881 г. редакторами «Германии» были Ф. Нинкемпер и Т. Шталь. Средние тиражи газеты в 1880-х гг. составляли 8000 экземпляров.

Обе газеты были ежедневными политическими изданиями, принадлежавшими к консервативному лагерю. Их тиражи были невелики, и оба издания стремились увеличить число своих подписчиков. Это выражалось в разнородности печатавшихся сообщений (от стенограмм парламентских прений до фельетонов и анекдотов). «НАЦ» была «всеобщей» и ориентированной на внутренние события, а «Германия» значительное место отводила для блока международных новостей.

В конце 1880-х гг. Германская империя владела колониями в Африке (Германская Юго-Западная Африка, Того, Камерун, Германская Восточная Африка, Виту [по Гельголанд-Занзибарскому договору с Англией в 1890 г. эта колония была обменена на остров Гельголанд в Северном море]) и в Тихом океане (Германская Новая Гвинея и Архипелаг Бисмарка). С конца 1870-х гг. появилось множество различных колониальных обществ (самым крупным из них было Немецкое колониальное общество – *Deutsche Kolonialgesellschaft*), которые при поддержке казны финансировали коммерческие предприятия в колониях и исследовательские экспедиции в удаленные районы Африки.

«НАЦ» и «Германия» регулярно публиковали материалы о колониях. Содержание этих статей можно разделить на семь основных тематических групп:

- официальная хроника (обсуждение законодательных проектов, публикации законов, назначения на административные должности);
- военная хроника (вооруженные конфликты, отправка войск в колонии, кадровые перестановки в армии);
- экономика (деятельность различных колониальных союзов и обществ, компаний);
- миссии (религиозные и светские);
- экспедиции (научно-исследовательские, любительские);
- культура (приобретение музеями коллекций предметов быта аборигенов немецких колоний, описания нравов этих народов, их «визиты» в Германию);
- персоналии (религиозные деятели, офицеры, исследователи и путешественники).

Сообщения о немецких колониях помещались в «НАЦ» в 12 рубриках, иногда – вне какой-либо рубрики. В результате сопоставления указанных выше тем и рубрик удалось выявить некоторые закономерности. Все, что относилось к законодательству и деятельности государственных учреждений носило политический характер и помещалось вне рубрик, среди ежедневных новостей на

первых страницах. В основном это были объемные выдержки из законодательных актов². Военная хроника также часто попадала на страницы «НАЦ», как и новости о миссиях в колониях. Больше всего новостей по военной теме приходится на долю рубрики «Телеграфная корреспонденция». Развернутые военные известия редакция размещала в других рубриках газеты, например «Колониальное», или в новостном блоке³.

Лидером по количеству упоминаний и занимаемому объему является экономическая тема. Статьи этой тематики в основном распределены по двум колонкам – «Колониальное» и новости. Они носили описательный характер и не содержали оценок. Материалы, помещавшиеся в рубрике «Обзор прессы», не столь многочисленны, но в этом случае статьи содержат элементы аналитики.

Экспедиции оказывались в центре внимания несколько реже. В рубрике «Колониальное» помещались довольно подробные отчеты о ходе экспедиций, о периоде подготовки и биографиях участников. Здесь часто встречаются разнообразные географические названия, призванные максимально локализовать новость и дополнить «ментальную карту» колоний для читателей. В новостях об экспедициях говорили иначе – коротко.

Большая доля сообщений о культуре приходится на рубрику «Из Берлина», где писали о музейных событиях, о лекциях и докладах известных путешественников о нравах и быте различных племен. В рубрике «Колониальное» такого рода новости – письменные отчеты компаний о территории их деятельности⁴.

«НАЦ» не оставляла без внимания известных колониальных активистов, публикуя сведения об их местонахождении, деятельности и состоянии здоровья. Так, о лейтенанте Таппенбеке (Тарпенбек) в рассматриваемый период «НАЦ» напечатала 7 статей. Примечательно, что в выборке за 1888 г. сообщения об экспедиции, участником которой был лейтенант Таппенбек, не встречались, только после его смерти появились публикации о нем, в которых газета выражала свои соболезнования и сожалела об утрате выдающегося исследователя.

В рубрике «Из Берлина» персональные сообщения приобретают характер светской хроники, жителей столицы оповещают о визите яркой личности, окутанной к тому же романтическим флером.

Специализированная рубрика «Колониальное», регулярно появлявшаяся на третьей странице, включает разнородные сообщения, но все они относятся к одобренной правительством линии колониальной политики. Все сообщения об экспедиции, отправленной на помощь Эмину Паше⁵, организация которой на первых этапах вы-

звала недовольство представителей иностранного ведомства, появлялись в рубрике «Разное», и, кроме того, ей были посвящены редакторские статьи на первой странице. По поводу этой экспедиции газета вела полемику с другими изданиями, выступая в защиту позиции правительства. Это первый случай за исследуемый период, когда колониальная тема обсуждается на первой странице, а редакция высказывает свою точку зрения. Ранее практически все материалы, касавшиеся колоний, печатались со ссылкой на другие издания. «НАЦ» либо полностью дублировала их, либо давала собственный текст с цитатами из иных изданий. В случае с экспедицией по спасению Эмина Паши редакция напрямую высказывает свое мнение. Во-первых, она фактически признает свою роль «рупора» Бисмарка: «Нам, возможно, возразят, что мы выражаем не собственное мнение, а мнение правительства. Если бы это было и так, мы бы ответили, что даже министр может свободно выражать свои взгляды в прессе»⁶.

Этим подтверждается ее репутация «официозной» газеты. Во-вторых, именно «НАЦ» пишет о колониальных целях Германии: «Мы же считаем первым долгом концентрацию административных и экономических усилий в целях завоевания и защиты, а затем сохранения и мелиорации наших владений и протекторатов»⁷.

Согласно «НАЦ», первый этап экономического и политического освоения территорий еще не пройден, а все описываемые в газете колониальные события являются подготовкой для обеспечения блестящего будущего колоний. А тот факт, что на страницах газеты нашлось место для колоний, свидетельствует о заинтересованности ее аудитории в актуальной информации на эту тему.

Заслуживает внимания рубрика «Литературное», где помещались небольшие аннотации вышедших недавно книг. По большей части это исторические, художественные и узкоспециализированные сочинения. И среди них встречаются (1 сообщение в 1888 г. и 7 – в 1889 г.) труды по истории германских колониальных владений. Они носили ознакомительный характер, сопровождалась иллюстрациями и картами, их объем был небольшим. Кроме этой колониальной литературы существовало немало периодических изданий, которые цитировала «НАЦ»: «Deutsche Kolonialzeitung», «Mitteilungen aus den deutschen Schutzgebieten», «Afrika-Post», издания колониальных компаний и обществ. Несмотря на то что тираж был невелик, их существование подтверждает тезис о заинтересованности общества в разнородной информации из колоний.

«НАЦ» освещала колониальные события достаточно полно и регулярно. Колониальная тема была далеко не приоритетной среди прочих – внутренняя политика была на первом месте, зани-

мая больше половины объема издания. Но колониальные новости практически постоянно присутствовали в выпусках, со временем требуя все больше места: в 1888 г. в газете появилось 96 сообщений о колониях, тогда как в 1889 и 1890 гг. их число выросло до 159 и 170 соответственно.

Количество рубрик в другой газете, «Германия», было значительно меньшим, нежели в «НАЦ», а их специализация – гораздо шире. В «Германии» не было отдельной рубрики для информации о колониях, материал распределялся среди прочих колонок. Наибольшая часть сообщений была помещена в рубрику «Германская империя». В ней печатались новости политического характера. Кроме того, официальная хроника, наряду с хроникой военной, появлялась в рубриках «Зарубежье», «Телеграфные депеши от бюро Вольфа» и в отдельных аналитических статьях, не включенных в рубрики.

Практически все материалы, касавшиеся экономики колоний, попадали в рубрику «Германская империя», за редким исключением: в одном случае это сообщение о споре за право разработки золотых запасов в Юго-Западной Африке⁸, которое попало в новостной блок, в другом – заметка о договоре между Германским Восточно-африканским обществом и султаном Занзибара об аренде на 50 лет участка побережья, помещенная в подрубрику «Африка» колонки «Зарубежье»⁹. Второе сообщение было отнесено редакторами к иностранным новостям, поскольку речь в нем идет о частной компании, которая действует самостоятельно и заключает соглашения с (пусть и номинально) самостоятельным государством, каким являлся Занзибарский султанат.

Об экспедициях «Германия» писала чаще всего – эта тема лидирует по количеству упоминаний. В данном случае речь идет не только о походах внутри германских территорий, снаряженных для достижения военных или экономических целей. Регулярней всего газета писала об Эмине Паше, слухах о его местоположении и экспедициях по его спасению¹⁰. К ним можно причислить и экспедицию англичанина Стенли, отправившегося годом ранее с западного побережья Африки на помощь к Эмину Паше и пропавшего в 1888 г. О Стенли «Германия» писала реже, но его причастность к этому международному политическому делу сделала его героем газетных публикаций¹¹. Имя Эмина Паши появлялось в рубриках «Зарубежье», «Германская империя» и «Телеграфные депеши» в зависимости от контекста: слухи о нем помещались среди иностранных новостей, поскольку он находился на службе другого государства, а информация об административных, кадровых и финансовых проблемах и их преодолении в ходе снаряжения «экспедиции Эмина

Паши» – в колонке «Германская империя», по причине того, что ее организатором был Германский колониальный союз.

На фоне этих многочисленных сообщений (17 посвящено Эмин Паше, 3 – Стенли) количество новостей о собственно германских экспедициях – исследовательских, торговых – выглядит незначительным, их всего четыре. Отчасти это объясняется характером выборки, но повышенный интерес газеты к Эмину Паше очевиден.

Миссии, что ожидаемо для католической газеты, стали второй по количеству упоминаний темой колониальных статей «Германии». Однако контекст расставляет акценты неожиданным образом. Статьи рассказывают не о деятельности католических миссионеров в Африке, таких сообщений, периодически появлявшихся на страницах «НАЦ», в «Германии» нет вовсе. Практически все статьи освещают деятельность кардинала Лавижери (Lavigerie), направленную на искоренение работорговли в Африке¹². Они встречаются в рубриках «Зарубежье», «Германская империя» и в подробных отчетах о ходе 35-го Общего собрания католиков Германии, где в том числе обсуждалась необходимость поддержки кардинала всей католической общиной Германии и выносились предложения о конкретных действиях¹³.

Колониальная культура и персональная хроника практически не представлены в «Германии». В первом случае было встречено всего два сообщения, которые можно отнести к этой теме: одно о том, что некий Кинг Бэлл (King Bell) заказал гамбургскому мастеру карету, которая на момент выхода номера должна была отправиться на корабле к своему владельцу¹⁴, второе – о прибытии в Берлин 30 негров с Западного побережья Африки¹⁵. Эти заметки были помещены в «Разное» и «Местные новости» соответственно, рубрики второстепенные по отношению к упоминавшимся выше (они появлялись не в каждом номере) и объединявшие разнородный материал.

Об отдельных личностях в 1888 г. «Германия» опубликовала четыре статьи. Среди них есть небольшое сообщение о лейтенанте Таппенбеке¹⁶ и практически идентичное заметке «НАЦ» сообщение о переносе останков Г. Нахтигала в Камерун¹⁷. Два других кратко повествуют о состоянии здоровья султана Занзибара¹⁸ (даже не упоминая его имени) и освобождении и возвращении на родину бывшего короля Самоа Малиэтоа (Malietoa)¹⁹.

Характер распределения материала о колониях по рубрикам в «НАЦ» и «Германии» говорит том, что во втором издании колонка «Германская империя» объединяла информацию не только об официальной политике правительства, но и о том, какой эту политику хотела бы видеть партия Центра. Редакция проводила четкую

границу между официальными колониальными владениями Германии и номинально независимыми территориями, входившими в зону германских интересов. Такой вывод можно сделать на основании распределения статей о Новой Гвинее (германской колонии) и Самоа (формально независимой территории). «НАЦ» помещала статьи о двух этих регионах в рубрику «Колониальное», а «Германия» писала о событиях на Самоа, как о делах другого государства²⁰. Такая педантичность вкупе с тем, что с 1889 г. колониальные новости стали помещаться между сообщениями из Германии и статьями о международном положении, говорит о взгляде «Германии» на колонии как на элемент внешней политики.

Основное различие «НАЦ» и «Германии» состоит в том, что первая видела в колониях продолжение метрополии, отсюда обширная интеграция колониальных новостей в структуру газеты, разнообразие тем и значительное количество новостей. «Германия» же, помещая немалую долю статей о колониях в рубрику «Зарубежье», тем самым меняла полярность – колониальный вопрос переходил в сферу отношений с другими государствами, где уместны и педантичность, и внимание к таким деталям, как болезнь монарха (в случае смерти которого сменится глава государства и, возможно, политический курс). Распределяя информацию по рубрикам, издания декларировали свою позицию в отношении этого контента. Их позиции проявляются еще отчетливее потому, что газеты располагали практически одним и тем же материалом, но интерпретировали его по-разному.

Примечания

- ¹ См.: Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. М.; СПб., 2005.
- ² См., например: Norddeutsche Allgemeine Zeitung (далее – NAZ). 1888. № 335. Mittwoch den 18. Juli.
- ³ Ibid. 1889. № 343. Freitag den 26. Juli.
- ⁴ Колониальные общества и союзы получали от империи право на экономическую деятельность в колониях, разработку полезных ископаемых, найм коренного населения на работу. Нередко они брали на себя обязанности по управлению этой территорией от имени империи и получали фактически неограниченные возможности. Подробнее об этой практике в Юго-Западной Африке см.: Дрекслер Х. Юго-Западная Африка под германским колониальным господством: 1884–1915 гг. М., 1987.
- ⁵ Эдуард Шнитцер, австрийский врач, принял мусульманство, сменил имя на Мухаммед аль-Эмин и с 1875 г. «поступил на службу формально к египетскому

правительству, а фактически к властителю Экваториальной провинции Судана английскому генералу Гордону» (*Улановская И.А. Борьба за Восточную Африку и пресса (1884–1890)*. М., 1969. С. 69). Благодаря последнему Эмин Паша в 1878 г. был назначен губернатором Экватории. Он вел активную политическую деятельность на подконтрольной ему территории и в прилегающих районах, но в 1885 г. был вытеснен местными вождями из Экватории. Эта ситуация стала причиной дальнейших попыток «спасти» Эмин Пашу и вернуть под его контроль утраченную провинцию.

⁶ NAZ. 1889. № 391. Freitag den 23. August.

⁷ Ibid. № 401. Donnerstag den 29. August.

⁸ См.: *Germania: Zeitung für das deutsche Volk* (далее – *Germania*). 1888. № 1. Sonntag den 1. Januar, erstes Blatt.

⁹ Ibid. № 153. Sonnabend den 7. Juli, erstes Blatt.

¹⁰ В следующих номерах можно найти статьи на эту тему: *Germania*. № 158. Freitag den 13. Juli, erstes Blatt; № 168. Mittwoch den 25. Juli, zweites Blatt; № 170. Freitag den 27. Juli, zweites Blatt; № 172. Sonntag den 29. Juli, zweites Blatt; № 203. Dienstag den 4. September, zweites Blatt; № 204. Mittwoch den 5. September, zweites Blatt; № 206. Freitag den 7. September, erstes Blatt; № 211. Donnerstag den 13. September, erstes Blatt; № 211. Donnerstag den 13. September, zweites Blatt; № 217. Donnerstag den 20. September, zweites Blatt; № 218. Freitag den 21. September, erstes Blatt; № 219. Sonnabend den 22. September, erstes Blatt; № 221. Dienstag den 25. September, zweites Blatt; № 225. Sonnabend den 29. September, erstes Blatt.

¹¹ Об экспедиции Стенли «Германия» писала в номерах: *Germania*. № 12. Sonntag den 15. Januar, zweites Blatt; № 19. Dienstag den 24. Januar, erstes Blatt; № 22. Freitag den 27. Januar, zweites Blatt.

¹² Примеры таких статей см.: *Germania*. № 201. Sonnabend den 1. September, erstes Blatt; № 219, erstes Blatt; и др.

¹³ Такие отчеты, помещенные отдельно от всех рубрик, есть в следующих номерах: *Germania*. № 203, erstes Blatt; № 204, zweites Blatt; № 206, erstes Blatt; № 208. Sonntag den 9. September, zweites Blatt.

¹⁴ Ibid. № 161. Dienstag den 17. Juli, erstes Blatt.

¹⁵ Ibid. № 205. Donnerstag den 6. September, erstes Blatt.

¹⁶ Ibid. № 154. Sonntag den 8. Juli, erstes Blatt.

¹⁷ Ibid. № 18. Sonntag den 22. Januar, erstes Blatt; ср.: NAZ. 1888. № 32. Donnerstag den 19. Januar.

¹⁸ *Germania*. 1888. № 22, erstes Blatt.

¹⁹ Ibid. № 208. Sonntag den 9. September, erstes Blatt.

²⁰ Так, в номере: *Germania*. № 14. Mittwoch den 18. Januar, zweites Blatt, – говорится о вмешательстве немцев в политическую жизнь на Самоа, но помещено это сообщение в подрубрику «Австралия» колонки «Зарубежье», в то время как прибытие на острова немецкого судьи освещается уже в рамках рубрики «Германская империя» (Ibid. № 22, erstes Blatt).

НА ПУТИ К НАЦИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ: КУЛЬТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ ЧЕХОВ ЗА СОЗДАНИЕ УНИВЕРСИТЕТА В БРНО

В конце XIX – начале XX в. славянские народы Австро-Венгерской монархии стремились к созданию собственных национальных высших учебных заведений. Предметом изучения в настоящей статье является борьба чешской интеллигенции за открытие национального университета в Моравии. Исследование основано на материалах прессы и публицистики. Оно раскрывает важный аспект движения за независимость – формирование национального образования.

Ключевые слова: университет, Австро-Венгрия, чешская интеллигенция, славянские народы, образование, национальное движение.

Конец XIX – начало XX в. – время острейшего государственного кризиса Австро-Венгрии. Подобные ситуации закономерны для держав имперского типа, объединявших в своем составе различные по уровню развития территории. В такие моменты национальный вопрос становится катализатором всех конфликтов, осью, от которой устремляются центробежные силы, расшатывающие страну изнутри. Само появление Австро-Венгрии путем преобразования Австрийской империи было попыткой частичного решения этой проблемы. Но, лишь в незначительной степени урегулировав взаимоотношения между австрийскими немцами и мадьярами, соглашение 1867 г. оставило в стороне славянский вопрос.

Среди австрийских славян особая роль принадлежит чешской нации, находившейся в конце XIX в. на высокой стадии консолидации. Интенсивное развитие отношений индустриального общества в чешских землях, усиление позиций национальной буржуазии в сочетании с утратой политической традиции государственной власти вели к обострению национальной борьбы, которая на данном

этапе особенно ярко проявилась в тесном переплетении двух тенденций: борьбы за всеобщее избирательное право и за национальное высшее и среднее образование.

Составной частью национальных столкновений было движение за создание университетского центра в чешских землях. Важность этой проблемы была обусловлена необходимостью формирования национальной интеллигенции и подготовки национальных кадров для дальнейшего развития крупнейшей области чешских земель – Моравии, которая ощущала недостаток в специалистах с высшим образованием. Кроме того, создание чешского университета в Моравии означало организацию не только научного центра, но и центра сосредоточения передовой общественной мысли. И чехи, и немцы, обращаясь к вопросам национальной высшей школы, пытались решить важнейшую проблему, которая и по сей день стоит перед мировой наукой и образованием: имеют ли эти явления национальность.

Движение за создание чешского университета в Моравии прослеживается с конца 50-х гг. XIX в. Хотя существовавший ранее латинский университет в Оломоуце уже не отвечал ни представлениям о современной высшей школе, ни практическим потребностям общества, после его закрытия в Моравии возник ощутимый пробел в системе высшего образования и науки. Чешские и немецкие студенты из Моравии стали уезжать учиться в Прагу, Вену, реже – в Краков. Получение образования в этих городах обходилось достаточно дорого, поэтому позволить себе подобное обучение могли лишь немногие. Кроме того, в общественной и культурной жизни Моравия и раньше испытывала недостаток в интеллигенции с высшим образованием.

К 1862 г. относится опубликование первой чешской статьи, посвященной вопросу создания моравского университета. В ней были выдвинуты две проблемы: в каком городе будет основан моравский университет и на каком языке будет вестись преподавание в нем¹. Вопрос национальной принадлежности будущего университета с самого начала движения стал одним из главных, поскольку решалась проблема создания университета в Моравии – крае на три четверти чешском, но в политическом отношении находящемся под немецким владычеством.

В той же статье в качестве альтернативы решения первого вопроса предлагались города Брно и Оломоуц, причем предпочтение не отдавалось ни одному из них. При освещении второй проблемы основной упор делался на права чешского языка².

В 1870 г. муниципалитет Брно обратился в правительство с предложением открыть в этом городе моравский университет³.

В петиции обосновывалась потребность Моравии в высшем учебном заведении университетского типа, а также необходимость его открытия именно в Брно. В пользу первого предложения свидетельствовало возрастающее число студентов высших учебных заведений. За размещение университета в Брно приводились следующие доводы:

- выгодное расположение города в центре пересечения железнодорожных путей и других коммуникаций;
- размещение там земельных управленческих организаций;
- Брно – центр развития промышленности, медицины, имеет достаточный жилищный фонд;
- в Брно ранее существовал университет (в XVI в. он был перенесен туда из Оломоуца, затем обратно);
- Брно является центром науки и образования в Моравии.

В петиции подчеркивалось: «Оломоуц – город, пропитанный милитаристским и клерикальным духом, не может стать центром научной и культурной жизни Моравии»⁴. Однако в документе ничего не говорилось о национальном характере будущего университета.

В 70–80-е гг. XIX в. чешские научные и общественные деятели высказывались за создание в Моравии именно чешского университетского центра. Так, в 1885 г. профессор пражского университета Т.Г. Масарик подчеркивал: «Те, кто имеет представление о современном научном развитии, подтвердят, что раз мы имеем один университет, то должны иметь и второй»⁵.

Пристальное внимание проблеме создания второго университетского центра уделял виднейший чешский ученый и общественный деятель Я.Е. Пуркине. В 1867 г. он писал: «Так как чехи и словаки в Чехии, Моравии и Словакии превышают семь миллионов, и их количество быстро возрастает, вскоре появится необходимость образования второго университета»⁶.

Характер и интенсивность движения за открытие университетского центра в Моравии изменились в конце 80-х гг. XIX в., так как в это время требование восстановить высшее учебное заведение в Моравии совпало со стремлением к образованию второго чешского учебного центра. (Первым стал университет в Праге, разделенный в 1882 г. на немецкий и чешский.)

Необходимо подчеркнуть, что наиболее сильный импульс к борьбе исходил от студентов из Моравии и Силезии, обучавшихся в Праге. На собрании моравского студенчества в Кромержиже 9 сентября 1889 г. при обсуждении главного пункта программы – организации литературной работы в Моравии – приняли резолю-

цию о необходимости образования там чешского университета. Обоснование этого решения было следующим:

- современное состояние науки и экономики требует более высокой профессиональной подготовки специалистов из Моравии;
- по общей численности населения, в том числе интеллигенции, Моравия не уступает ни одной из земель Австро-Венгрии и, следовательно, имеет право на образование университета;
- моравское студенчество, которое занимает третье место от общего числа студентов в Австро-Венгрии, вынуждено обучаться в иностранных университетах;
- необходимость создания университета в Моравии была уже давно признана, и Моравия никогда не отказывалась от своего права⁷.

Важно, что в 90-х гг. XIX в. требование моравских студентов было поддержано и политическими кругами. 30 сентября 1889 г. депутат А. Мезник предложил к обсуждению в Сейме проект основания университета в Моравии⁸. Проект предусматривал открытие юридического факультета в Оломоуце, а медицинского – в Брно. Мезник не касался вопроса о национальном характере будущего университета, за что проект неоднократно критиковали младочехи⁹ и сами студенты. Окончательного решения не было принято, что вызвало недовольство моравского студенчества.

В 1894 и 1895 гг. депутат Й. Жачек от имени фракции чешских депутатов в Моравии подал в Моравский земский Сейм проект образования университета с обучением на чешском языке¹⁰.

В это же время требование создать второй чешский университет в Моравии получило поддержку венских научных кругов. Так, профессор медицинского факультета университета в Вене Э. Альберт подчеркивал, что образование именно чешского высшего учебного заведения в Моравии – вопрос лишь времени. Главной предпосылкой для его создания является необходимость подготовки собственных преподавательских кадров¹¹. По мнению Т.Г. Масарика, открытие второго чешского университета послужило бы толчком к развитию научной конкуренции, без которой невозможно само развитие науки¹².

Петиционное движение, продолжившееся в 1896 г., способствовало официальному признанию правительством справедливости требований чешской стороны. 7 ноября министр культуры и образования П. Гауч выступил с речью в комитете по бюджету. В ней он отметил, что правительство согласно с необходимостью в ближайшее время организовать университет в Моравии, а также высшее

техническое училище в Брно¹³. Однако свою речь П. Гауч построил так, чтобы никоим образом не вызвать недовольства немецкой общественности и не скомпрометировать национальную политику правительства. Выступление его было также продиктовано политическими соображениями: в это время проходили переговоры главы правительства К.Ф. Бадсни с ведущим представителем партии младочехов Й. Кайзлом о переходе партии от прямой оппозиции к сотрудничеству с правительством. Помимо требуемого равноправия чешского и немецкого языков во внутригосударственной жизни младочехам была обещана организация чешского университета в Моравии. Но вскоре стало ясно, что хотя правительство и признало необходимость организации новых учебных заведений в Моравии, но представляло их совершенно различными: училище – чисто чешским, университет – утравкистским¹⁴ (двуязычным).

1896 год был ознаменован широким развитием в Моравии движения за образование там немецкого университета, которое нашло поддержку в немецких политических и культурных кругах. Интересно, что аргументы, приводимые ими, были в основных чертах схожими с доводами чехов. Так, в петиции, составленной муниципалитетом города Брно и предложенной 13 января 1896 г. к обсуждению в земельном Сейме, приводились следующие аргументы в пользу создания немецкого университета:

- высокая численность немецкого населения;
- высокий уровень развития немецкой культуры и экономики;
- большое количество средних школ и их выпускников немецкой национальности;
- недостаток мест в университете в Вене;
- нехватка немецких юристов, врачей и философов в Моравии.

Их разногласия касались языкового и национального характера будущего университета и отношения к требованиям противоположной стороны: чехи, выступая за образование чешского университета, не были против открытия немецкого. Общественность немецкой национальности, наоборот, отрицала право чешского народа на национальный университет, что свидетельствовало об их приверженности традиционной точке зрения на взаимоотношения национальностей в государстве.

Австрийское правительство в тот период было склонно учитывать требования всех национальностей, населяющих империю, ориентируясь прежде всего на свои финансовые возможности. Получив официальную поддержку, профессора чешского университета в Праге развернули деятельность по подготовке преподавательских кадров для будущего моравского высшего учебного заведения¹⁵.

В сентябре 1903 г. чешские депутаты предложили к обсуждению в земском Сейме Моравии проект организации чешского университета. Одновременно был подан проект создания немецкого университета в этом крае. Данному вопросу было посвящено заседание Сейма 28 октября. Выступивший от имени немецких депутатов Оберляйтер ратовал за создание немецкого университета против чешского.

Основным аргументом стало то, что немцы лишь хотят восстановить старый Оломоуцкий, т. е. немецкий, университет, тогда как чехи настаивают на организации нового. Й. Жачек, в свою очередь, указал, что университет в Оломоуце был средневековым учреждением, где обучение велось на латинском языке, следовательно, он не может быть назван немецким¹⁶. Оба проекта были предложены к обсуждению во вновь созданном комитете, в задачу которого входила подготовка проекта избирательной реформы для земского Сейма и решение национальных проблем Моравии в целом.

Активизация выступлений в поддержку образования чешского университета в Брно приходится на 1904–1905 гг. – время борьбы за всеобщее равное избирательное право¹⁷. Моравский пакт, имевший целью частичное уравнивание в национально-политических и национально-культурных правах чехов и немцев, был принят в 1905 г. Он укрепил политическое положение, расширил языковые и культурные права чешского народа.

Вопрос образования университета не затронут в Моравском пакте, так как в ходе его обсуждения было заявлено, что открытие чешского университета – обязанность правительства, и данный вопрос не может быть решен на чешско-немецких переговорах¹⁸. Но за месяц до принятия Моравского пакта, в конце сентября – начале октября 1905 г., город Брно стал ареной, пожалуй, самых ярких и драматических событий, которые разыгрывались в ходе борьбы за образование второго чешского университетского центра.

Один из немецких общественных деятелей – Шернер – провозгласил, что в этих землях может быть открыт только немецкий университет. Оценку его словам дала чешская пресса: «Политическое лицо немецкого общественного деятеля Шернера отличается тем, что он прямо заявляет о своих целях и стремится к их достижению всеми средствами, в то время как остальные сыновья “великого, прекрасного, благороднейшего” народа немецкого хитро маскируют свои конечные цели»¹⁹.

По патриотическому призыву Шернера ревнители немецких прав отправились в Брно, чтобы организовать там демонстрации против создания чешского университета. В результате ак-

тивных выступлений в городе был созван съезд противников его организации в Моравии. Этот съезд получил название немецкого «Фолькстага». Канун созыва форума назван чешским населением Брно «кровавым крестом». Было ясно, что брненская полиция активизируется, однако происшедшие события превзошли все ожидания. Бесчинства полицейских и гонения на чехов достигли предела. Перед отелем «Славия» против незаконных действий полиции выступил депутат В. Клофач. Его слова не возымели должного действия. Ответом на заявление о том, что он является чешским депутатом рейхсрата и, следовательно, представителем власти, были слова полицейского урядника: «Нам все равно – депутат, не депутат»²⁰. Ситуация еще более обострилась, когда в город начали прибывать немецкие депутаты на «Фолькстаг», а чешские – на чешский съезд, идею созыва которого поддержали представители всех партий, кроме социал-демократов, которые сочли его националистическим и даже шовинистическим²¹.

30 сентября собрались несколько тысяч чехов, чтобы приветствовать своих делегатов. Среди приехавших были депутаты рейхсрата, делегации городских советов Праги и Краловских Виноград. Они были встречены приветствиями: «Слава чешскому университету! Да здравствует всеобщее избирательное право!»²²

В тот же день на вокзале города Брно произошла другая торжественная встреча – немецких депутатов. Позже состоялось шествие чехов к Дому моравской беседы и немцев – к Немецкому общественному дому. Произошло несколько столкновений. Кроме того, немцы выбили окна во всех чешских школах, причем полиция даже не попыталась прекратить беспорядки. Наоборот, представители полиции вскоре явились в Дом моравской беседы, чтобы разогнать собрание. Премьер-министру барону П. Гаучу была направлена телеграмма от имени чехов, собравшихся в Доме моравской беседы, с протестом против незаконных действий брненской полиции²³.

Брненские события и заключение Моравского пакта были кульминационными в борьбе за создание чешского университета в Моравии перед I мировой войной. После них председатель исполнительного комитета младочешской партии В. Шкарда обратился к министру-соотечественнику А. Ранде с настоятельным требованием об открытии в Моравии до 1 октября 1906 г. юридического факультета как основы будущего чешского высшего учебного заведения. П. Гауч же заявил, что не отступит от обещания открыть в Моравии два университета – чешский и немецкий, и 5 декабря вновь повторил это на заседании парламентской комиссии клуба младочехов. Но этот проект не был претворен в жизнь²⁴.

Когда стало очевидно, что правительство не собирается выполнять свои обещания, хотя на осеннем заседании рейхсрата был предложен проект закона об организации чешского университета в Моравии, студенчество вновь продолжило борьбу. Организующим ее центром с конца 1905 г. стал Союз чехославянского студенчества. Именно на основе выработанных им проектов был создан и одобрен ученым советом чешского университета в Праге Меморандум об образовании чешского университета в Моравии с местоположением в городе Брно²⁵. Меморандум был адресован министру культуры и образования Р. Бенерту.

Авторы Меморандума отмечали настоятельную необходимость положительного решения вопроса об образовании второго чешского университета. Основное внимание они уделили принципам создания этого учебного заведения и способам его организации. Ученый совет чешского университета в Праге обратился к преподавателям всех факультетов с просьбой высказать свое мнение по этим проблемам.

Комиссия, возглавляемая профессором Я. Голлом, пришла к заключению, что именно Брно – тот город, где должен быть образован моравский университет, как с точки зрения общественных интересов, так и с учетом собственных потребностей. Брно – столица и действительный центр края, в большей степени чешского, где сосредоточены средние школы, библиотеки, больницы различных направлений для развития и обучения медицине и фармакологии; город, имеющий лучшую железнодорожную связь с другими центрами. В университете Брно могли бы обучаться чешские студенты из менее обеспеченных семей.

О внутреннем устройстве и профессорском составе будущего университета в Меморандуме ничего не говорилось, однако большое внимание уделялось проектам по созданию и функционированию отдельных семинаров, институтов, а также некоторых факультетов²⁶. Будущее высшее учебное заведение должно было стать в некоторых направлениях специализированным, но ни в коем случае не замкнутым.

К сожалению, Меморандум был обойден вниманием как парламентских кругов, так и широкой общественности, занятыми обсуждением избирательной реформы. Это время относительно спада общественного интереса к вопросу об образовании чешского университета в Моравии, объясняющегося политическими причинами – недавним принятием Моравского пакта 1905 г. и готовившимся к вступлению в силу законом о всеобщем избирательном праве.

Вскоре вопрос о создании чешского университета стал рассматриваться как чисто моравский. Но подготовка научных и преподавательских кадров для будущего учебного центра не прекращалась. Окончательно решить вопрос об основании второго университета в чешских землях помешала I Мировая война. Долголетнее движение пришло к успешному завершению в 1919 г. после образования независимой Чехословакии. Естественно, в это время появились новые интересы и потребности. Главной задачей университета наряду с подготовкой высокопрофессиональных специалистов стало формирование нового человека независимой республики.

Вопросы о правах национального языка и о национальном образовании являлись одними из основных в отношениях чешской и немецкой сторон в рейхсрате Цислейтании, вместе с практически нерешенными конституционным вопросом и проблемой экономического дисбаланса на фоне все более определявшихся политических требований. Во второй половине XIX в. происходит совмещение этноязыкового этапа национальной борьбы с государственной идеей. Поэтому необходимость существования национальной науки и высшей школы не подвергалась сомнению. Развитие науки не только в ее практическом (подготовка национальных кадров для развития промышленности и дальнейшего складывания институтов гражданского общества), но и в прикладном значении становилось доказательством национальной состоятельности.

Претензии чешской и немецкой сторон были взаимными. Но существовало серьезное различие в их конечной цели в исследуемый период. Австрийские немцы, руководствуясь имперской традицией и стремлением унифицировать внутреннюю жизнь Цислейтании, требовали создания учебных и научных институтов во всех подчиненных областях. Чехи же ограничивали сферу своих интересов непосредственно чешскими землями. Зачастую требования большего научного простора для нации выдвигались в числе главнейших, заслоняя, а иногда и подменяя собой политические задачи. При этом соперничающие стороны видели в каждой уступке прецедент для дальнейшей радикализации движения. Такая непримиримая позиция имела ряд отрицательных последствий для науки, в их числе – ухудшение научного обмена, несбалансированность смежных исследований и многое другое. Однако в начале XX в., в период кризиса полиэтнической империи Австро-Венгрии, немцы и чехи видели в развитии национальной науки и высшей школы гарант консолидации нации и существования национального государства.

- ¹ См.: Univerzita na Moravě // Moravská orlice. 1864. 18. červ. R. 2. Č. 138.
- ² См.: Vysoké školy na Moravě // Ibid. 1870. 11. břez. R. 8. Č. 57.
- ³ См.: Statní archiv Brno. 1870. Zv. 2949. Č. 4938.
- ⁴ *Vahálík J., Derka J.* Česka univerzita na Moravě. Praha, 1891. S. 5–7.
- ⁵ Цит. по: Dějiny univerzity v Brně. Brno, 1969. S. 40–41.
- ⁶ *Purkyně J.E.* Sebrané spisy. Praha: Vědecko vydavatelské centrum “Sociosféra”, 1965. S. 114.
- ⁷ См.: *Kostomarský F.* Česka univerzita na Moravě // Časopis českého studentstva. 1889. № 1. S. 146–147.
- ⁸ См.: Dějiny univerzity v Brně. S. 40.
- ⁹ Национальная партия свободомыслящих (младочешская). Образована в декабре 1874 г. вследствие раскола Национальной партии.
- ¹⁰ См.: Řeč poslance dr. J. Žačka, pronesená 24. t.m. na sněmu pro zřízení české university na Moravě // Moravská orlice. 1895. 16. un. R. 33. Č. 39.
- ¹¹ См.: Za druhou českou univerzitu // Čas. 1891. R. 5. S. 643–644.
- ¹² См.: *Masaryk T.G.* Druhá česká univerzita // Naše doba. 1894. R. 1. S. 672–676.
- ¹³ См.: Moravké vysoké školy v rozpočtovem vyboru // Lidové noviny. 1896. 08. list. R. 4. Č. 258.
- ¹⁴ См.: Politické zprávy // Moravská orlice. 1886. 11. list. R. 34. Č. 261.
- ¹⁵ См.: Dějiny univerzity v Brně. S. 67.
- ¹⁶ См.: Sněmovní list o sezení moravského sněmu zemského, svolaného nejvyšším patentem ze dne 14. prosince 1902. Brno, 1902. S. 992.
- ¹⁷ См.: *Kolejka J.* «Moravský pakt» z roku 1905 // Československý časopis historický. 1956. Č. IV. S. 605–606.
- ¹⁸ См.: Dějiny univerzity v Brně. S. 91.
- ¹⁹ Krvavý boj v Brně // Národní listy. 1905. 10. října. R. 5. Č. 270.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ См.: *Konečný Z., Novák P.* Účast dělnictva a socialni demokracie v boji o založení české univerzity na Moravě // Sborník práci Filosofické fakulty Brněnské univerzity. 1955. R. IV. S. 78.
- ²² Krvavý boj v Brně // Národní listy. 1905. 10. list. R. 15. Č. 270.
- ²³ См.: Zprávy // Ibid.
- ²⁴ См.: *Tobolka Z.V.* Polilické dějiny československého národa od r. 1848 až do dnešní doby. Praha, 1936. S. 380–381.
- ²⁵ Memorandum akademického senatu české univerzity v Praze o zřízení české univerzity na Moravě se sídlem v Brně. V Praze 15. prosince 1905. См.: Archiv Univerzity Karlovy v Praze: Moravská univerzita.
- ²⁶ См.: O poměrech na univerzite pražské a o zřízení univerzity moravské. V Praze 26 list. 1905. См.: Archiv Univerzity Karlovy v Praze: Moravská univerzita.

ОРГАНИЗОВАННЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ
В ГЕРМАНИИ в 1888–1918 гг.
(по документам российских архивов)

Статья посвящена выявлению особенностей политической деятельности и организационной структуры массовых националистических организаций Германии периода правления Вильгельма II. В качестве примера подобных организаций взяты Германский флотский союз, Пангерманский союз и Отечественная партия. Вводятся в научный оборот новые источники и привлекаются архивные материалы, впервые рассмотренные в контексте изучения данных организаций.

Ключевые слова: вильгельмовская Германия, национализм, милитаризм, «национальные союзы».

В российской германистике периода Второй империи к тематике социальной истории и изучению непартийных политических организаций обращаются недостаточно часто. Упоминания подобных организаций носят обзорный характер и не проясняют в полной мере их роль в немецкой общественно-политической жизни. Во многом такая избирательность связана с объективной причиной – проблемой доступа к аутентичным источникам. Задача настоящей статьи – обзор и анализ комплекса репрезентативных источников в рамках данной тематики, находящихся в российских архивах.

Одной из важнейших проблем в исследованиях вильгельмовской Германии (1888–1918 гг.) является распространение в массовом сознании идей милитаризма и национализма, что неразрывно связано с изучением проблем Первой мировой войны и прихода к власти НСДАП. В связи с этим все бóльшую актуальность приобретают исследования массовых националистических организаций Германии периода Второй империи – как применительно к отечественной историографии, где присутствуют лишь единичные

специальные исследования на эту тему¹, так и к зарубежной историографии, где эти организации остаются объектом дискуссии в длительном споре между немецкой и англосаксонской историографией по поводу теории «Sonderweg» («особого пути» Германии).

Разнообразие форм организованного национализма, уникальность идеологии, организационных принципов и политической стратегии каждой организации затрудняют классификацию и ограничивают предмет исследования. В данном случае в качестве объекта взяты Германский флотский союз (1898–1934 гг.), Пангерманский союз (1891–1939 гг.) и Отечественная партия (1917–1918 гг.) как наиболее влиятельные националистические организации рассматриваемого периода. Их исключительность обусловлена значительным количеством членов (более миллиона человек для Флотского союза и Отечественной партии) либо, применительно к Пангерманскому союзу, активным участием в политической жизни. Иными словами, предмет исследования формально относится сразу к двум категориям политических организаций – партии и так называемые «национальные союзы» (nationale Verbände). В данной статье автор для удобства объединяет их под общим названием «национальные союзы»², так как структурно-организационная преемственность Отечественной партии с подобными союзами неоднократно упоминалась в историографии³.

Источниковая база исследований данных союзов характеризуется неполнотой и фрагментарностью, поскольку центральные архивы Пангерманского и Флотского союзов были уничтожены в ходе бомбардировки Берлина в конце Второй мировой войны (делопроизводственные документы этих союзов находятся в региональных отделениях и личных фондах членов)⁴. Таким образом, централизованное и систематическое изучение архивных источников по данной проблеме затруднено.

В архивах Российской Федерации присутствуют материалы, которые не могут дать всестороннего представления о процессах, происходивших в данных общественных организациях, однако введение их в научный оборот способствует формированию более полной картины деятельности «национальных союзов». Российские исследователи обращались к источникам из отечественных архивов, в частности РГВАМФ и РГИА, но интересовались исключительно взаимодействием между государственной властью и руководством союза⁵. Документы, которые рассматриваются в данной статье, проливают свет на особенности связей и взаимодействия между различными правовыми организациями, методы вербовки членов и отношения к аффилированным организациям. Данные

источники относятся к следующим видам: документы личного происхождения, документы политических организаций, делопроизводственные документы (донесения русских агентов). Особое внимание следует уделить источникам личного происхождения из Особого архива в составе РГВА, а именно переписке Л. Мюллера фон Гаузена (руководил небольшой антисемитской организацией «Союз против еврейского превосходства») с руководством Пангерманского союза и Отечественной партии. Переписка до настоящего времени не привлекала внимание исследователей, но именно благодаря ей можно сравнить отношение этих организаций к процедуре вступления в них членов других союзов.

Организации, являющиеся предметом исследования, находились под влиянием особенностей политического развития вильгельмовской Германии, которая представляла собой комбинацию «древнего авторитета с современным избирательным правом»⁶. Националистические союзы служили переходным звеном от элитарных партий (основанных на принципах так называемой «Honoriatiorenpolitik») к массовым политическим организациям («Massenpolitik»). Они смогли стать заметным явлением немецкой политической действительности, поскольку именно в правом лагере (по причине отсутствия единой партии) союзы выступили реальной заменой политическим партиям. Однако на протяжении всего правления Вильгельма II непрерывно предпринимались попытки создания объединяющей правые силы партийной организации⁷.

Одной из причин появления массовых непартийных организаций стала проблема политического представительства в Германии. В конце 80 – начале 90-х гг. XIX в. некоторая часть правого лагеря (крупные аграрии, промышленники) осознала, что нынешний уровень участия в парламентской политике не позволяет ей в достаточной степени отстаивать свои интересы. В связи с этим создаются «Interessenverbände» («группы интересов»): непарламентские политические организации, лоббирующие экономические интересы отдельных социальных групп. Вскоре появляются подобные лоббистские группы, образованные уже вокруг националистических установок (в том числе Флотский союз и Пангерманский союз), но преимущества подобных организаций стали очевидны далеко не сразу. Создание упомянутых союзов и их первоначальная деятельность нередко связаны с поддержкой государства, но изначальный импульс их образования и развития шел со стороны общества⁸.

В результате модернизационных процессов в последние десятилетия XIX в. в немецком обществе происходят значительные

изменения. Как следствие, у тех социальных слоев, которые ранее не принимали значительного участия в политической жизни – так называемое «среднее сословие» (Mittelstand) и крестьянство, – появилась настоятельная потребность в выражении своей политической воли⁹. Одним из проявлений этого стала политизация культуры ферейнов – традиционных общественных объединений. Две указанные тенденции – «сверху» и «снизу» – соединились в массовых политических организациях. Националистическая идеология давала им преимущество, ведь в таком случае они могли пользоваться широкой поддержкой в качестве представителей общих интересов нации.

Первым из рассматриваемых союзов образовался Пангерманский союз (Alldeutscher Verband), хотя он не был первой организацией, сделавшей ставку на национализм. Многие программные требования пангерманцев уже отстаивала другая организация – Колониальное общество¹⁰. У Пангерманского союза появляется претензия на исключительное представительство немецких интересов, что не предусматривало соотнесение своих действий с курсом правительства или партий¹¹. Радикализм подобного рода был изначально присущ этой организации, так как она сформировалась в ходе общественного протеста против действий правительства – «обмена» части подконтрольных территорий в Африке на британский остров Гельголанд (1890 г.)¹². Радикальный потенциал Пангерманского союза особенно проявился с 1908 г., когда новый председатель, Генрих Класс, осуществил централизацию управления и усилил дисциплину внутри союза, одновременно отдав предпочтение радикальным идеям, исходящим от движения «фёлькише»¹³. Данная организация никогда не достигала большой численности (не более 40 тыс. чел.), но активно реагировала на события немецкой политической жизни, иногда вступая в конфронтацию с правительством.

Идейное воздействие «национальных союзов» на рядовых членов осуществлялось путем распространения центральной прессы и публицистики, а также проведением политических мероприятий (собраний, лекций). Отличительной чертой Пангерманского союза являлось то, что изначально для него важное значение имела деятельность союза на местах¹⁴. Результатом явилась насыщенная пропагандистская деятельность локальных ячеек, что нашло отражение в делах фонда Мюллера фон Гаузена, где можно получить представление о многообразии мероприятий и докладов, организуемых берлинским отделением Пангерманского союза для его членов¹⁵.

Ценным источником являются отчеты с заседаний центрального правления Пангерманского союза за 1917–1919 гг.¹⁶ В данных документах, особенно периода подписания Брестского мира, нашел отражение процесс выработки точки зрения союза по вопросу аннексий территорий, которые предполагались после окончания Первой мировой войны¹⁷. Также в ходе заседаний несколько раз поднималась проблема противостояния Отечественной партии, которую Пангерманский союз рассматривал как реальную угрозу собственному влиянию в отдельных регионах¹⁸. Необходимо отметить и обсуждение планов союза по созданию «Высшей школы фёлькише» («Völkische Hochschule»)¹⁹, что является малоизученным аспектом истории Пангерманского союза.

Германский флотский союз (Deutscher Flottenverein) являлся самой многочисленной организацией среди «национальных союзов»: в 1908–1915 гг. его численность превосходила миллион человек. В действительности большая часть его состава (до 600–700 тыс. чел.) приходилась на членов аффилированных организаций – прежде всего это были небольшие патриотические фереины, студенческие и ветеранские организации²⁰. Поэтому Флотский союз имел, с одной стороны, большое количество локальных отделений и подписчиков, с другой – представлял собой достаточно аморфное образование. Влияние Флотского союза было особенно сильно в период интенсивного обсуждения программ строительства флота, 1905–1914 гг., в целях лоббирования которых он и создавался. В период Первой мировой войны союз фактически превратился в благотворительную организацию, что привело к снижению влияния и к недовольству в рядах членов союза²¹, несмотря на общественные дискуссии по поводу «неограниченной подводной войны».

Источники, освещающие деятельность союза, представлены в виде донесений российских консулов и атташе, выполнявших роль военных агентов. Данные источники находятся в фонде Главного управления Генерального Штаба (далее – ГУГШ), который курировал их деятельность. По большей части агентов интересовало состояние германской армии и флота, но они предоставляли сведения и о состоянии общественного мнения Германии, в том числе об отношении к «флотской политике». Разумеется, что в таких донесениях они не могли обойти вниманием Германский флотский союз. Более того, в качестве источника для своих сведений о флоте они иногда ссылались на прессу данного союза²².

Наиболее показательным документом является депеша консула А.В. Арсеньева из Гамбурга (1908 г.)²³. Ее ценность проявляется

в том, что она посвящена исключительно Флотскому союзу. Флотский союз в 1908 г. находился на пике своего влияния, с другой стороны, на этот год приходится и заметный раскол в его рядах, о котором упоминается в депеше. Однако свидетельства военного агента сконцентрированы исключительно на «парадной» стороне союза. Арсеньев изумляется его численности и пропагандистской мощи, и рекомендует Генеральному Штабу посодействовать появлению подобных организаций в России. Сведения о Германском флотском союзе имеются и в других сообщениях агентов из фонда ГУГШ²⁴. Следует сказать, что эти документы уже были упомянуты в научной литературе²⁵, но исключительно в рамках исследования деятельности данных агентов. Данная работа доказывает, что они могут послужить источниками для анализа имиджа, степени известности Германского флотского союза в немецком обществе.

Первой массовой правой партией принято считать Отечественную партию (*Deutsche Vaterlandspartei*), которая являлась результатом многочисленных попыток создания единого консервативного объединения. Пангерманский союз и Флотский союз создавались во многом в качестве подобной партии²⁶. Также она, вероятно, была первой популистской партией, так как обладала необходимыми атрибутами: разветвленной организационной сетью (более 2 тыс. отделений), более чем 800 тыс. собственных членов и несколькими крупными печатными изданиями, присоединившимися к партии. Короткий срок ее существования, с сентября 1917 по декабрь 1918 г., обусловлен не только революцией, кризис партии наметился уже к весне 1918 г. Важной причиной ее кризиса стали расхождения между руководителями, которые были представителями различных правых течений и потому имели разное мнение о направлении деятельности партии. Часть основателей видели в ней широкое патриотическое движение (Г. Класс, А. фон Тирпиц), а другие (В. Капп), – националистическую партию. Партия была тесно связана с Верховным командованием и поддерживала его инициативы, что серьезно ограничивало поле деятельности партии. В итоге Отечественная партия не удалось добиться действительного влияния на массы²⁷.

Как свидетельствуют документы, Отечественная партия вполне лояльно относилась к параллельному членству в иных правых и праворадикальных организациях. Вступление в нее представлялось формальностью, после «наведения справок» руководство партии согласилось принять в свои ряды некоторых членов антисемитской организации Л. Мюллера фон Гаузена. Как писал ему председатель

В. Капп, Немецкая отечественная партия «будет способствовать становлению сильной воли к победе по всей Германской империи, поэтому она может не принимать во внимание конфессиональные и политические различия». Тем не менее Отечественная партия не желает, чтобы ее воспринимали как антисемитскую²⁸. Переписка также демонстрирует несогласованность в принятии решений, так как распоряжение В. Каппа ставится под сомнение делопроизводственным управлением. Этот материал резко контрастирует с представлениями лидера Пангерманского союза Г. Класса по данному вопросу: он отказывается от вступления в «Союз против еврейского превосходства» и считает, что такая практика вовсе не способствует сплочению антисемитских сил, но поддерживает их раскол; при этом он отмечает, что уже является членом нескольких союзов и регулярно получает подобные приглашения²⁹. На этом основании можно сделать вывод о двух стратегиях «национальных союзов» в отношении других идеологически близких организаций.

В целом представленные документы свидетельствуют о том, что в среде «национальных союзов» большую роль играли связи между их руководителями, на которых основывалось политическое взаимодействие. Их источником было одновременное членство в нескольких политических организациях. От новоприобретенных членов не требовалось, чтобы они однозначно разделяли идеологические устремления каждой организации, аффилированные союзы сохраняли определенную самостоятельность, и при этом получали доступ к финансовым ресурсам крупных организаций. В то же время крупная организация обеспечивала себе рост количества членов. Подобное положение дел устраивало обе стороны, но это не позволяет однозначно говорить о росте влияния на немецкое общество параллельно с ростом численности. Пангерманский союз в этом смысле отличался, так как даже видел свое превосходство над более крупными организациями: «...но во внешнем мире наша сила ценится больше, больше, чем сотни тысяч [человек]»³⁰. Но и этот союз не возражал против присоединения таким путем мелких организаций, хотя и придавал большое значение внутренней сплоченности.

Каждая организация по-своему предпринимала попытки объединения «национальных сил» в стремлении стать главенствующей «надпартийной» организацией. Несмотря на то что «национальные союзы» достигли определенных успехов в использовании популистских инструментов, их организационная структура и политическая стратегия не освободились окончательно от элементов «элитарной политики». В период Веймарской республики многие

из них либо прекратили свою деятельность, либо утратили былое влияние на немецкое общество. Тем не менее многие заметные фигуры веймарской политики (например, А. Гугенберг, В. Капп) начали в них свою политическую карьеру, поэтому опыт «национальных союзов» не мог не повлиять на дальнейшее развитие немецкого консерватизма.

Примечания

- ¹ См.: *Турыгин А.А.* Генрих Класс // Вопросы истории. 2012. № 7. С. 152–160; *Он же.* «Изобретатели традиций»: пангерманский вариант национальной инкорпорации // Вестник Костромского Государственного университета им Н.А. Некрасова. 2013. № 6. С. 42–47; *Убилава В.Д.* Организация военно-морской пропаганды в кайзеровской Германии (1893–1908 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010.
- ² Впервые как научный термин употребляется в статье Х. Погге фон Штрандмана (*Pogge von Strandmann H.* Nationale Verbände zwischen Weltpolitik und Kontinentalpolitik // *Marine und Marinepolitik im kaiserlichen Deutschland: 1871–1914.* Düsseldorf, 1972), однако отнесение к нему отдельных организаций носит дискуссионный характер.
- ³ См.: *Retallack J.* The German right, 1860–1920: Political limits of the authoritarian imagination. Toronto, 2006. P. 64.
- ⁴ См.: *Eley G.* Reshaping the German Right: Radical Nationalism and Political Change after Bismarck. New Heaven; L., 1980. P. 372; *Kruck A.* Geschichte des Alldeutschen Verbandes. Wiesbaden, 1954. S. VI.
- ⁵ См.: *Шилов С.П.* Делопроизводственная документация как источник по истории военно-политических отношений на море Германии и России в начале XX века // Вестник ИГПИ им. П.П. Ершова. 2012. № 1 (2). С. 117–122.
- ⁶ *Wehler H.-U.* Das Deutsche Kaiserreich: 1871–1918. Göttingen, 1999. S. 46.
- ⁷ См.: *Stegmann D.* Die Erben Bismarcks: Parteien und Verbände in der Spätphase des Wilhelminischen Deutschlands. Sammlungspolitik: 1897–1918. Köln, 1970.
- ⁸ См.: *Frankel R.* From the Beer Halls to the Halls of Power: The Cult of Bismarck and the Legitimization of a New German Right, 1898–1945 // *German Studies Review.* 2003. Vol. 26. № 3. P. 543, 545.
- ⁹ См.: *Eley G.* The Wilhelmine Right: How it Changed // *Society and Politics in Wilhelmine Germany* / Ed. by R.J. Evans. L.; N.Y., 1978. P. 119–124.
- ¹⁰ См.: Allgemeiner Deutscher Verband (Alldeutscher Verband), Aufruf 9. April 1891 // *Deutsche Parteiprogramme* / Hrsg. von W. Mommsen. München, 1960. S. 90.
- ¹¹ См.: *Eley G.* Reshaping the German Right. P. 49.
- ¹² См.: *Kruck A.* Op. cit. S. 6–7.

- ¹³ См.: *Турьгин А.А.* Генрих Класс. С. 154, 157.
- ¹⁴ См.: *Турьгин А.А.* Alldeutsche Blätter: Пангерманский союз в зеркале прессы // Новая и новейшая история. 2013. № 5. С. 167.
- ¹⁵ РГВА. Ф. 577к. Оп. 1. Д. 218. Л. 126–340; Д. 844. Л. 178–307.
- ¹⁶ Там же. Д. 844. Л. 19–175.
- ¹⁷ Там же. Л. 57–62: Bericht... über die Sitzung des Gesamtvorstande u.a. des ADV vom 2. und 3. März 1918.
- ¹⁸ Там же. Л. 82: Bericht über die Sitzung des Geschäftsführenden Ausschusses vom 13. April [1918]; Л. 109–110: Bericht... vom 29./30. Juni 1918.
- ¹⁹ Там же. Л. 81–82, 100: Bericht... vom 13. April [1918].
- ²⁰ См.: *Eley G.* Reshaping the German Right. P. 102.
- ²¹ См.: Brauchen wir noch den Flotten-verein? // Die Flotte. 1916. № 5. S. 78–79.
- ²² См., например: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6889. Л. 1.
- ²³ Там же. Л. 4 об.
- ²⁴ Там же. Д. 2777, 2788, 7255, 7261.
- ²⁵ См.: *Сергеев Е.Ю., Улунян А.А.* Военные агенты Российской империи в Европе: 1900–1914. М., 1999. С. 158.
- ²⁶ См.: *Stegmann D.* Op. cit. S. 106–107, 495.
- ²⁷ См.: *Retallack J.* Op. cit. P. 64–66; *Stegmann D.* Op. cit. S. 504, 509, 518.
- ²⁸ РГВА. Ф. 577к. Оп. 1. Д. 219. Л. 1 об.
- ²⁹ Там же. Д. 218. Л. 4.
- ³⁰ РГВА. Ф. 577. Оп. 1. Д. 844. Л. 55: Bericht... vom 2. und 3. März 1918.

КОНЦЕПЦИЯ «ИДЕАЛЬНЫХ ТИПОВ»
МАКСА ВЕБЕРА
КАК ПОЛИДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПРОЕКТ

В статье рассматривается теория идеального типа М. Вебера как версия познания исторической реальности в эру рационализации общества рубежа XIX–XX вв. Обозначив этот период как переход науки в стадию специализации, М. Вебер предлагал конструировать «идеальные типы», используя познавательный инструментарий естественных наук, что позволяет оценивать познавательный алгоритм Вебера как полидисциплинарный проект.

Ключевые слова: Макс Вебер, концепция «идеальных типов», познание исторической реальности, полидисциплинарность.

Будучи масштабной личностью, Макс Вебер (1864–1920) является не только одной из крупнейших величин современной социологии, но и мыслителем, оказавшим концептуальное воздействие на социальные и политические науки в целом. Его перу принадлежат труды в сфере экономики, религии, философии, музыки и, конечно, исторического знания. Он заявил о себе и на политическом поприще. Почему такая обширная сфера интересов? Связана она с энциклопедическим характером мысли Вебера? На этот вопрос ответить однозначно трудно, как невозможно сказать: кем следует называть Макса Вебера? историком, философом, социологом или юристом и экономистом?¹

Широкий диапазон интересов связан с системой ценностей ученого. По Веберу, то, что считается «стоящим изучения и понимания», зависит от ориентации исследователя, от той системы ценностей, которая является его мировоззренческим фокусом. В. Моммзен отмечал, что в зрелых взглядах ученого национальное превалировало над либеральным. Вебер был очень обеспокоен раздробленностью немецкого либерализма, поэтому в его

политической системе ценностей главную роль играли нация, власть, культура² и с этих позиций он критиковал либерализм вильгельмовской Германии, и также классический либерализм. В его политической деятельности переплетались национальные и либерально-демократические начала. Он принимал активное участие в создании Веймарской республики. Вместе с Гуго Пройсом он внес серьезный вклад в подготовку Веймарской конституции, которая в значительной степени соответствовала либерально-демократическим принципам. Ум Вебера всегда искал новых решений на основе взаимодействия разных принципов. Немецкий историк, автор крупной монографии о Максе Вебере Юрген Каубе замечает, что если представить себе его наследие как единое целое, то оно в определенном отношении всегда значительнее, аргументы Вебера всегда разнообразнее, а его познания всегда более обширны³.

Деятельность Вебера как историка соответствует стремлению найти новое решение в контексте взаимодействия наук. Ученый изучал средневековую историю в университетах Гейдельберга и Берлина. В его первых работах «К истории торговых обществ в средние века» (1889), «Римская аграрная история и ее значение для государственного и частного права» (1891) намечены контуры «эмпирической социологии», тесно связанной с историей. Он связал развитие античного землевладения с социальным и политическим развитием, с формами семейной жизни, быта, нравов. Это не являлось в полном смысле междисциплинарной новацией, в таком ключе работали представители исторической школы немецкой политэкономии, и прежде всего Густав Шмоллер, оказавший сильное влияние на Вебера⁴.

Карл Маркс был для Вебера своеобразным «конституирующим другим»: свои методологические работы он воспринимал как направленные против марксистской концепции общества и истории, но так же, как Маркс, Вебер попытался создать целостную методологию изучения общества.

Вебер уже при жизни фактически стал классиком немецкой социологии, но в течение нескольких десятилетий после его смерти он был известен в Европе прежде всего как создатель концепции «идеальных типов» и социолог. На основе учения Риккерта о понятиях ученый разработал теорию «идеального типа», который представляет собой «интерес эпохи», выраженный в виде теоретической конструкции. Она необходима, чтобы выявить действительные казуальные связи и оценить исторические факты. Как в естествознании идеальная модель конструируется в качестве инстру-

мента для познания природы, так и идеальный тип – инструмент для познания исторической реальности, масштаб для соотнесения с эмпирической реальностью. Идеальный тип, по Веберу, – основное теоретическое понятие социологии, не имеющее ничего общего ни с идеалом, ни с усредненным типом. В идеально-типической конструкции ключевое слово – познание. Таким образом, можно утверждать, что она имеет непосредственное отношение к полидисциплинарному проекту. Е.Н. Князева, размышляя о соотношении междисциплинарности и полидисциплинарности, подчеркивает, что полидисциплинарным следует считать проект, который изучает объект с точки зрения разных дисциплин, но не с позиции кооперации дисциплин, как это происходит в рамках междисциплинарности. Полидисциплинарность преодолевает границы дисциплин⁵. В идеально-типической конструкции Вебера история и социология неразрывно связаны, в ней используется алгоритм познания нового, присущий естественным наукам.

Вебер исходит из того, что социология должна познавать те значения, которые люди придают своим действиям. Для этого и вводится термин *Verstehen* («понимание»), который приобретает в социологическом методе Вебера особое значение. По его мнению, все люди имеют общую человеческую природу, поэтому необходимо составить типологию различных поступков людей в их отношениях со своим социальным окружением. Любое социальное действие людей в представлении Вебера основывается на ожидании, на вероятности согласия с этими действиями других людей, т. е. на природе человека как социального существа. Он писал: «...В основе ожидания лежит возможность усредненной ориентации действий других на принятую значимость, следовательно... в той мере, в какой эти ожидания носят “легитимный” характер»⁶.

Именно потому в социальной жизни нет хаоса, который невозможно понять, так как каждый в своих действиях ориентируется на некое большинство либо социальное окружение.

В этой конструкции прослеживается новаторское движение мысли Вебера. Еще в 1904 г. на страницах журнала «Архив социальных наук и социальной политики» («*Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*») он опубликовал статью об объективности социально-научного и социально политического познания. В ней были раскрыты понятия «свободы от ценностных суждений» (*Wertfreiheit*), «ценность отношения» (*Wertbeziehung*) и «идеальный тип» (*Idealtypus*)⁷. Статья писалась Вебером в период расцвета деятельности баденской школы неокантианства, превозносившей

субъективность познания, и им была сделана гениальная попытка примирить субъективность и объективность.

Идеальными типами являлись, по его мнению, «экономический обмен», «экономический человек», «религия», «церковь», «христианство», «средневековье», «городское хозяйство», «капитализм». При конструировании идеального типа мысленно выделяются элементы действительности, но они берутся из самой действительности, это те элементы, которые представляются типическими. «Речь идет о конструировании связей, которые представляются нашей фантазии достаточно мотивированными, следовательно, “объективно возможными”, а нашему номологическому знанию – “адекватными”»⁸. Для того чтобы усмотреть действительные каузальные связи, Вебер призывал конструировать недействительные⁹. Идеальный тип близок к идеальной модели, которую создают ученые естествоиспытатели. Это сравнимо с физическими реакциями, которые вычисляются только при допущении абсолютно пустого пространства¹⁰. Как в естествознании идеальная модель конструируется в качестве инструмента для познания природы, так и идеальный тип создается как инструмент для познания исторической реальности. Таким образом, историческое познание Вебер связывал с междисциплинарными познавательными практиками. Не случайно, что понятие «идеальный тип» вводится в его первых работах по естествознанию.

Вебер выделял «чистые» идеальные типы (модели господства) и «генетические», которые отличаются по степени общности. «Генетический» тип локализован во времени и пространстве. К генетическим идеальным типам он относил, например, «средневековый город», «кальвинизм», «методизм», «культуру капитализма». Так, в работе «История хозяйства» он писал: «Если “город” в собственном значении слова представляет собой специфически европейское явление, то это, конечно, еще не исключает существенных внутренних различий между античным и средневековым городом, между городами южной и средней Европы»¹¹.

В работе «Город» ученый конкретизировал проявления идеальнотипических городских черт во времени и пространстве, уделяя пристальное внимание западному городу, родовому и плебейскому городу и античной и средневековой демократии¹². Но даже в этих описаниях градус генерализации довольно высок, что уменьшает различие между историей и социологией, заставляет признать активное использование Вебером социологического инструментария в познании истории. Так, ученый писал: «Полной противоположностью азиатскому городу является развитие города средневекового

Запада, особенно в районе севернее Альп, т. е. там, где развитие носит идеально-типический характер в чистом виде»¹³.

Как социолог, Вебер устанавливает общие правила протекания явления безотносительно к пространственно-временному определению событий. Различие условий и влияние их на протекание действий фиксируются по отклонению от идеального типа. Этот феномен отклонения от идеального типа можно проследить на примере взаимосвязи таких явлений, как свобода и протестантизм. Что происходит со свободой в локальных пространствах, где протестантизм не укоренен? «Работает» ли протестантизм как идеально-типическая конструкция в пределах такого «локального» пространства, как Россия?

В начале XX в. ученый написал важнейшие сочинения по методологии социальных наук. В 1905 г. была опубликована «Протестантская этика и дух капитализма», в 1906 г. – работы о России: «Исторический очерк освободительного движения в России и положение буржуазной демократии», «Переход России к мнимому конституционализму», напечатанные в «Архиве социальной науки и социальной политики», редактором которого Вебер являлся вместе с В. Зомбартом и Э. Яффе. В этих сочинениях стоял на позиции протестантского понимания свободы как свободы выбора и полагал, что без разрыва с традицией укоренение свободы в России невозможно. Религиозную интерпретацию свободы Вебер делает достоянием политики и исторического развития иного локального и культурного пространства¹⁴, и его концепция наталкивается на необходимость разрыва с традициями данного пространства, т. е. России, для укоренения свободы. Эта позиция Вебера до сих пор вызывает споры¹⁵.

Вебер использовал идеально-типические принципы при объяснении формирования капитализма, который связывал с «капиталистическим духом», рожденным в эпоху Реформации, когда появляется протестантизм и, по его мнению, зарождается свобода. Зрелый капитализм объективирует эту свободу в формальные и бюрократические структуры, и капитализм перестает быть способом свободного решения личности. Но свободе требуется также творческое напряжение, благодаря которому Запад являлся классической манифестацией свободы выбора и самостоятельности действия. В России в конце XIX в. капитализм утверждался вместе с процессом индустриализации, и традиции свободы выбора, присущей эпохе свободного предпринимательства, сформированы не были, поэтому веберовская оценка российских реалий может восприниматься лишь как гипотеза, что также соответствует духу идеально-типической конструкции ученого.

Социологические, религиозные подходы не просто повлияли на объяснение Вебером политических особенностей современного ему западного общества в целом, но стали основой для познания типических явлений в ином локальном пространстве и хронологическом периоде. В этом и заключается главная функция идеального типа – познание фрагментов реальности в их своеобразии. Сам же идеальный тип является лишь инструментом познания, и его ценность, по мнению Вебера, заключается в его эвристическом характере, и потому для социологии он необходим, поскольку он указывает путь к образованию гипотез.

Широкое использование Вебером идеально-типических конструкций, опирающихся на полидисциплинарный фундамент, выводит нас на общее понимание им современной науки, базирующейся на логике и методологических приемах¹⁶, практической элиминированности из научных практик субъективности и, следовательно, субъективной мотивации. С другой стороны, это противоречит высказыванию Вебера о том, что «не существует абсолютно “объективного” анализа культурных или социальных явлений, не зависящих от индивидуальных или пристрастных взглядов, в соответствии с которыми они (явления) – явно или скрыто, сознательно или бессознательно – выбираются, анализируются, организуются для их объяснения»¹⁷. Американский социолог Льюис Козер писал: «Выбор ученым конкретной проблемы и уровень научного объяснения, к которому он стремится, как утверждает Вебер, зависит от ценностей и интересов исследователя»¹⁸. Вебер поставил вопрос о взаимозависимости науки и культурного контекста. В данном случае, таким образом, речь идет не о субъективных пристрастиях того или иного ученого, но прежде всего о «духе времени»: именно он играет ключевую роль в формировании «ценностных идей» и «познавательного интереса».

В докладе «Наука как призвание и профессия», прочитанном в Мюнхенском университете зимой 1918 г., Вебер констатировал, что наука вступила в стадию специализации и поэтому «отдельный индивид может создать в области науки что-либо завершённое только при условии строжайшей специализации»¹⁹. Признавая роль специализации, учёный продолжал мыслить в контексте философских споров своей эпохи, пронизанных пиететом перед ролью субъекта в познании прошлого. Он заявлял: «Я отвергаю субъективное пристрастие именно в чисто научных интересах. Я готов найти в работах наших историков доказательство того, что там, где человек науки приходит со своим собственным ценностным суждением, уже нет места полному пониманию фактов»²⁰.

Таким образом, Вебер выступил против идеи Дильтея о вживании в историческую реальность, против противопоставления наук о природе наукам о духе. Гуманитарная наука, так же как и науки о природе, должна, по его мнению, удовлетворять требованию общезначимости, которое обеспечивается дистанцией между познающим субъектом и предметом. Такая же дистанция сохраняется Вебером и в процессе исторического познания, когда используются идеально-типические конструкции, представляющие собой в эпоху научной специализации полидисциплинарный проект. Не случайно в науковедении за Вебером закрепились слава универсального ученого, игнорирующего границы дисциплин²¹.

Примечания

- ¹ См.: *Labisch A.* Max Weber – der Historiker? Max Weber – für Historiker? Zur Geschichte / Geschichtswissenschaft in Leben und Werk Max Webers // *Medizin-historisches Journal.* 1992. Bd. 27. H. 1/2. S. 156–157.
- ² См.: *Mommsen W.* Max Weber und die deutsche Politik: 1890–1820. Tübingen, 1974. S. 90–96, 132–133.
- ³ См.: *Kaube J.* Max Weber: Ein Leben zwischen den Epochen. Berlin, 2014. S. 430.
- ⁴ См.: *Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н.* История и рациональность. М., 1991. С. 29–30.
- ⁵ См.: *Князева Е.Н.* Трансдисциплинарные стратегии исследований // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 10. С. 193–201.
- ⁶ *Вебер М.* О некоторых категориях «понимающей социологии» // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.; СПб., 2014. С. 401–402.
- ⁷ См.: *Kaesler D.* Max Weber. München, 2011. S. 62. См также: *Вебер М.* «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранное... С. 271–320.
- ⁸ *Вебер М.* «Объективность»... С. 303.
- ⁹ См.: *Weber M.* Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1951.
- ¹⁰ См.: *Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н.* Указ. соч. С. 45.
- ¹¹ *Вебер М.* История хозяйства: Город. М., 2001. С. 293.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 360.
- ¹⁴ См об этом подробнее: *Ростиславлева Н.В.* Дискурсы свободы в восприятии Вебером России в 1905–1906 гг. // Диалог со временем. 2013. № 45. С. 88–103.
- ¹⁵ См.: *Кустарев А.С.* Начало русской революции: версия Макса Вебера // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 119–130; *Он же.* Макс Вебер о модернизации

русского самодержавия // Полис. 2006. № 2. С. 66–76; *Он же*. Предисловие // О России. М., 2007; *Рахманов А.Б.* Социальная философия Макса Вебера: Мета-морфозы и кризисы. М., 2011. С. 165–192; *Davydov Ju., Gaidenko P.* Russland und der Westen. Frankfurt a/M., 1995.

¹⁶ См.: *Kaesler D.* Op. cit. S. 85.

¹⁷ *Козер Л.А.* Мастера социологической мысли: Идеи в историческом и социальном контексте. М., 2006. С. 73.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Вебер М.* Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранное... С. 529.

²⁰ Там же. С. 539.

²¹ См.: *Radkau J.* Max Weber: Die Leidenschaft des Denkens. Köln, 2013.

ВОЕННАЯ ЭЛИТА ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ О ПРОТИВНИКЕ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (на основе мемуарной литературы)

Статья посвящена анализу образа врага, сконструированного на страницах воспоминаний военной элиты Германской империи. Ее источниками являются мемуары Эриха Людендорфа, Пауля фон Гинденбурга и Альфреда фон Тирпица. На их основе изучается то, как немецкое военное командование изображало Антанту и ее членов. Особое внимание уделяется интеллектуальному фону эпохи, эмоциональному, социальному и личностному восприятию врага, особенностям образов каждого из авторов, а также способам их конструирования. В статье рассматриваются сходства и различия в образах врага у Людендорфа, Гинденбурга и Тирпица и вызвавшие их субъективные факторы. Выявляется зависимость образов от социальной принадлежности авторов к определенному сословию и роду войск.

Ключевые слова: военная элита, Первая мировая война, Германская империя, образ врага, мемуары.

Первая мировая война оставила большой след в истории. После своего окончания она была запечатлена в мемуарах многих людей. Особенно старались представители немецкой военной элиты, пытавшиеся, во-первых, оправдаться в военном поражении, а во-вторых, донести до читающей публики свое видение конфликта, в том числе и свой взгляд о противниках Германии.

К военной элите Германии, если исходить из определения понятия «элита»¹, данного социологом В. Парето², следует относить всю военную верхушку немецкой армии, включая высшее офицерство и военное чиновничество, т. е. всех тех, кто участвовал в управлении немецкими военными силами. В статье используются мемуары трех представителей немецкого военного командования времен Первой мировой войны: Эриха Людендорфа³, Пауля фон Гинденбурга⁴ и Альфреда фон Тирпица⁵. Все трое в полной мере относятся

к военной элите, так как являлись людьми, имевшими высшие воинские звания и занимавшими руководящие посты в армии и на флоте.

Наибольшее внимание вышеназванные военные деятели уделяли двум своим противникам: Великобритании и России. Традиционный главный враг Франция отошла на второй план, так как в 90-х гг. XIX в. в Генеральном штабе и во внешней политике кайзеровской Германии произошла смена приоритетов. Нарастание англо-германского антагонизма, идеологический поворот в отношении Российской империи, мнение многих тогдашних интеллектуалов об ослаблении Франции повлияли на формирование образа врага Людендорфом, Тирпицем и Гинденбургом.

Вследствие коалиционного характера войны образ врага в исследованных мемуарах был двухуровневым. Авторы отождествляли противника либо с противоборствующей коалицией в целом – Антантой, либо с каким-то отдельным противником, преимущественно с англичанами или русскими.

Сначала рассмотрим то, как они изображали Антанту. Эрих Людендорф считал ее единым, довольно слаженно работающим организмом вражеских государств, направляющим все силы на свою главную цель – уничтожение Германии. Этот противник, холодный и расчетливый, был прекрасно осведомлен о слабостях неприятеля и пользовался ими, а также не останавливался ни перед чем при достижении этой цели. Немецкий генерал писал, что Антанта «постоянно нарушала международное право»⁶ и была готова на все ради победы: он намекал, что она приложила руку к революции в России в 1917 г. Характерной чертой вражеской коалиции Эрих Людендорф считал двуличность: она, к примеру, агитировала за соглашательский мир, хотя сама его не желала. Он подразумевал под врагом Антанту при описании попыток мирного урегулирования, положения в экономике и иногда – событий на Западном фронте (когда он не различал отдельно англичан и французов).

Для Гинденбурга Антанта была некой организацией, главенствующую роль в которой играла Великобритания. Последняя, по его мнению, диктаторски относилась к своим союзникам, прежде всего к Франции, Италии и Румынии, и буквально заставляла⁷ их подчиняться своей воле⁸. Это, конечно, не отменяло общего стремления всех противников уничтожить Германскую империю. При этом, как считал фельдмаршал, всем странам-участницам Антанты был присущ ряд общих черт:

- диктатура их правительств и подавление всякого инакомыслия;
- жестокость по отношению к жителям из колоний (африканских солдат, по мнению фельдмаршала, тысячами вели на бойню);

- холодность и расчетливость (они видели, что происходит внутри Германии, и пользовались полученной информацией);
- использование нечестных приемов борьбы, например подкупа.

В этом образ Антанты Гинденбурга схож с людендорфовским: они оба писали об одних и тех же вещах.

Гросс-адмирал Альфред фон Тирпиц считал Антанту результатом английской политики окружения, направленной против Германии. Политическим и военным мозгом вражеской коалиции для него была Великобритания, и в этом он был согласен с Гинденбургом. Методы борьбы против немцев – вооруженную борьбу, голод, интернирование, грабеж торговых судов и пропаганду – немецкий военный деятель называл «преступлением над духом гуманности»⁹. Взгляды Тирпица на цели противника сходились с взглядами Людендорфа и Гинденбурга. Он тоже считал, что Антанта хочет уничтожить Германию¹⁰.

Рассмотрим персонифицированный образ врага – образ русских, британцев, французов и др.

Перед подробной остановкой на образе британцев, созданном представителями военной элиты Германской империи, следует обратиться к тем идеям, которые оказали непосредственное влияние на его формирование. Как отмечают исследователи¹¹, Британия стала изображаться расчетливой, капиталистической, индустриальной, пуританской, империалистической и меркантильной страной, больше схожей с Францией, начиная с середины XIX в. В 70-х гг. того же века Густав фон Трейчке пришел к мысли о разграничении англо-саксонской и тевтонской культур и сконцентрировался на разоблачении высокомерия, бесчеловечности, лицемерия и эгоистичного материализма британской внешней политики. Также распространялись идеи о народном духе, противопоставляемом техногенной цивилизации. В конечном счете произошло оформление идеологического противостояния с Англией, которая стала отождествляться с рациональным, механистическим и индивидуальным (последнее в свете идей о народном духе и народном единстве имело крайне отрицательный оттенок). Макс Вебер и Эрнст Трольч выдвинули идею о том, что дух капитализма был характерной чертой английской жизни¹². Непосредственно перед Первой мировой войной очень широкое распространение получили представления Вернера Зомбарта о противостоянии торгашей (под которыми подразумевали англичан) и героев (т. е. немцев).

Представления о Великобритании как о механистическом и рациональном противнике, нашли свое отражение в образе врага

Эриха Людендорфа. Он рисовал британцев жестокими и расчетливыми и не жалел для этого красок. В результате у немецкого генерала получился бесчеловечный и холодный монстр, этакий безжалостный интеллект. Людендорф считал, что Англия стремилась экономически уничтожить и обессилить Германию. «Немедленно после начала войны Англия начала против Германии и Австро-Венгрии голодную войну мероприятиями, противоречащими международному праву. ...Англия действовала с бесперывной последовательностью, как это часто бывало в ее жестокой истории»¹³ – писал он. Этот образ врага касается не простых солдат, а политического руководства. Об английских солдатах немецкий генерал практически не упоминал.

Идеи о духе капитализма как о характерной черте британцев и их жизни проявились в образе врага, сконструированном Альфредом фон Тирпицем и Паулем фон Гинденбургом. В представлении первого британская политика была «пуритански-фарисейской и практически-утилитарной» и подчинялась интересам «англо-саксонского капитала»¹⁴. Англичан гросс-адмирал считал «торговым народом», действующим исключительно в своих интересах. Британия, по его мнению, использовала другие страны для достижения своей цели. Пример – использование России как «парового катка» в борьбе с Германией. Принципиальность Англии в Первой мировой войне Тирпиц объяснял тем, что «раз уж Англия пошла на такое гигантское напряжение сил, ставившее под угрозу ее собственное экономическое положение, то она желала получить за это гигантское вознаграждение и на целые столетия избавить себя от страха перед возрождением германского народа»¹⁵. Гинденбург изображал англичан думающими только о своем благополучии, так как они были готовы стерпеть любые лишения во время войны, только чтобы разбогатеть после нее. Писал он и о наличии в английском обществе «экономического эгоцентризма»¹⁶. По его мнению, англичане задумались о мире, только если бы посчитали, что война им дорого обходится. В этих определениях хорошо отражаются также идеи о том, что английская нация – нация торгашей. Помимо этого Гинденбург обратил внимание и на британскую армию. К ней он относился с некоторым снисхождением, указывая на многие ее недостатки: например слабое командование и неповоротливость в бою. К достоинствам английской армии фельдмаршал относил невероятное упорство английских солдат и очень хорошую дисциплину.

Образ русских конструировался на основе других идей. Изображение немцами России в начале XX в. было очень политизи-

ровано, что являлось следствием огромного вклада политических элит в его формирование¹⁷. Правда, в Германии отсутствовал единый образ России. Были отдельные образы у образованного бюргерства, социал-демократов, национал-империалистов. Даже в среде военной элиты существовало два взгляда на Российскую империю: прусский (основанный на взаимном стремлении к консерватизму и аллюзиях с событиями 1813 г.¹⁸) и южногерманский (сочувствующий традиционной австрийской неприязни к русским конкурентам на Балканах)¹⁹. Для милитаризованных дворянства и буржуазии был характерен национал-империалистический²⁰ образ России. Именно он очень хорошо был отражен в образе русского врага Людендорфа и Гинденбурга. Для него характерны самодовольная и пренебрежительная интерпретация разных уровней развития двух стран и предположение о превосходстве немцев в политической, экономической, военной и духовной сферах.

Наиболее ярко влияние национал-империалистических представлений о России на конструирование образа врага выражено в воспоминаниях Эриха Людендорфа. В его образе русских превалирует категория противопоставления «варварство – цивилизация». Выходцу из Пруссии – Людендорфу, по всей видимости, был чужд довоенный прусский образ Российской империи. Это объясняется недворянским происхождением генерала и его националистическими взглядами. Он представил русских как в высшей степени варварский и некультурный народ, а их государство – варварской, отсталой от цивилизованного мира деспотией, колоссом на глиняных ногах²¹. Русскую армию Людендорф описывал как плохо обученную, берущую скорее количеством, чем качеством. Несмотря на то что Ренненкампф поддерживал дисциплину в своих войсках во время оккупации Восточной Пруссии, там, по мнению немецкого генерала, все же наблюдались «бесконечное ожесточение и большие ужасы»²². Воплощением варварства для Людендорфа были казаки. Он писал: «Казаки свирепы и дики, они жгли и грабили»²³. К свидетельствам варварства русских относится и описание отхода русской армии из Польши в 1915 г. Русские, по словам немецкого генерала, жгли селения и продовольствие, угоняли с собой скот, а затем «позволяли ему дохнуть по большим дорогам»²⁴. Увлекаемое за собой население, если оно мешало отступлению, сгоняли с дорог в болото. Помимо этого Людендорф указывал и на низкий уровень культуры врага. Оставленный русскими в 1914 г. Норденбург²⁵ был, по его свидетельствам, очень загрязнен, помещения – тошнотворно запачканы, а рынок полон нечистот. К послереволюционной армии немецкий генерал относился с неким пренебрежением: она сильно

изменилась, подверглась революционному разложению и уже не представляла прежней опасности. С этого момента к образу России и русских добавились политические и антибольшевистские нотки, так как идеология большевиков была крайне далека от идеологии немецких военных элит.

Квинтэссенцией национал-империалистической интерпретации России и ее довоенного прусского образа является описание врага Паулем фон Гинденбургом. Он, как и Эрих Людендорф, считал Российскую империю «неповоротливым колоссом», который «удушающим ярмом висел на шее всего европейского и азиатского мира»²⁶. Русские солдаты в его представлении в основной своей массе отличались недалекостью и плохой обученностью. Также мнения фельдмаршала и его помощника сходились насчет казаков и русской культуры. Первые виделись Гинденбургу «распространителями озверелой дикости»²⁷, а о второй он писал как о недокультуре (нем. *Halbkultur*), для которой были характерны грязь и ничем не заглушаемый запах нечистот. Но мы можем также видеть и совершенно другие суждения о русских. В частности Гинденбург писал о «великолепном солдатском материале, среди которого без сомнения были способные элементы»²⁸, и считал, что русских нельзя недооценивать:

По моему мнению, это было неправильно, видеть в России только деспотизм и рабство, нерасторопность, тупость и корысть. Также там, конечно, только отдельным кругам, были присущи сила и высокий моральный дух. Любовь к родине, самостоятельная воля, работоспособность и дальновидность были не совсем чужды сухопутным войскам²⁹.

И все же даже эти суждения проникнуты национализмом и ощущением превосходства над восточным соседом: почти сразу же Гинденбург добавлял, что русским не хватало величия человеческих и духовных качеств, так почитаемых в Германии.

По сравнению с двумя предыдущими военными деятелями Германской империи, Альфред фон Тирпиц, внимание которого полностью поглощено Великобританией, был немногословен, говоря о русских. Российская империя в его представлениях отождествлялась с царизмом и панславизмом и виделась огромной массой, которая должна была задавить Германию³⁰. Прямого обозначения ее как варварской деспотии или колосса на глиняных ногах в воспоминаниях Тирпица нет.

Сведения об остальных противниках Германской империи, содержащиеся в воспоминаниях представителей военной элиты этой

страны, являются слишком малоинформативными и незначительными. Это скорее заметки, чем сконструированный образ врага. Даже французы – противник Германии начиная с Наполеоновских войн – были проигнорированы вышеназванными немецкими военными деятелями. Незначительные заметки о французских войсках есть только в воспоминаниях Пауля фон Гинденбурга. К ним у него не было явного пренебрежения. К преимуществам французской армии фельдмаршал относил ее подвижность, а к недостаткам – плохую стойкость в обороне³¹. Также он выделял французскую артиллерию, которая воспринималась немцами как опаснейший противник, чего, по его мнению, нельзя было сказать о пехоте. Также Гинденбург отмечал, что качество войсковых соединений было разным – все зависело от области, из которой шло пополнение.

Невнимание Альфреда фон Тирпица к западному соседу можно объяснить тем, что гросс-адмирал, как представитель морских кругов военной элиты, считал главным врагом отнюдь не Францию или Российскую империю. Он не уделял внимания странам, делающим упор на сухопутные силы. С Эрихом Людендорфом все гораздо сложнее: генерал сухопутной армии не останавливался особо на образах французов или американцев. Его отношение к ним было несколько пренебрежительное, даже при описании событий второй половины 1918 г. Он, например, объяснял успехи американцев в одном из сражений только тем, что немецкие войска сплеховали. Это можно объяснить несколькими факторами:

- войскам Антанты, несмотря на численное превосходство, не удалось за 4 года войны (за исключением финального наступления) более-менее серьезно поколебать немецкий фронт, поэтому отношение к ним было соответствующим;
- для Людендорфа как для офицера немецкого Генерального штаба 1900-х гг. самым важным врагом была Российская империя. Отсюда пониженный интерес к англо-американско-французским войскам и повышенный – к русским.

Сведения об Италии, Румынии, США или Греции весьма скудны и зачастую содержатся в воспоминаниях только одного, а реже – двух из трех рассматриваемых нами авторов. Исключением являются США: все трое отмечали, что Штаты с самого начала войны придерживались проанглийской позиции. На это, по мнению Людендорфа, Гинденбурга и Тирпица, указывало то, что Америка из-за англо-саксонского родства³² с Англией сквозь пальцы смотрела на морскую блокаду Центральных держав. Также Людендорф и Тирпиц указывали на тесные экономические связи между США и Антантой. Ставший очень большим за время войны долг послед-

ней, по мнению Эриха Людендорфа, сделал невыгодным для Америки ее поражение, что также предопределило вступление заокеанской державы в войну.

Румынам и итальянцам уделил свое внимание только Пауль фон Гинденбург. Итальянцы виделись ему не особо опасным противником, а Италию он изображал некой жертвой англичан, оказывавших на нее огромное экономическое давление. Итальянскую армию фельдмаршал называл слабой и неготовой к войне³³. Настрой у итальянцев практически отсутствовал, а заключить мир они не могли³⁴. Но руки они не опускали – их манили перспективы огромных послевоенных приобретений. Что касается вступления Италии в войну на стороне Антанты, а не Тройственного союза, то для немцев это не было неожиданностью. Пауль фон Гинденбург писал, что помощь Италии казалась ему сомнительной, правда, по причине слабости ее армии. Эрих Людендорф тоже не удивлялся этому, но расценивал поступок несостоявшейся союзницы как нарушающий «известные заповеди этики»³⁵. На фоне итальянцев румыны выглядели в глазах фельдмаршала Гинденбурга более грозно: они были готовы к войне и поддерживались русскими. Однако низкая мобильность армии и слабо ориентирующееся в ситуации командование показали немцам, что бояться им было нечего. Остальных противников Германской империи генерал Людендорф, фельдмаршал фон Гинденбург и гросс-адмирал фон Тирпиц только упоминали.

Аналитическое изучение мемуаров данных представителей военной элиты Германской империи позволяет установить, что образы врага у Эриха Людендорфа, Пауля фон Гинденбурга и Альфреда фон Тирпица обладали целым рядом сходств. Во-первых, все трое были едины в представлениях о главной цели противника. Во-вторых, они относились к Англии как к главному (в случае Людендорфа – одному из главных) противнику и изображали ее как рационально-холодного и крайне жестокого врага. В-третьих, их образы врага являются двухуровневыми. В-четвертых, Людендорф, Гинденбург и Тирпиц использовали при конструировании образа врага антитезу «цивилизация – варварство». Принадлежность к командованию сухопутной армии Людендорфа и Гинденбурга определила их повышенное внимание к Российской империи. Представитель военно-морских кругов Альфред фон Тирпиц обращал свое внимание прежде всего на Великобританию. Его образ англичан, как и гинденбургский, во многом находится под влиянием идеи о войне между торговцами и героями. Эрих Людендорф и Альфред фон Тирпиц в своем описании противника очень

категоричны и эмоциональны, в отличие от выходца из дворянской среды Пауля фон Гинденбурга, соблюдавшего дворянский политес.

Способы конструирования образа врага у всех троих военных деятелей вполне традиционны: сравнение противника с собой, приписывание ему варварской сущности и т. д. Эти образы являются синхронными, т. е. сконструированными непосредственно во время войны. Военная элита Германской империи была лишена постоянного личного контакта с противником, поэтому материал для своих конструкций она черпала в немецкой прессе. Однако ее представления не были полным отражением тех идей, так как собственный военный опыт, происхождение и принадлежность к определенному роду войск накладывали отпечаток на конструирование образа противника.

Примечания

- ¹ Элита, согласно определению Вильфредо Парето, это класс, в который входят все люди, имеющие высший показатель в своей области деятельности.
- ² См.: *Парето В.* Компендиум по общей социологии / Пер. с итал. А.А. Зотова; науч. ред. М.С. Ковалева. М., 2007. С. 308.
- ³ Людендорф был начальником штаба сначала 8-й армии, а потом всего Восточного фронта (1914–1916 гг.), затем первым генерал-квартирмейстером (1916–1918 гг.), генералом по званию.
- ⁴ Гинденбург занимал должность командующего 8-й армией и позже Восточным фронтом (1914–1916 гг.), а также начальника Генерального штаба в 1916–1918 гг., и был фельдмаршалом.
- ⁵ Тирпиц был статс-секретарем имперского морского министерства в 1897–1916 гг. и имел звание гросс-адмирала.
- ⁶ *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг.: В 2 т. / Пер. с 5-го нем. изд. под ред. А. Свечина. М., 1923–1924. Т. 2. С. 11–12.
- ⁷ Это в большей степени относится к Италии и Румынии. Гинденбург писал, что если бы Италия когда-нибудь выразила намерение заключить мир без согласия на то Британии, то та бы быстро ее усмирила, заставив голодать.
- ⁸ См.: *Гинденбург П. фон.* Воспоминания. М., 2013. С. 144.
- ⁹ См.: *Тирпиц А. фон.* Воспоминания / Пер. с нем. В.Я. Голанта под ред. проф. адмирала В.А. Алафузова. М., 1957. С. 301.
- ¹⁰ Там же. С. 345.
- ¹¹ См.: *Hewitson M.* Germany and the causes of the First World War. N.Y., 2004. P. 51–52.
- ¹² См.: *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 44–271; *Troeltsch E.* Protestantisches Christentum und Kirche in der Neuzeit. Berlin, 1906.

- 13 *Людендорф Э.* Указ. соч. Т. 1. С. 175.
- 14 *Тирпиц А., фон.* Указ. соч. С. 308.
- 15 Там же. С. 310.
- 16 *Гинденбург П., фон.* Указ. соч. С. 244.
- 17 См.: *Ветте В.* Россия в представлениях немцев в XX веке // Россия и Германия: Сб. статей. Вып. 1. М., 1998. С. 227.
- 18 Имеется в виду Заграничный поход русской армии и «освобождение» Европы от Наполеона.
- 19 *Ланник Л.В.* Германская военная элита периода Великой войны и революции и «русский след» в ее развитии. Саратов, 2012. С. 346.
- 20 Присущий национал-империалистам.
- 21 Понятие «колосс» Э. Людендорф применял по отношению к России в тексте своих мемуаров.
- 22 *Людендорф Э.* Указ. соч. Т. 1. С. 59.
- 23 Там же. С. 60.
- 24 Там же. С. 123.
- 25 Современный поселок Крылово Калининградской обл. РФ.
- 26 *Гинденбург П., фон.* Указ. соч. С. 213.
- 27 *Hingenburg P. von.* Aus meinem Leben. Leipzig, 1920. S. 89.
- 28 Ibid. S. 85.
- 29 Ibid. S. 120–121.
- 30 Именно в таком смысле Тирпиц говорит о Российской империи как о «паровом катке».
- 31 См.: *Гинденбург П., фон.* Указ. соч. С. 254.
- 32 Большинство жителей США были потомками выходцев из Великобритании.
- 33 См.: *Hindenburg P., von.* Op. cit. S. 73.
- 34 Причины, которые приводил Гинденбург, были описаны выше.
- 35 *Людендорф Э.* Указ. соч. Т. 1. С. 53.

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ РЕЙХСФЮРЕРА СС

В статье рассматривается вопрос о роли историков в национал-социалистическом обществе и государстве на примере работы исторической комиссии рейхсфюрера СС. Большое внимание уделяется целям и задачам, поставленным перед комиссией, в рамках политических процессов, как предшествовавших, так и следовавших за аншлюсом Австрии. Отдельно рассматривается роль профессиональных историков в работе исторической комиссии, их цели, задачи, а также результаты их работы.

Ключевые слова: национал-социализм, наука, история, историческая комиссия, аншлюс.

Вопрос о роли историков и исторической науки в условиях национал-социализма неоднократно поднимался в научных кругах Германии и частично в отечественной историографии. Мнения о непричастности или же, наоборот, о пособничестве нацистскому режиму интеллектуальной элиты были тесно связаны с попыткой понимания задач, которые были поставлены перед историками в этот период или же, наоборот, отсутствию таких задач¹.

Анализируя происходившие в те годы процессы, Фриц Рингер отмечал, что «интеллектуальная традиция мандаринов» начала рушиться уже в начале 30-х годов, когда в университетах «все чаще мелькали коричневые рубашки и свастики». А после 1933 г. тенденция лишь усилилась и разделение в интеллектуальной среде, в том числе и среди историков, стало еще более значительным. Часть исследователей просто покинули страну, не находя себе места при новой власти и не желая мириться с ее антисемитизмом и антимодернизмом. Другая часть в той или иной степени смирилась с новым режимом, возможно, считая, что сможет сделать что-то хорошее и в этой обстановке, как, например, Мюллер, возглавивший

в 1935 г. журнал «Historische Zeitschrift» после отставки Мейнеке. Но была и иная часть интеллектуальной элиты, которая не только радовалась устранению «представителей негерманского направления», но и полностью перешла в лоно национал-социалистической элиты, образовав новые исследовательские институты и выполняя новые функции².

И в данном случае одним из наиболее ярких примеров, когда профессиональные историки не просто приняли новую идеологию, но и выполняли государственный заказ в определенных политических целях, является дело «Исторической комиссии рейхсфюрера СС». Этот малоизученный процесс тесно связан с политическими событиями в Австрии в период 1934–1938 гг. и поэтому не может быть рассмотрен вне исторического контекста.

Существование Австрии как независимого государства в период между двумя мировыми войнами всегда оставалось под вопросом. Небольшая, зажата в Альпах между Германией и Италией немецкоговорящая Австрия находилась в состоянии перманентной политической нестабильности с того момента, как международное сообщество отклонило ее предложение о присоединении к близкой по духу Германии в 1918–1919 гг.³ Череда экономических неудач – сначала серьезная инфляция, а затем и дефляция – привели к глубокой депрессии как в экономической, так и политической жизни государства. Напряженность в стране в итоге вылилась в открытые столкновения на улицах и установление авторитарной диктатуры христианского социалиста Энгельберта Дольфуса⁴. Жестокое подавление рабочих выступлений, объявление социалистов вне закона, роспуск парламента, упразднение выборов и введение новой конституции – все это ознаменовало новый, пусть и краткосрочный, период австрийской истории, который позже получит название «австрофашизма»⁵.

Однако стабилизация внутривнутриполитической обстановки была краткосрочной. Находившаяся в сфере интересов Германии Австрия в глазах руководства Рейха не имела права на независимое существование. Объединение всех немцев в рамках одного государства было неоднократно зафиксировано – не только значилось первым пунктом в программе НСДАП⁶, но и было отражено в текстах А. Гитлера. Таким образом, вопрос о том, когда будут предприняты решительные шаги по осуществлению этих планов, был лишь делом времени.

Национал-социалистический путч в Австрии начался вечером 25 июля 1934 г. при участии отрядов 89-го штандарта СС. Переодетые в австрийскую форму члены СС ворвались в федеральную

канцелярию и убили канцлера. Следующим шагом путчистов стал захват располагавшейся неподалеку радиостанции, после которого они объявили, что Энгельберт Дольфус подал в отставку. Путч проводился хаотично, без должной подготовки и координации действий⁷. Поэтому спустя короткое время он был ликвидирован новым правительством под руководством Курта фон Шушнига⁸.

Последствия путча сильно осложнили взаимоотношения между Австрией и Германией. В сложившейся ситуации наиболее логичным решением стало назначение на пост полномочного представителя в Австрии Франца фон Папена. Впоследствии он так вспоминал телефонный разговор между ним и Гитлером:

Гитлер пустился в пространные объяснения: убит австрийский канцлер Дольфус и Муссолини стягивает свои дивизии к перевалу Бреннер, германский посол в Вене повел себя совершенно недопустимо и должен быть судим военным трибуналом. Короче говоря, я оказывался единственным человеком, кто был в состоянии урегулировать эту ужасающую, опасную ситуацию⁹.

Однако назначение Папена вовсе не означало отказ от предшествующей политики и полную перезагрузку отношений. Руководство Германии по-прежнему продолжало рассматривать как мирный, так и военные планы аншлюса Австрии¹⁰.

Миссия Франца фон Папена была успешной и уже спустя два года привела к заключению австро-германского соглашения. С одной стороны, это соглашение формально снимало притязания Германии на аншлюс Австрии, а с другой – привело к амнистии всех политических заключенных, которые снова включились в активную политическую борьбу¹¹. Активные действия Папена внутри страны и германских дипломатов на внешнеполитической арене позволили усилить давление на австрийского канцлера.

После предъявленного в Бертехсгадене Курту Шушнику ультиматума (позднее в своих мемуарах он вспоминал, что его фактически вынудили подписать это соглашение¹²) развернулась драматичная в прямом и переносном смысле кампания по аншлюсу Австрии, которая, несмотря на всю ее рискованность, окончилась успехом.

Согласно ультиматуму власть в Австрии фактически передавалась национал-социалистам, а ставленник Гитлера – Артур Зейс-Инкварт становился министром внутренних дел. Однако Шушник попытался восстановить контроль над ситуацией и объявил в Австрии референдум, где сам предлагал гражданам решить судьбу Австрии. Гитлер, в свою очередь, потребовал отставки Шушнига и назначения

Зейс-Инкварта канцлером. И после принятия президентом Австрии соответствующего решения немецкие войска пересекли границу.

Франц фон Папен, будучи противником силового решения проблемы, отмечал:

Вопреки моим опасениям не было сделано ни единого выстрела, и германскую армию встречали ликованием и букетами цветов. Хотя методы Гитлера являются позором нашей истории, в тот момент их заслонил необычайный энтузиазм, с которым большинство австрийцев приветствовало акт объединения¹³.

И если политические проблемы Австрии и Германии ушли в прошлое, то следом за их уходом появилось огромное количество проблем, связанных с интеграцией Австрии в Германский рейх. В первую очередь это касалось законодательства, изменения политической и административной системы, а также экономической составляющей. Однако наблюдались иные аспекты интеграции, которые были, во-первых, не столь масштабны, во-вторых, не столь заметны. Одно из них – расследование и обобщение информации о событиях в Австрии, касающихся путча национал-социалистов в 1934 г. и роли Курта фон Шушнига в его подавлении. Именно этими вопросами в первую очередь и должна была заняться специально созданная «Историческая комиссия рейхсфюрера СС»¹⁴.

Решение о создании данной комиссии было принято в 1938 г. Она должна была заняться «подбором документов по обвинению австрийскими властями национал-социалистов за участие в путче 1934 г.», а также принять участие в расследовании «уголовных преступлений правительства Дольфуса».

Необходимо отметить, что «Историческая комиссия рейхсфюрера СС» состояла из двух частей: самой комиссии и так называемых рабочих команд. Членами комиссии были высокопоставленные чиновники Третьего рейха, а ее работу курировал лично рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. В середине 1939 г. всем ее членам были разосланы типовые письма-уведомления об окончании работы «Исторической комиссии рейхсфюрера СС». Все эти письма были следующего содержания:

Согласно отчетам венских рабочих команд деятельность исторической комиссии рейхсфюрера СС завершена. После того как со стороны фюрера поступило указание не подвергать пересмотру внутривнутриполитические события в Австрии до марта 1938 г., необходимо признать все задачи комиссии успешно выполненными. Запланированная

заключительная конференция комиссии, таким образом, становится неактуальной.

Один экземпляр оперативных документов рабочей команды находится в распоряжении комиссии и будет предоставлен нами г. оберфюреру Штайнхойзлю (Вена) с просьбой о передаче штурмбаннфюреру Штайнеру, СС-Главк в Берлине.

Выражаю вам особую благодарность за вашу всеобъемлющую помощь, особенно венской рабочей группе комиссии, и готовность к сотрудничеству¹⁵.

Подобные письма получили: штурмбанфюрер СС Кегель, оберштурмбанфюрер СС Хубер, группенфюрер СС Кальтенбрунер, оберфюрер СС Мюллер, оберфюрер СС Штайнхойзль, оберфюрер СС Шталекер и др. При этом Макс Кегель в разное время был комендантом таких концентрационных лагерей, как Равенсбрюк, Майданек и Флоссенбург. Показательна также карьера и Эрнста Кальтенбрунера. Он принимал непосредственное участие в событиях 1934 г. в Австрии и приговорен к 6 месяцам тюремного заключения за государственную измену. После аншлюса Кальтенбрунер стал начальником главного управления имперской безопасности СС и статс-секретарем имперского министерства внутренних дел Германии¹⁶. Таким образом, в состав комиссии входили высокопоставленные чины СС и Германии, что может свидетельствовать о высокой важности стоящих перед ней задач.

Весьма интересен состав так называемых «рабочих команд». В них принимали участие как профессиональные историки, так и члены СС. При этом необходимо отметить весьма любопытный факт: часть историков – членов «рабочих команд», – помимо научных степеней, имели и звания СС. Например: унтерштурмфюрер СС доктор Россберг, унтершарфюрер СС доктор Вольф, обершарфюрер СС Патцшке, унтершарфюрер СС Райсман, а также шарфюрер СС доктор Вонах¹⁷.

Каких-либо точных данных о распределении задач внутри самих рабочих команд не сохранилось. Однако при составлении запросов на выдачу средств, которые зачастую оформлялись Патцшке¹⁸, «рабочие команды» упоминались, например, как «команда шарфюрера СС др. Вонаха» (*Das Kommando des SS-Scharfuhrers Dr. Vonach*)¹⁹. Косвенным образом это может свидетельствовать именно о распределении нагрузки и зон ответственности в команде. Иначе говоря, вся работа той или иной команды строилась вокруг деятельности профессионального историка, в то время как остальные ее члены выполняли вспомогательную работу.

При этом весьма интересной является личность доктора Россберга, имя которого часто фигурирует в документах. Однозначно идентифицировать его весьма сложно, но есть все основания полагать, что доктор Россберг, принимавший участие в работе «Исторической комиссии рейхсфюрера СС», является также автором монографии «Масонство и политика в эпоху Французской революции»²⁰. Последний был профессором и доцентом прусской педагогической академии (1926–1933), сотрудником Высшей педагогической школы (1933–1941), и погиб в 1943 г. на Восточном фронте²¹.

Результатом почти двухгодичной работы «Исторической комиссии рейхсфюрера СС» стал целый ряд документов. Во-первых, летом 1939 г. была составлена «Историческая справка о путче австрийских национал-социалистов в июне 1934 г.», во-вторых, «Заключительный отчет о деятельности Исторической комиссии», в-третьих, ряд научных исследований: «История развития политического развития Австрии с 1918 по 1934 г.» в двух частях²², а также объемный труд «Путч австрийских национал-социалистов в июле 1934 г.»²³.

Дальнейшая судьба всех этих книг остается для нас неизвестной. Но если обратить внимание на перечень переданных в архив КГБ материалов²⁴, а также состав комиссии и рабочих команд, то можно сделать ряд предварительных выводов.

Во-первых, «историческая комиссия» решала скорее практические задачи, помогая или же, наоборот, принимая непосредственное участие в сборе документов о попытке переворота в 1934 г. и сопутствующих событиях в Австрии. И если бы не решение фюрера «не подвергать пересмотру внутривнутриполитические события Австрии до марта 1938 г.», то, возможно, итоговое заседание комиссии и озвученные на нем итоги работы могли бы стать причиной для политического преследования многих австрийцев.

Во-вторых, судя уже по непосредственным результатам работы рабочих групп и самой комиссии, решались и общие вопросы изучения государственного развития Австрии в послевоенное время. Однако сложно поверить, что и эти материалы носили исключительно научный характер и не могли быть использованы в каких-либо политических и иных целях.

Таким образом, можно сделать вывод, что в случае с «Исторической комиссией рейхсфюрера СС» профессиональные историки выступали лишь непосредственными исполнителями. Не приходится говорить о какой-либо их определяющей роли в этом процессе: его инициации, постановке целей и задач, определении вектора развития. Тем не менее на примере деятельности «Исторической комиссии рейхсфюрера СС» перед нами со всей полнотой раскры-

ваются возможности применения истории как исключительно практической дисциплины в условиях национал-социализма. Речь идет уже не столько о каких-либо масштабных задачах вроде воспитания будущих поколений, о которых упоминал, например, Э. Крик²⁵, но о более практических: сборе информации, подготовке справок, исследований, монографий по интересующим власть вопросам. И степень применения этих документов политиками и руководством национал-социалистической Германии могла быть крайне широкой: от подготовки репрессий в отношении бывшего руководства Австрии²⁶, до выработки определенных решений по управлению «новыми» территориями Рейха, исходя из сложившихся особенностей их развития.

Примечания

- ¹ См.: Хряков А. Историки при национал-социализме: жертвы, попутчики или преступники? // Новое литературное обозрение. 2005. № 74. С. 47–66.
- ² См.: Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. М., 2008. С. 521–530.
- ³ См.: Панен Ф. Вице-канцлер Третьего Рейха. М., 2005. С. 340–342.
- ⁴ См.: Эванс Р. Третий Рейх: Дни Триумфа. М., 2011. С. 671–672.
- ⁵ На данный момент этот термин прочно вошел в научный оборот. Наиболее полно специфику австрофашизма в своих работах раскрывают Эммерих Талос, Стефан Нойхойзер, Ганс Шафранек, Луциан Мэйзелс и др.
- ⁶ Двадцать пять пунктов // Хронос. Всемирная история в Интернете. [Электронный ресурс] URL: http://www.hrono.ru/dokum/192_dok/19200224punkt.php (дата обращения: 10.10.2015).
- ⁷ Находившиеся в Австрии отряды СА наотрез отказались помогать путчистам – членам СС. В то же самое время в ряде регионов, где инициаторами переворота выступали руководители местных подразделений СА, бездействовали отряды СС. Возможно, это было вызвано событиями «Ночи длинных ножей» в Германии и ее последствиями, когда за короткий промежуток времени все руководство СА было нейтрализовано при активном участии или даже с подачи руководства СС.
- ⁸ См.: Эванс Р. Указ. соч. С 673; Ширер У. Взлет и падение Третьего Рейха: В 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 405.
- ⁹ Панен Ф. Указ. соч. С. 334.
- ¹⁰ Там же. С. 336–338.
- ¹¹ См.: Schuschnigg K., von. Austrian Requiem. L., 1947. P. 16–17.
- ¹² Ibid. P. 20–32.
- ¹³ Панен Ф. Указ. соч. С. 434.

- ¹⁴ Сведения о создании, деятельности и итогах работы данной комиссии собраны в рамках одного из фондов РГВА (Ф. 701 К.). Однако необходимо отметить, что в 1964 г. часть дел была передана в архив КГБ. Таким образом, была нарушена целостность фонда, а ряд материалов извлечен из открытого доступа. Однако сохранившиеся подробные описи переданных дел, а также ряд фотокопий отдельных документов дают представление об их содержании.
- ¹⁵ РГВА. Ф. 701 К. Д. 19.
- ¹⁶ См.: Кто был кто в Третьем рейхе: Биографический энциклопедический словарь. М., 2003.
- ¹⁷ РГВА. Ф. 701 К. Д. 15.
- ¹⁸ Гельмут Патцшке вступил в партию и СС в 1933 г., а уже в 1934 г. был переведен в СД. Позже сменил свою фамилию на Рейнард (Reinhard). В период войны он возглавлял айнзацгруппу в Норвегии. В период с января 1942 г. по февраль 1945 г. он занимал пост главы гестапо Норвегии.
- ¹⁹ РГВА. Ф. 701 К. Д. 15.
- ²⁰ *Rosberg A. Freimaurerei und Politik im Zeitalter der Französischen Revolution.* Berlin, 1942.
- ²¹ См.: *Gerd S., Hachmeister L., Junghaus G., Schermaul U. Zur Wissenschaftspolitik des Sicherheitsdienstes der SS im Jahr 1942 // Eberhard Karls Universität Tübingen. [Электронный ресурс] URL: <http://homepages.uni-tuebingen.de/gerd.simon/SDHSpol42.pdf> (дата обращения: 10.10.2015).*
- ²² РГВА. Ф. 701 К. Д. 25, 26.
- ²³ Там же. Д. 24.
- ²⁴ Следующие дела были переданы в архив КГБ до 1964 г.: «Переписка рейхсфюрера СС Гимmlера с начальником полиции безопасности Гейдрихом, начальником Главного управления СД и другими о работе Исторической комиссии и комитета по расследованию уголовных преступлений правительства Дольфуса», «Переписка с управлением безопасности о работе комиссии, о подборе документов к обвинению Шушнига в государственной измене; с министром юстиции Гюргинером о подборе документов по обвинению австрийскими властями национал-социалистов за участие в путче 1934 г.», «Переписка Главного управления безопасности Германии с рейхсфюрером СС и Венской государственной полицией о создании «Исторической комиссии рейхсфюрера СС», об издании «Белой книги», о развитии австрийского национал-социалистического движения».
- ²⁵ См.: *Бурашников Д.А.* Историческое знание в контексте национал-социалистической идеологии на примере творчества Эрнста Крика // Вестник РГГУ. 2014. № 13 (135). Серия «Исторические науки. Всеобщая история». С. 146–156.
- ²⁶ Сам Курт Шушниг после событий 1938 г. был арестован. Некоторое время находился под домашним арестом, затем был узником гестапо, а с 1941 по 1945 гг. содержался в различных концлагерях: Дахау, Заксенхаузен, Флоссенбург.

Abstracts

O. Aurov

“CAPITAL AND MOTHER OF THE OTHER CITIES OF ANDALUCÍA”: CAPTURE OF CORDOBA BY FERNANDO III THE SAINT IN THE MIRROR OF ALFONSO THE WISE’S “ESTORIA DE ESPANNA”

The article is devoted to analyse the influence of medieval historiography written in vernacular languages upon forming negative visions of Islam in the Latin Europe. The author emphasizes that such works had the greater audience than Latin texts, which were aimed at onky educated clergymen. The article contents a Russian translation of the cap. 1046 of the “Estoria de Espanna” (First general chronicle), which describes the capture of Cordoba by the army of Fernando III the Saint (1217–1252) the king of Castile and Leon in 1236.

Key words: Islamophobia, xenophobia, negative stereotypes, medieval chronicles, Reconquest, Castile and Leon, Alfonso X, political propaganda.

E. Balushkina

REPRESENTATION OF THE “ENEMY” CATEGORY IN REVOLUTIONARY POLITICAL DISCOURSE OF OLIVER CROMWELL AND MAXIMILIEN ROBESPIERRE

The article is focused on comparative analysis of a concept of the enemy of revolution as it was represented by two of its leaders, Oliver Cromwell and Maximilian Robespierre. The comparison is based on such sources as their speeches, letters and journalistic works. The article’s author reconstructs two separated by more than a century landscapes of revolutionary society in terms of its division into supporters and opponents of the revolution. The article centers on the transformation of the “enemy” category that had occurred during the period between the two revolutions, on the specific revolutionary “enemy classification” and on the place of the named category in general revolutionary power.

Key words: Oliver Cromwell, Maximilian Robespierre, England, France, XVI century, XVIII century, revolution, enemy, political vocabulary.

E. Bulycheva

THE RENTING OF TEMPLE LANDS AND FINANCING
OF RELIGIOUS CELEBRATIONS IN THE ATTICA
IN THE IV CENTURY B.C.

The purpose of the article is to consider the income from the rent of the sacred lands in the Attica IV B.C. as a source for financing the religious celebrations in the Greek polis. The author analyses the inscriptions from the Attica in IV B.C. about transactions on the rent of the sacred lands.

Key words: rent, Attica, sacred lands, income, celebrations.

D. Burashnikov

THE HISTORICAL COMMISSION
OF THE REICHSFUHRER SS

The article discusses the role of historians in the national socialist state and society basing on the work of the historical Commission of the Reichsfuhrer SS. Special attention is paid to the goals assigned to the Commission within the framework of the political process both prior to and after the Anschluss of Austria. The author also examines the role of professional historians in the work of the historical Commission, their goals, objectives, and the results of their work.

Key words: National Socialism, science, history, the historical Commission, the Anschluss.

E. Chernetskaya

COLONIAL THEME IN CONSERVATIVE PRESS
OF GERMAN EMPIRE (1888–1890)

The main subject of the article is a structure of presentation of colonial news in the German Empire periodicals in the end of XIX century. This colonies acquired by the Empire in late 1880th became gradually an important issue in internal and foreign politics, therefore colonies often and often appeared as the subject of periodical press. The estimation of importance of colonies for state was variable for conservative press and depended on current situation and editorial course, and also on public interests in colonial news.

Key words: German Empire, colonial politics, periodicals, the end of XIX century.

A. Chernykh

THE LETTERS OF SIDONIUS APOLLINARIS
IN THE COLLECTION OF THE BOOK MUSEUM
OF THE RUSSIAN STATE LIBRARY

This article is dedicated to the letters of gallo-roman bishop of the Vth century A.D., G.S. Sidonius Apollinaris in old-printed books of the XV–XVIth centuries, which was found in Collection of Rare and Valuable Books of the Department of rare and valuable books (Museum of the Book) of the Russian State Library.

Key words: Sidonius Apollinaris, letters, Jovanni Batista Pio, epistolography, incunabula, paleography, historical source.

I. Ermolova

THE BARBARIANS IN THE ROMAN FOREIGN
AND HOME POLITICS IN THE IV–V CENTURIES A.D.

The author of this article tries to examine the problem of the barbarian forces's use in the politics of the Later Roman Empire. The sources analysis shows, that together with the frontiers defense against foreign enemies, as it happened in the past, some new feature appears as an involvement of barbarians into Rome internal affairs and first at all into power struggle. On pursuit of their personal ambitions Roman statesmen all too often did not stop at using barbarian detachments to the derogation of the state and empire population.

Key words: The Roman Empire, barbarians, civil wars, usurper, frontier, devastation.

E. Kikteva

ORGANIZED NATIONALISM IN GERMANY
IN 1888–1918 (ACCORDING TO THE PAPERS
IN THE RUSSIAN ARCHIVES)

The article is devoted to the features of political activity and organizational structure of the mass nationalist organizations in Germany in the reign of Wilhelm II. The German Navy League, the Pan-German League and the Fatherland Party were chosen as samples of such organizations. Some new sources are introduced into use for the first

time, and another archival materials are involved anew into research concerning these organisations.

Key words: Wilhelmine Germany, Nationalism, Militarism, nationale Verbände.

E. Koroleva

MILITARY ELITE OF GERMAN EMPIRE
ABOUT THE ENEMY IN WORLD WAR I
(based on the memories)

This article is devoted to the image of the enemy, shown on pages of the German Empire military elite memoirs. The research of the Entente image is based on the memoirs of Erich Ludendorff, Paul von Hindenburg and Alfred von Tirpitz. They are used for studying German military command's vision of the Entente and its members. Particular attention is paid to the intellectual background of the era, emotional, social and personal perception of the enemy, particularity of the images by each of memoirists, as well as methods of their construction. The article discusses the similarities and the differences in the enemy images of Ludendorff, Hindenburg and Tirpitz, and the subjective factors by which they were caused. It also reveals the dependence of the images from the social affiliation of the authors to a particular caste and branch of troops.

Key words: military elite, World War I, German Empire, image of the enemy, memories.

P. Lebedev

THE REIGN OF MAXIMINUS THRAX IN GRECO-ROMAN
HISTORIOGRAPHY OF THE III–V CENTURIES A.D.

The paper discusses the representation of the reign of Maximinus Thrax (235–238) in Greco-Roman historiography of the III–V centuries A.D. In the historical sources the reign of Maximinus Thrax is not presented as a significant turning point in Roman history. The authors, depicting Maximinus's rule negatively, appraise other emperors of I–III A.D. significantly more severer. Thus the view of historians who question the concept that the crisis of the IIIrd century started in 235 seems reasonable.

Key words: Roman Empire, Maximinus Thrax, Greco-Roman historiography, Crisis of the Third Century.

E. Marey

IMAGE OF MUHAMMAD
IN THE “FIRST GENERAL CHRONICLE OF SPAIN”:
ABOUT THE MODE OF RELIGIOUS IDENTITY
CONSTRUCTION

The article is devoted to the image of Mohammed in “Primera Crónica General” of Spain. It analyses one of the episodes of the typical Spanish legend of Mohammed which tells about his preaching of Islam in Cordoba and the failed arrest of Mohammed on the orders of Isidore of Seville. This episode is taken from the “Chronicon mundi” by Lucas de Tuy. The work of Lucas is strongly anti-Islamic, and for its “moslem chapters” the chronicler uses it more than the “History of the Arabs” by Rodrigo of Toledo, despite the fact that the work of Rodrigo is based on Arabic sources, and is more authentic. This leads to the conclusion about principles of historical writing at the court of King Alfonso X. It seems that the story of Isidore and Mohammed had to indicate to readers and listeners that the confrontation of Islam and Christianity in Spain had a very ancient tradition.

Key words: Mohammed, image of Mohammed in the medieval chronicles, Isidore of Seville, Primera Crónica General, Lucas de Tuy.

N. Rostislavleva

CONCEPT OF “IDEAL TYPES” OF MAX WEBER
AS THE MULTIDISCIPLINARY PROJECT

The article refers to the Max Weber’s theory of the “ideal type” as approach to cognition of the historical reality in the era of the rationalization of society at the turn of the 19th and 20th centuries. Max Weber defined that period as a transition of sciences to a greater specialization and suggested application of the concept of “ideal types” using cognitive tools of natural sciences. This allows to assess Weber’s cognitive approach as a multidisciplinary project.

Key words: Max Weber, the concept of “ideal types”, the cognition of historical reality, multidisciplinary.

O. Saprikina

ON THE WAY TO THE NATIONAL EDUCATION:
CZECHS IN THE CULTURAL MOVEMENT
FOR THE CREATION OF THE UNIVERSITY IN BRNO

At the turn of XIX–XX centuries the Slavic peoples of the Austro-Hungarian monarchy sought to establish their own national universities. The subject of study in this article is a struggle of Czech intellectuals for opening the National University in Moravia. The study is based on materials of the press and publicism. It reveals an important aspect of the independence movement – the formation of National Education.

Key words: university, Austria-Hungary, Czech intellectuals, Slavic peoples, education, national movement.

R. Zarapin

EGYPTIANS IN PTOLEMAIC
EGYPT ADMINISTRATION SYSTEM

The article is devoted to the questions of national politics in Hellenistic Egypt. The author demonstrates that administration reform, carried out in the beginning of the 2nd century BC, gave to native Egyptians an opportunity to enter the state administration.

Key words: Hellenism, Ptolemaic Egypt, national politics, administrative reform.

L. Zhukova

FORMATION OF THE UNIVERSITY OF ST. ANDREWS
IN THE XV – EARLY XVI CENTURIES AND WEST
EUROPEAN MODELS OF UNIVERSITY ORGANIZATION

This article is devoted to the analysis of administrative structure of the University of St Andrews at the initial stage of its development (the XV – the first quarter of the XVI century) and its comparison with European practices of the late Middle Ages. The University of St Andrews, in accordance with European traditions, followed an example of the oldest university – that of Paris. However, in the first century of its existence, it was far from taken patterns and had great difficulty with regard to ordering its inner life. At the same time it resembled most European universities of the late Middle Ages not only in the area of the organizational structure, but also with respect to its vicissitudes.

Key words: universities, Middle Ages, Europe, St Andrews, organization, borrowings.

Сведения об авторах

Ауров Олег Валентинович – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Лаборатории антиковедения Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук РАНХиГС, olegaurrov1@yandex.ru

Балушкина Екатерина Владимировна – аспирант кафедры всеобщей истории ФАД ИАИ РГГУ; ведущий специалист Отдела изучения и публикации документов ГА РФ, andoch@yandex.ru

Бульчева Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ФАД ИАИ РГГУ, bulychevalena@yandex.ru

Бурашников Дмитрий Андреевич – аспирант кафедры всеобщей истории ФАД ИАИ РГГУ, burashnikov@bk.ru

Ермолова Ирина Евгеньевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ФАД ИАИ РГГУ, merira@mail.ru.

Жукова Любовь Александровна – научный сотрудник Отдела рукописей Государственной Третьяковской галереи, fennpесu@yandex.ru

Зарапин Роман Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ФАД ИАИ РГГУ, rzarapin@mail.ru

Киктева Евгения Викторовна – аспирант кафедры всеобщей истории ФАД ИАИ РГГУ, eva_solv2@mail.ru

Королева Елизавета Владимировна – аспирант кафедры всеобщей истории ФАД ИАИ РГГУ, schwertlilie@mail.ru

Лебедев Павел Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ФАД ИАИ РГГУ, lebedevp235@gmail.com

Марей Елена Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент Школы исторических наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, elena.fontis@gmail.com

Ростиславлева Наталья Васильевна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории ФАД ИАИ РГГУ, ranw@mail.ru

Саприкина Ольга Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ФАД ИАИ РГГУ, saprolga@yandex.ru

Чернецкая Екатерина Кирилловна – аспирант кафедры всеобщей истории ФАД ИАИ РГГУ, dead-mello@yandex.ru

Черных Александр Игоревич – аспирант кафедры всеобщей истории ФАД ИАИ РГГУ, alex-clever.91@mail.ru

General data about the authors

Aurov Oleg V. – Ph.D. in History, associate professor, leading researcher, Laboratory for Antique Studies, School for Advanced Studies in Humanities, School of Public Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, olegaurov1@yandex.ru

Balushkina Ekaterina V. – postgraduate student, Department of World History, Faculty of Archives Administration, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; leading specialist, Research and Publication Department, State Archive of the Russian Federation, andoch@yandex.ru

Bulycheva Elena V. – Ph.D. in History, associate professor, Department of World History, Faculty of Archives Administration, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, bulychevalena@yandex.ru

Burashnikov Dmitriy A. – postgraduate student, Department of World History, Faculty of Archives Administration, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, burashnikov@bk.ru

Chernetskaya Ekaterina K. – postgraduate student, Department of World History, Faculty of Archives Administration, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, dead-mello@yandex.ru

Chernykh Alexander I. – postgraduate student, Department of World History, Faculty of Archives Administration, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, alex-clever.91@mail.ru

Ermolova Irina E. – Ph.D. in History, associate professor, Department of World History, Faculty of Archives Administration, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, merira@mail.ru

Kikteva Evgeniya V. – postgraduate student, Department of World History, Faculty of Archives Administration, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, eva_solv2@mail.ru

Koroleva Elizaveta V. – postgraduate student, Department of World History, Faculty of Archives Administration, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, schwertlilie@mail.ru

Lebedev Pavel N. – Ph.D. in History, associate professor, Department of World History, Faculty of Archives Administration, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, lebedevp235@gmail.com

Marey Elena S. – Ph.D. in History, associate professor, School of History, Faculty of Humanities, National Research University “Higher School of Economics”, elena.fontis@gmail.com

Rostislavleva Natalia V. – Dr. in History, professor, Department of World History, Faculty of Archives Administration, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, ranw@mail.ru

Saprikina Olga V. – Ph.D. in History, associate professor, Department of World History, Faculty of Archives Administration, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, saprolga@yandex.ru

Zarapin Roman V. – Ph.D. in History, associate professor, Department of World History, Faculty of Archives Administration, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, rzarapin@mail.ru

Zhukova Lyubov A. – researcher, Department of Manuscripts, State Tretyakov Gallery, fennnecu@yandex.ru

Заведующая редакцией *И.В. Лебедева*

Художник *В.В. Сурков*

Художник номера *В.Н. Хотеев*

Корректор *О.Н. Панкова*

Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Подписано в печать 30.12.2015.
Формат 60×90^{1/16}
Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 10,5.
Тираж 1050 экз. Заказ № 6

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggi.ru
www.knigirggi.ru